16+

ЭТНО диалоги

АЛЬМАНАХ №2 (58) 2019

Глобальный прогноз по миграции

Антропология советскости

Этнография в Казанском университете

Первые буквари для народов Севера, Сибири и Дальнего Востока

Икат в современной моде

Издательский дом ЭТНОСФЕРА
www.etnosfera.ru

www.etnosfera.ru

ЭТНО диалоги

АЛЬМАНАХ

№2 (58) 2019

«Этнодиалоги». Научно-информационный альманах. 2019. №2 (58) 2019. — 240 с.

Альманах «Этнодиалоги» адресован широкому кругу читателей, интересующихся вопросами международного образования, национальной и миграционной политикой, историей и этнологией. Целевая аудитория издания — руководители, методисты и педагоги образовательных учреждений России и зарубежья, государственные служащие федеральных и муниципальных органов власти, представители национально-культурных автономий, неправительственных и общественных организаций, российские соотечественники за рубежом, ученые и специалисты гуманитарной сферы знаний.

Научно-информационный альманах «Этнодиалоги» включен в цитатную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и Science Index.

ISSN 2071–8349

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77–29339 от 23.08.2007 выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

© Центр содействия межнациональному образованию «ЭТНОСФЕРА», 2019
© Альманах «Этнодиалоги», 2019

АЛЬМАНАХ «ЭТНОДИАЛОГИ» №2 (58) 2019

СОДЕРЖАНИЕ

8 МИГРАЦИЯ И МИГРАНТЫ

8 **Дмитрий Полетаев** (Москва) / Глобальный прогноз по миграции на кратко- и среднесрочную перспективу

20 **Елена Омельченко** (Москва) / Подходы к исследованию адаптационных стратегий эмигрантов из России за рубежом

40 **Ольга Яшина** (Москва) / Этностереотипы и стереотипы о миграции в современном кинематографе

47 РУССКИЙ ЯЗЫК В МИРЕ

47 **Елена Болотова** (Москва) / II международный конгресс «По-русски. В контексте многоязычия»

53 ОБРАЗОВАНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

53 **Марина Кривенькая** (Москва) / Молодежь о цифровой социализации: единение и одиночество в сети

60 АНТРОПОЛОГИЯ СОВЕТСКОСТИ

60 **Наталья Кнэхт, Петр Глебов** (Москва) / Антропология «советского» в свете постоттепельного кинематографа

82 **Иван Гринько, Анна Шевцова** (Москва) / «НИИкому не нужно»: как советских ученых видела официальная карикатура

111 **Тамара Красовицкая** (Москва) / «Горская интеллигенция к эпохе почти физиологически не приспособлена». 1920-е годы

136 **Анастасия Юренко, Юрий Юренко** (Москва) / Отражение советской эпохи в жизни современной церковной общины

152 НАСЛЕДИЕ

152 **Ирина Купцова, Валерия Воробьева** (Москва) / Музейная коммуникация как средство формирования культуры соучастия (на примере музея-резиденции «Арткоммуналка. Ерофеев и другие», г. Коломна)

166 **Ольга Родионова** (Москва) / Трансформация образа Другого в русской монументальной живописи XV–XIX веков

187 **Мафтуна Атамуратова** (Москва) / Ускользающая красота: икат в современной моде

CONTENT

8 MIGRATION AND MIGRANTS

8 **Dmitry Poletaev** (Moscow) / Short and Medium-term Global Migration perspective

20 **Elena Omelchenko** (Moscow) / Approaches to the study of adaptation strategies for emigrants from Russia abroad

40 **Olga Yashina** (Moscow) / Ethno-stereotypes and stereotypes about migration, reflected in the cinema

47 RUSSIAN LANGUAGE IN THE WORLD

47 **Elena Bolotova** (Moscow) / II International Congress «In Russian in the context of multilingualism"

53 EDUCATION IN THE DIGITAL AGE

53 **Marina Krivenkaya** (Moscow) / Youth about digital socialization: unity and loneliness on the web

60 ANTHROPOLOGY OF SOVIETNESS

60 **Natalia Knekht, Peter Glebov** (Moscow) / Anthropology of the «Soviet» in the light of post-thaw cinema

82 **Ivan Grinko, Anna Shevtsova** (Moscow) / «No one needs NII»: how the official caricature saw Soviet scientists

111 **Tamara Krasovitskaya** (Moscow) / «The highland intelligentsia doesn't fit the era almost physiologically». 1920s

136 **Anastasiya Yurenko, Yuri Yurenko** (Moscow) / Reflection of the Soviet era in the life of the modern Church community

152 HERITAGE

152 **ZIrina Kuptsova, Valeriya Vorobiyova** (Moscow) Museum communication as a source for building a copartnership culture (as seen in the Museum-residence «Artcommunal flat. Erofeev and others», the town of Kolomna)

166 **Olga Rodionova** (Moscow) / Transformation of «the Other» Image in the Russian Monumental Painting of XV-XIX centuries

187 **Maftuna Atamuratova** (Moscow) / Beauty that lasts so little: Ikat in modern fashion

193 СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

193 **Елена Гущина** (Казань) / Этнография в Казанском университете

206 **Надежда Бирюкова** (Москва) / Образовательная политика в отношении коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в XIX–XX веках

224 ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

224 **Наталья Белянкова** (Арзамас) / Обучение детей мигрантов как педагогическая проблема

193 PAGES OF HISTORY

193 **Elena Gushchina** (Kazan) / Ethnography at Kazan University

206 **Nadezhda Biryukova** (Moscow) / Education policy towards the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in XIX–XX centuries

224 PEDAGOGICAL WORKSHOP

224 **Natalia Belyankova** (Arzamas) / Education of migrant children as a pedagogical problem

МИГРАЦИЯ И МИГРАНТЫ

Дмитрий Полетаев

Глобальный прогноз по миграции на кратко- и среднесрочную перспективу

Материал представляет собой часть Глобального прогноза Российского совета по международным делам (РСМД) на 2019–2024 годы, посвященную миграционной ситуации в России и мире. Спрос на иностранную рабочую силу в России приводит к постепенному ослаблению требований к иностранным трудящимся-мигрантам. Это убедительно доказывает и новая концепция миграционной политики до 2025 года. Условия, затрудняющие для иностранной рабочей силы выход на российский рынок труда, будут упрощаться и в дальнейшем. Тем не менее в последние годы в России устоялся контролирующий, а не экономический подход к управлению миграционными процессами, хотя он и ослабляется со временем. При этом наблюдается консервация текущей ситуации, характеризующейся значительным теневым сектором экономики и коррупции в миграционной сфере

Ключевые слова: *международная миграция, учебная миграция, трудовая миграция, «иностранная рабочая сила, мигранты из Узбекистана, дети мигрантов, интеграционные программы, мигранты в России, теневая экономика, экологическая миграция, радикализация*

Мир в 2019 году

В мире продолжится усиление позиций правых партий, а также всех партий консервативного толка, выступающих за ограничительные меры в сфере миграции в развитых странах. Вне зависимости от успеха таких партий и их роли в национальных парламентах и правительствах общий градус настороженности по отношению к потокам беженцев и недокументированных трудовых мигрантов продолжит расти. В связи с этим возможно появление новых инициатив в сфере защиты границ как со стороны национальных правительств развитых стран, так и межгосударственных объединений (ЕС). Несмотря на оптимистичные перспективы подписания в Марракеше Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции в декабре 2018 года, это не остановит привлекательные для мигрантов страны в формировании новой системы безопасности на границах и переходу к более селективным формам приема и отбора как трудящихся-мигрантов, так и тех, кто переселяется на постоянное место жительства. Это увеличит риски укрепления и расширения сетей теневых посредников по нелегальному перевозу мигрантов в страны Западной Европы и США и постепенному росту числа недокументированных мигрантов в этих странах. Также существуют риски роста теневой экономики за счет неформальной занятости мигрантов, незаконно пересекших границу.

Полетаев Дмитрий Вячеславович, *кандидат экономических наук, директор Центра миграционных исследований, ведущий научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, эксперт Российского совета по международным делам, poletaev3@gmail.com*

Источник: **Полетаев Д.Э.** *Глобальный прогноз по миграции на кратко- и среднесрочную перспективу // Глобальный прогноз РСМД 2019–2024. URL: http://russiancouncil.ru/2019-globalissues#4*

РФ в 2019 году

РФ проходит острую фазу сокращения населения в трудоспособном возрасте, поэтому с высокой долей вероятности можно прогнозировать, что в 2019 году будут предприняты новые меры по снятию барьеров для трудовой миграции в Россию. Так, например, будет усиливаться сотрудничество с Узбекистаном — самым значительным донором рабочей силы для нашей страны. Ожидается усиление взаимодействия двух стран в миграционной сфере и, возможно, снятие части

барьеров для трудовых мигрантов из Узбекистана в России.

Учебная миграция в Россию, вероятно, расширится за счет притока иностранцев в российские учреждения среднего профессионального образования (СПО). Это направление уже появилось в новой концепции миграционной политики. Вместе с тем такое расширение масштабным не будет: российские учреждения СПО к массовому приему иностранцев не готовы.

Усиление контроля режима регистрации по месту жительства, введенное летом 2018 года, в 2019 году будет иметь несколько негативных эффектов:

— усилятся риски роста коррупции, связанные с продажей и покупкой фальшивых регистраций (часто арендодатели уклоняются от регистрации трудовых мигрантов при сдаче им жилья в аренду);

— ухудшится доступ детей-мигрантов в детские сады и школы, так как электронная запись в эти образовательные учреждения подразумевает указание регистрации по месту жительства, а фальшивые регистрации в случае попытки их использования родителями детей мигрантов сразу обнаруживаются при сверке с официальными базами данных;

— снизятся шансы на получение гражданства РФ у тех мигрантов в России, кто в силу разных причин воспользовался услугами теневых посредников и получил фальшивую регистрацию.

Несмотря на все негативные эффекты миграции, не нивелируемые в России с помощью адаптационных и интеграционных программ (на которые в 2019 году не планируется выделять бюджетные средства), риски, связанные с миграцией (терроризм, «утечка умов», рост ксенофобии и мигрантофобии), на 2019 год не очень актуальны.

Мир до 2024 года

В связи с усилением цифровизации мировой экономики наиболее острая конкуренция и в США, и в ЕС развернется за специалистов в области IT и компьютерных технологий.

Экологическая миграция будет приобретать все больший размах, и беженцы из стран с экологическими (а значит, и с экономическими) проблемами будут расти в количественном отношении, стараясь на легальной и нелегальной основе достичь развитых стран и/или соседних стран. Речь идет как о странах, на которые повлияет повышение уровня мирового океана (например, Бангладеш), так и о регионах Центральной Азии с засушливым климатом.

Если политика международных организаций, занимающихся различными аспектами миграционных процессов (МОМ, МОТ, УВКБ ООН), будет развиваться в том же ключе, что и сегодня, их роль и авторитет продолжат падать. С другой стороны, неправительственные организации (НПО), все чаще выходящие на прямой контакт с национальными правительствами, глобализируются, создавая свои сети как для внутренней, так и международной работы. Они станут более серьезными акторами не только при оказании прямой помощи разным типам мигрантов, но и при консультировании властей разных уровней, национальных правительств и межгосударственных объединений.

Число международных учащихся перестанет расти так быстро, как это происходило в последние десятилетия. С одной стороны, Индия и Китай, из которых ехало учиться в другие страны больше всего студентов, привлекли большие инвестиции в свои университеты и резко повысили качество образования. Поэтому средний класс в этих странах предпочитает обучение детей

на родине. С другой стороны, в США и Австралии, а с недавних пор и в Нидерландах, Швейцарии и Швеции, снизили усилия по привлечению иностранных студентов ввиду более консервативных взглядов на миграцию в этих странах в последние годы. В Великобритании поток иностранных студентов (преимущественно из европейских стран) приостановил Brexit. Таким образом, государства, ранее поставлявшие иностранных студентов, развивают собственные вузы, а страны – экспортеры высшего образования вывели учащихся-иностранцев из приоритетов своего развития.

Страны Европы из-за старения населения будут испытывать дефицит рабочей силы, поэтому конкуренция за нее, в особенности квалифицированную, постепенно будет нарастать. С другой стороны, постепенное старение населения европейских стран также повлечет за собой расширение сферы заботы и рост числа домашних работников. Если в случае квалифицированной рабочей силы трудящиеся-мигранты из неевропейских стран будут конкурировать на рынке труда с местными специалистами стран Западной и Восточной Европы, то в случае домашних работников ниша сферы заботы почти полностью останется за внешними мигрантами не из ЕС. Это подтверждает пример выходцев из Молдавии и Украины, которые находят себе рабочие места в странах Западной Европы уже не первое десятилетие.

В среднесрочной и долгосрочной перспективе мигранты из Африки, стран Большого Ближнего Востока по-прежнему будут стремиться к переселению в страны Европы. Активные боевые действия на Большом Ближнем Востоке, которые велись в последние десятилетия, миновали свою острую фазу, однако их экономики сильно пострадали и не являются привлекательными для возвращения беженцев. Выезд в Европу из стран Большого Ближнего Востока будет также идти по ли-

нии воссоединения семей. Особые риски для европейских стран несет в себе и миграционный поток из Африки. Высокая рождаемость, ограниченные возможности для трудоустройства на родине, туманные перспективы для экономического роста большинства стран региона в будущем, а также постоянно улучшающаяся и совершенствующаяся транспортная инфраструктура — это те факторы, которые обуславливают движение потоков мигрантов в Европу из Африки. В 2009 году общая численность населения Африканского континента составила 1 млрд человек, а уже к 2040 году она достигнет 2 млрд человек, и рост продолжится. Мигранты из этого региона осознанно устремлены в Европу, и их движение, как и движение из стран Большого Ближнего Востока, в условиях ограничительных мер со стороны европейских стран со временем приведет к увеличению рисков терроризма: далеко не все эти мигранты смогут полностью легализоваться, найти постоянную официальную работу и жить на достойном уровне по сравнению с коренными жителями европейских стран. Часть из них войдут в группу риска, будут уязвимы для вербовки радикальными и террористическими группировками.

Страны Европы не смогут эффективно противостоять этому бесконтрольному передвижению, но могут к нему подготовиться, разрабатывая и совершенствуя планы управления миграционными потоками, чтобы максимально смягчить негативные эффекты. Мы уже наблюдаем резкое увеличение финансирования на охрану границ ЕС и повышенный интерес к развитию возможностей реадмиссии мигрантов в страны, из которых они прибывают в Евросоюз. Эти практики будут развиваться и совершенствоваться.

В то же время программы помощи развития уязвимым государствам со стороны развитых стран не будут

настолько эффективны, чтобы решить вопрос постоянного пополнения последних мигрантами.

Усиление присутствия правых партий в системах власти стран Западной Европы в последние годы позволяет также с большой степенью уверенности прогнозировать постепенное расширение национальных полномочий стран ЕС по регулированию миграционных потоков, а также сокращение легальных возможностей для прибытия в европейские страны трудящихся-мигрантов из государств как не входящих в ЕС, так и, возможно, из стран Восточной Европы, уже вошедших в ЕС. Такое положение дел приведет к постепенному росту числа недокументированных мигрантов и уходу в тень тех ниш экономики, которые сегодня притягивают зарубежных трудящихся-мигрантов: строительство, домашний труд, сельское хозяйство, гостиничный бизнес, общепит, уборка улиц и офисов и т.д. В зависимости от специфики стран такие сферы как ЖКХ и промышленность также могут увеличить свою теневую составляющую. Правый крен также заметен и в США, и с этим фактом будут считаться в среднесрочной перспективе.

РФ до 2024 года

Спрос на иностранную рабочую силу в России приводит к постепенному ослаблению требований к иностранным трудящимся-мигрантам. Это убедительно доказывает и новая концепция миграционной политики до 2015 года от 2018 года. Патент как инструмент легализации занятости для иностранных работников из стран СНГ в России можно признать ослаблением контроля, а в отношении трудящихся-мигрантов из стран ЕАЭС требования еще лояльнее: патенты им получать не требуется. Условия, затрудняющие для иностранной рабочей силы выход на российский рынок труда, будут упрощаться и в дальнейшем.

Тем не менее в последние годы в России устоялся контролирующий, а не экономический подход к управлению миграционными процессами, хотя он и ослабляется со временем. При этом наблюдается консервация текущей ситуации, характеризующейся значительным теневым сектором экономики и коррупции в миграционной сфере. Ужесточение системы регистрации (уже давно неэффективной системы миграционного контроля в России) создает почву для дальнейшего роста коррупции в сфере миграции и общему усложнению легализации трудовых мигрантов в России.

Так, даже в рамках ЕАЭС наблюдается усиление теневых отношений и расширение серой зоны в российской экономике. Хотя работники из Киргизии в России уже не должны приобретать патенты для работы, они прибегают к услугам теневых посредников для покупки фальшивой регистрации по месту жительства, так как арендодатели не регистрируют их в съемном жилье.

В среднесрочной перспективе усилятся риски распространения туберкулеза и ВИЧ в России среди трудящихся-мигрантов из ЕАЭС, так как отмена патентов привела к снижению уровня контроля за этими опасными заболеваниями среди них в России.

В среднесрочной перспективе сохраняющийся уровень коррупции в миграционной сфере еще больше усложнит управляемость миграционными процессами и законсервирует теневые ниши занятости для трудящихся-мигрантов. В свою очередь, это спровоцирует переход значительной части трудящихся-мигрантов в России от адаптации к условиям неформальной работы, к укреплению и институционализации уже сложившихся теневых практик вокруг миграции.

Отсутствие интеграционных программ, официальной специализированной инфраструктуры и сервисов для обслуживания мигрантов разных типов (в первую очередь для трудовых мигрантов) усиливает риски роста социального недовольства в российском обществе и укрепления параллельных сообществ мигрантов в России, что препятствует единству российского общества.

Как и в Европе, в среднесрочной перспективе рост рисков терроризма следует ожидать и в России, так как и в нашей стране положение значительного числа мигрантов непростое, а условия труда тяжелые.

В долгосрочной перспективе (8–10 лет) существуют риски радикализации в двух форматах: с одной стороны, рост радикализации российских националистов, а с другой — радикализация как трудовых мигрантов, так и россиян иностранного происхождения, в том числе выросших в России детей мигрантов, представляющих собой уязвимую группу для радикальных групп, в том числе религиозных. Свидетельства реальности таких рисков россияне уже наблюдали не раз. В качестве примера можно привести выступления в Москве на Манежной площади, использование «мигрантского фактора» при конфликте вокруг собственности в Бирюлеве, а также теракт в петербургском метро, вербовка на территории России радикалов из числа мигрантов для службы в ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная на территории России), возникновение «тюремных джамаатов», к которым присоединяются и иностранные граждане, отбывающие наказание в российских тюрьмах и т.д. Пока такие случаи единичны, но риски со временем будут нарастать. При этом в среднесрочной перспективе эти риски вряд ли будут реализованы. Немаловажным фактором при этом можно назвать то, что Россия — это страна мигрантов, у нее очень

богатая мигрантская история, и это дает определенный запас прочности и иммунитета на ближайшее время.

Постепенное старение населения России, как и в других европейских странах, приведет к расширению сферы заботы, рост которой в крупных российских городах уже показывают выборочные исследования последних 5–7 лет. Трудящиеся-мигранты пока находятся в конкуренции в этой сфере с местными работниками, зачастую тоже мигрантами, но внутрироссийскими. При этом, например, ниша ухода за пожилыми и больными людьми не вызывает большой конкуренции местных работников с приезжими, так как это тяжелый труд, и местные работники неохотно на него соглашаются.

Нарастающая потребность в реиндустриализации России в условиях сокращения ресурсов молодежи в предстоящие годы усилит дефицит квалифицированных и неквалифицированных рабочих и специалистов. Существует ряд проектов и направлений (Академгородок 2.0, модернизация и развитие ВПК, дальнейшее развитие АПК), которые потребуют подготовки дополнительной квалифицированной рабочей силы для российского рынка труда. С другой стороны, в среднесрочной перспективе в условиях дальнейшего сохранения санкционной политики и текущих сложностей для малого и среднего бизнеса продолжится эмиграция квалифицированных кадров — молодежь будет искать для себя за рубежом лучшие условия для роста и развития как минимум на временной основе.

Процесс замещающей миграции из стран бывшего СССР, поддерживающий демографический и экономический потенциал России, частично компенсирующей «утечку умов», будет продолжаться. Тенденции последних лет показывают некоторый рост числа иностранных студентов из стран ЕАЭС. Так, после образования

ЕАЭС в России в два раза возросло число студентов из Казахстана. К сожалению, как уже было сказано ранее, не стоит ожидать значительный приток иностранцев в российские учреждения среднего профессионального образования, так как они не готовы к масштабному приему иностранцев: это будет ограниченный поток, который может расшириться только при масштабной программе модернизации системы среднего профессионального образования.

С учетом структуры потока иностранной рабочей силы в Россию стратегически важным видится усиление сотрудничества в этой сфере с Узбекистаном, активно инициирующееся последним. Но ресурс Узбекистана за пределами 2024 года резко уменьшается. Постепенно экологическая миграция из Средней Азии (в частности, из того же Узбекистана) будет приобретать все более важную роль.

Исследования показывают, что продолжается и даже ускоряется миграция из Сибири и Дальнего Востока в европейскую часть России, и это усиливает региональный дисбаланс в распределении рабочей силы. Уже в среднесрочной перспективе необходимо предпринимать меры по поиску ресурсов и возможностей как для привлечения иностранной рабочей силы в Сибирь и на Дальний Восток, так и улучшения жизненных условий для россиян в этих регионах, чтобы снизить их отток в центральные регионы России.

Dmitry Poletaev,
PhD. in Economics, Director of the Center for migration studies, Leading researcher, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (IEF RAS), Expert of the Russian Council for International Affairs, poletaev3@gmail.com

Short and Medium-term Global Migration perspective

The material is a part of the Global Forecast of the Russian Council on Foreign Affairs (RIAC) for 2019–2024, dedicated to the migration situation in Russia and the world. The demand for foreign labor in Russia leads to a tapering of the requirements for foreign migrant workers. This is convincingly proved by the new concept of migration policy until 2015. Conditions that make it difficult for foreign workers to enter the Russian labor market are supposed to be simplified in the future. In recent years, however, Russia has adopted a controlling, rather than economic, approach to migration processes, although it is weakening over time. At the same time, there is a preservation of the current situation, characterized by a significant shadow sector of the economy and corruption in the migration sphere.

Keywords: international migration, educational migration, labor migration, foreign labor force, migrants from Uzbekistan, children of migrants, integration programs, migrants in Russia, shadow economy, environmental migration, radicalization

Елена Омельченко

Подходы к исследованию адаптационных стратегий эмигрантов из России за рубежом

В статье рассматриваются подходы к исследованию адаптационных стратегий эмигрантов из России с помощью материалов, собранных в русских школах – зарубежных образовательных организациях с преподаванием русского языка или на русском языке. В этом контексте приводятся примеры использования интервью как метода научного исследования процессов адаптации и интеграции иноязычных мигрантов, прежде всего русскоязычных детей и молодежи, обучающихся в школах с русским компонентом. Анализируются высказывания руководителей и учителей таких образовательных учреждений, выявляется их общее отношение к вопросам адаптации русскоязычных детей в инокультурном обществе, а также понимание педагогической миссии. Доказывается важность привлечения описываемого типа источников для исследования интеграции мигрантов средствами образования и просвещения. Выдвигается и обосновывается гипотеза о взаимосвязи выбора для обучения ребенка русской школы и стратегии адаптации семьи на новом месте проживания.

Ключевые слова: *русскоязычное образование, русские школы за рубежом, интеграция, адаптационные стратегии, мигранты*

Омельченко Елена Александровна,
кандидат исторических наук, заместитель директора Института социально-гуманитарного образования по научной работе, директор Центра историко-культурных исследований религии и межцивилизационных отношений ИСГО МПГУ, и.о. декана факультета регионоведения и этнокультурного образования, профессор кафедры культурологии, Московский педагогический государственный университет,
ea.omelchenko@mpgu.su

Последние двадцать лет в некоторых странах постсоветского пространства сфера образования на русском языке претерпевает значительные изменения и сжимается. В то же время в государствах традиционного зарубежья в течение последних пяти–десяти лет наблюдаются активное развитие и рост числа образовательных учреждений с преподаванием русского языка и обучением на русском языке. Большинство из них – это частные детские сады и школы, созданные эмигрантами из России и сопредельных стран постсоветского пространства.

Разнообразие форматов велико: это и школы выходного дня, и языковые курсы, и центры дополнительного образования, и фольклорные студии, и родительские клубы, и полноценные школы – как чисто русскоязычные, так и билингвальные, а в ряде случаев – многоязычные. Как правило, основная цель, которую ставят перед собой подобные образовательные организации, – сохранение детьми из русскоязычных семей языковой и культурной идентичности, или, проще говоря, владения русским языком и знаниями о русской культуре.

Но данная цель далеко не единственная, как показывает опыт взаимодействия с Международным педагогическим обществом в поддержку русского языка, основанного в Москве в 2004 году и успешно действующего в разных странах. Многолетние наблюдения за работой таких образовательных организаций убеждают в том, что для семей из России и стран постсоветского пространства названной цели сопутствуют две различные адаптационные стратегии. Одна из них – желание сделать интеграцию своих детей в принимающее инокультурное общество более мягким и психологически комфортным процессом, без потери связи с родным языком и культурой. Другая, скорее, демонстрирует неготовность к быстрой социально-культурной и психологической адаптации в принимающее общество (при этом освоение языка может быть завершено достаточно быстро, то есть проблема явно не в языковой адаптации) и, соответственно, выстраивается на противопоставлении «своего» «чужому».

В связи с вышесказанным автор выдвигает гипотезу о возможности исследования адаптационных стратегий семей русскоязычных иммигрантов через выбор той или иной образовательной траектории для своего ребенка в рамках получения им как основного, так и дополнительного образования. Под этим подразумева-

ется и выбор типа школы обучения, и количество часов, отведенных на изучение (сохранение) родного языка, и готовность или неготовность к платному обучению ребенка в «русской школе». Корректность сформулированной выше гипотезы может быть в будущем проверена путем массового социологического исследования – предпочтительно в формате анкетного опроса в среде русскоязычной диаспоры за рубежом. Для ее предварительной проверки в настоящей статье анализируются материалы интервью и публичных выступлений руководителей и учителей, работающих в зарубежных образовательных организациях с изучением русского языка или преподаванием на русском языке.

Территориальные рамки настоящего исследования ограничиваются в основном странами Европы и постсоветского пространства. Хронологические рамки используемых материалов (интервью и публичных высказываний учителей и директоров) – с 2013 по 2018 год.

Два основных термина, на которые опирается автор, – это понятия адаптации и интеграции иммигрантов. Под адаптацией понимается процесс, состояние и результат привыкания иноэтничных мигрантов к новой среде обитания, влекущий за собой переживаемые изменения прежде всего самим иммигрантом. Интеграция понимается автором как процесс, состояние и результат обоюдных изменений в среде мигрантов и принимающего их общества, который обеспечивает полноценность включения иммигрантов в принимающее общество, и определенное изменение под воздействием этих процессов социокультурной структуры самого общества. Адаптация предшествует интеграции и является ее непременным условием [11, с. 157–163]. Основные составляющие интеграционного процесса – языковая, культурная, социальная и психологическая адаптация.

Языковая адаптация включает интенсивное обучение государственному языку и приобретение в результате необходимых языковых компетенций. Именно возможность общения, приобретение коммуникативных умений и навыков лежит в основе процесса языковой адаптации. Мотивы изучения языка могут быть инструментальными и интегративными. Инструментальными они являются прежде всего при получении работы или образования, а если язык изучается также и для лучшего понимания принимающего большинства, то мотивация становится еще и интегративной [5, с. 800].

В лингвистике (лингводидактике) процесс овладения языком подразумевает освоение «лингвокультурного кода», на основе которого человек становится способным успешно осуществлять коммуникацию [15, с. 2]. Иначе говоря, это усвоение норм, устоев, ценностей принимающего общества, проявляющихся и в повседневной, и в политической культуре. Этот процесс (этап) можно считать «культурной адаптацией» мигранта, и происходит это освоение «культурных кодов» принимающего общества через знакомство с основами его истории и культуры, законами страны, этикетом и нормами повседневного общения. С понятием «культурный код» в определенной степени сближается понятие «менталитет», определяемое как комплекс коллективных культурных и социальных установок, особенностей повседневного мышления, фиксируемых в метафорах, поговорках, символах [16, с. 49].

Социальная адаптация сопутствует культурной адаптации и позволяет мигрантам лучше осваивать новые статусы и роли, вырабатывать адекватные стратегии поведения и успешно адаптироваться к окружающей среде. Очевидно, что быстрее всего процесс социальной адаптации происходит в детском возрасте, в школе,

среди сверстников – представителей принимающей страны.

Процесс социальной адаптации включает два этапа. Первый – это знакомство с местным законодательством, освоение норм и правил социального поведения, способов взаимодействия в новом для мигранта обществе. Это этап, при котором мигрант обладает, по словам Ю.В. Арутюняна, «гостевой» идентичностью [2, с. 40]. Второй этап начинается при долговременном (от года и более) проживании на новом месте – запускается процесс формирования у мигранта чувства принадлежности к новому обществу, гражданской идентичности. Случается, когда, например, при приобретении гражданства «по браку», второй этап опережает первый, но в этом случае гражданская идентичность является только формально-правовой, а никак не внутренне осознанной. Цель же – неформальное, внутреннее осознание иммигрантом сопричастности к новой для него общности. Разумеется, приобретение новой гражданской идентичности отнюдь не противоречит сохранению собственной этнической идентичности.

Эксперты полагают, что в условиях современной городской среды социальная и культурная категоризации перемешиваются. Например, разделение труда способствует закреплению и акцентированию культурных различий. В основе категоризации социальных групп мигрантов – яркие индикаторы, например, необычная внешность, речь с акцентом, непривычные нормы поведения. В ситуации, когда люди оказываются разделенными не только культурной, но и статусной границей, наблюдается эффект увеличения воспринимаемых межкультурных различий, культурной дистанции. В результате создается реальная почва для формирования негативных межэтнических установок [13, с. 41]. Это говорит о необходимости целенаправленных усилий по

социальной адаптации всех категорий мигрантов и прежде всего детей из семей мигрантов, на которых часто переносится отношение к их родителям.

Психологическая адаптация при вхождении в иную культурную среду подразумевает ясное понимание личностной и этнической идентификации, хорошее душевное здоровье и общую способность достигать чувства личного удовлетворения в обществе пребывания, а также преодоление иммигрантом культурного шока и личную способность воспринимать изменения и подвергаться им.

Адаптация может и не завершиться интеграцией. Это означает, что иноэтничный мигрант будет иметь внешние признаки адаптации: он найдет работу и жилье, но при этом не будет интегрированным в принимающее общество, продолжит жить по иным социальным нормам и правилам, не овладеет социальным языком норм и правил поведения этого общества.

Система образования всегда являлась одним из важнейших факторов поддержки и распространения языка как государственного (для интеграции и ассимиляции в принимающее общество), так и родного (для сохранения этнокультурной идентичности). Эксперты признают, что исторический максимум числа людей в мире, в той или иной степени владеющих русским языком, был достигнут к моменту распада Советского Союза, к 1990 году [1, с. 83]. Тогда эта цифра, по разным данным, составляла от 297 до 312 млн человек [21, с. 17; 1, с. 83]. В 2010 году общее число владевших русским языком составило около 260 млн человек [1, с. 87].

Тенденция к сокращению наблюдалась и в последующие годы. По данным Всемирного экономического форума в настоящее время число говорящих на русском языке занимает восьмое место в мире. В ряде европейских стран, а также в других частях мира наблюдается

рост числа школ и других образовательных организаций с изучением русского языка и преподающих на русском языке. Официальные данные мониторинга Министерства образования и науки РФ свидетельствуют о том, что в то время как в постсоветских республиках количество русскоязычных школ сократилось, то в группе стран Европы складывается иная картина. Так, число русских и билингвальных школ (с русским в качестве одного из языков обучения) на постсоветском пространстве сократилось за 15 лет на 11,2 тысячи единиц [1, с. 97–98], а число школьников, обучающихся на русском языке, – в 2,5 раза, по сравнению с 1990/1991 учебным годом [1, с. 101]. В то же время в некоторых странах Европы фиксируется не только сохранение, но даже рост количества подобных образовательных организаций. Примером могут служить Словакия, Чехия, Словения, Хорватия (но есть и страны, где сокращения значительны – Германия, Польша, Болгария и др.).

Принципиально важно отметить, что рост происходит, как правило, не за счет государственных образовательных учреждений, а за счет частного сектора образования – детских садов и школ, использующих преимущественно частное финансирование [4, с. 58; 10]. Однако так не везде: за исследуемый период больше государственных школ с программами русского языка стало, например, в Австрии (на 66 школ), в Италии (на пять школ), на Кипре (на пять школ) [1, с. 106]. По данным на 2015 год в большинстве стран Западной Европы детей, изучающих русский язык, стало больше: такая ситуация наблюдается в Австрии, Швеции, Италии, Ирландии, Норвегии, на Мальте [1, с. 108]. Приводимые численные данные показывают, что во многих странах образовательные организации с преподаванием русского языка и/или обучением на русском

языке являются значимой частью образовательного ландшафта страны.

По результатам исследования Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, проведенного в 2016 году по материалам из 185 стран мира, востребованность русского языка за рубежом (с точки зрения потребности в кадрах со знанием русского языка, перспектив в области бизнеса, образования, военно-технического и гуманитарного сотрудничества) соответствует целевой аудитории примерно в 125 миллионов человек [12]. Самый большой спрос сохраняется в странах СНГ, где количество заинтересованных в изучении русского языка составляет 100 миллионов человек. В масштабе 3 миллионов человек оценивается потребность в русском языке в Европе, в Китае, в странах Африки; по 2 миллиона – в Северной и Южной Америке. Спрос примерно в 1,5 млн обеспечивают Индия и Южно-Африканская Республика, 1 миллион человек – Япония, Южная Корея, страны АСЕАН, а также арабские страны. И, что существенно в контексте темы данной статьи, примерно в 10 миллионов человек оценивается спрос на изучения языка в семьях соотечественников, которые проживают в других странах, но хотят сохранить у своих детей языковую и культурную идентичность [12]. В настоящее время число уже владеющих русским языком в традиционной Европе колеблется в пределах восьми миллионов человек, постоянно подпитываясь эмиграцией и трудовой миграцией из России и бывшего СССР [6].

В ноябре 2015 г. президент РФ утвердил концепцию «Русская школа за рубежом», разработанную Федеральным агентством по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудниче-

ству (Россотрудничество) совместно с Министерством иностранных дел и Министерством образования и науки России. Данная концепция предлагает свою классификацию зарубежных учебных заведений с русским языком обучения: это, во-первых, школы при посольствах и консульских учреждениях МИД РФ (работающие по российским программам); во-вторых, российские образовательные организации, действующие на территории иностранных государств (тоже по российским программам); в третьих, образовательные организации, созданные в соответствии с международными договорами РФ (и тоже работающие по российским программам); и, в-четвертых, государственные и негосударственные иностранные организации, осуществляющие образовательную деятельность полностью или частично на русском языке [7, с. 4–5]. Эта классификация, утвержденная официальным документом, не охватывает все разнообразие форм обучения на русском языке и преподавания на русском языке, имеющееся в настоящее время за рубежом. Большинство образовательных организаций, о которых идет речь в данной статье, относятся к четвертой категории. При этом билингвальные и многоязычные школы – очень условно, поскольку не всегда учитывают в своей работе российские федеральные образовательные стандарты, а чаще ориентируются только на местные законы и нормативы, что вполне объяснимо.

В силу целого ряда социальных и культурных факторов феномен образования на русском языке в конце второго десятилетия XXI века характеризуется увеличением разнообразия моделей и форм предоставления образовательных услуг с русским компонентом. Среди действующих в Западной Европе форм доминирует билингвальное образование, способствующее решению таких социокультурных задач, как сохранение

преемственной этнокультурной идентичности индивида [9] при одновременной интеграции в принимающее общество и формировании новой гражданской идентичности.

Вышеизложенное подтверждает значимость интервью с педагогами и руководством «русских школ» за рубежом, а также с организаторами образовательных программ соотечественников – школ с русским компонентом. Прежде всего для понимания и интерпретации поступающей информации из уст первоисточника о миссии педагогического коллектива и образовательного учреждения в целом, в том числе при проведении этносоциологических исследований, касающихся обеспечения средствами образования адаптации личности в инокультурной среде проживания, формирования идентичности и, конечно же, чувства уважения к своим корням – сохранения человеческих связей с российским историко-культурным наследием. Вот как говорит об этом одна из активных деятелей, развивающих образование на русском языке в Италии:

П.Г., руководитель общественной организации, действующей в Северной Италии: *«Сохранением русского языка как родного и русских традиций у детей из смешанных семей и в семьях иммигрантов первого и второго поколений на сегодняшний день занимаются в основном так называемые школы дополнительного образования… Существование русских зарубежных школ возможно исключительно благодаря волонтерской деятельности руководителей школ, взявших на себя миссию поддержания и сохранения русского языка и русской культуры вне России…».*

Многие из создаваемых в последние два десятилетия в Европе и других регионах мира учреждений дополнительного образования с русским языком обучения, а также билингвальных школ – это фактически авторские школы, где очень многое зависит от позиции

руководителя. Именно руководители школ берут на себя юридическую ответственность за деятельность организаций, подбирают педагогический коллектив, а также заботятся о престиже русского языка и русской культуры в стране проживания. Поэтому изучение социально-культурных ориентаций директоров и учителей таких школ, их отношения к роли и месту России в современных мировых глобальных процессах крайне важно.

Е.М., учитель многоязычной школы в Португалии: *«В начале своей карьеры я не до конца осознавала, насколько трудно быть в ответе за то, что происходит в твоей родной стране... ведь преподаватель, входя в иностранную аудиторию, становится борцом на ринге, готовым в любую минуту держать удар и защищать свой язык, культуру, историю, страну»*.

Таков взгляд учителя – выходца из России, члена диаспоры российских соотечественников. Приведем также мнения учителей русского языка, не входящих в число иммигрантов – местных по происхождению, четко идентифицирующих себя со своими странами (об этом говорят маркеры «интерес к русскому языку в моей стране», «вы не плохие» и т. п.). Они также говорят о необходимости выполнения определенной «миссии», а не только передачи детям знаний о русской грамматике и фонетике:

Н.Ш., руководитель одной из частных школ Польши: *«Я долго искала свое место в жизни, и в конце концов пришла к выводу, что смогу помочь пробудить интерес к русскому языку в моей стране... Теперь русский не является обязательным для изучения во всех школах, а значит, те, кто приходят ко мне, хотят изучать его для себя, а не ради оценки в аттестате»*.

А.О., учитель русского языка в одном из грузинских сел: «Один мальчик сказал мне: *«Я должен выучить*

русский язык, потому что это язык моего врага». Я поставила перед собой цель – сделать все возможное, чтобы ни у одного моего ученика больше никогда не возникало подобной мысли... Теперь уже для меня главным стало не только обучение детей русскому языку, но и убеждение в том, что вы не плохие».

Э.П., учитель школы, г. Алматы: *«Именно от меня зависит то, как дети будут воспринимать русскую речь и русскую культуру. Многие из моих ребят, к моему большому сожалению, рассуждали о русском языке как языке-тиране, поработившем, поглотившем их (и мой!) родной язык!»*

Нередко учителя так называемых русских школ и классов, где преподается русский язык, невольно оказываются в ситуации, когда они вынуждены вставать на защиту русского языка и России, и характер их взаимодействия с обучающимися приобретает не только чисто учебный, но и мировоззренческий оттенок. Это не может не оказывать влияния на учеников и – опосредованно – их родителей и, безусловно, вносит коррективы в адаптационную стратегию, реализуемую семьями иммигрантов из России и русскоязычных из стран постсоветского пространства, осложняет их культурную и психологическую адаптацию. Во многом это зависит от характера отношений между странами, в данном случае с Россией. Так, в Азербайджанской Республике в последние годы наблюдается возросший интерес родителей к обучению детей в русском секторе, где основа обучения осуществляется на русском языке. В школах выстраивались огромные очереди. Чтобы снизить общественное напряжение, возникшее вокруг этой темы, была введена онлайн-запись в школы.

Л.Я., представитель общественной организации, объединяющей учителей русскоязычных образовательных учреждений в Азербайджане: *«В последние годы коли-*

чество родителей, которые хотят, чтобы их дети изучали русский язык и школьные предметы на русском языке с первого класса, резко выросло; мест в школах не хватает. Ажиотаж вокруг школ русского сектора вызван тем, что, по мнению родителей, у детей больше перспектив для получения высшего образования в России… кроме того, считается, что в русских школах уровень подготовки выше по всем предметам, хотя, честно говоря, все не так однозначно».

Мнение о более высоком уровне образования в школах с преподаванием на русском языке характерно и для ряда новых граждан Европы, с которыми автору статьи приходилось взаимодействовать. Кто-то объяснял это наличием домашних заданий (в отличие от многих местных школ) и более строгой дисциплиной, кто-то – применением определенных методик и подходов к организации учебного процесса.

И.К., представитель одной из успешных частных школ с преподаванием на русском языке, работающих в Германии: *«Конечно, в наши школы стоит очередь из желающих там учиться граждан Германии, даже не всегда русских по происхождению. Ведь в обычной германской школе с подростка даже спросить ничего не могут: его право ничего не делать нужно уважать в соответствии с принятыми в Европе нормами. Он еще и на учителя, сделавшего ему замечание, нажалуется… потом проблем не оберешься. Мы тоже соблюдаем немецкие законы, но родители, отдающие детей в нашу школу, осознанно делают выбор в пользу учебы».*

С.Ш., учредитель одной из билингвальных школ Латвии: «Высокий уровень образования, предъявляемый родителям, помогает нам выигрывать конкуренцию у государственных и латышских частных школ, а русскому языку – сохранять свои позиции в Риге».

Конечно, в подобных высказываниях можно увидеть срез проблем и определенный кризис, который испытывают сегодня системы образования ряда европейских стран [3; 8; 14]. Но интерес в данном случае представляет несколько другое: как, опираясь на свои подходы к образованию, по всей видимости, фиксируется процесс формирования у части проживающих за рубежом русскоязычных граждан, в частности, в Германии и Италии, своей, особой идентичности.

А.Ж., учредитель одной из частных русскоязычных школ в Северной Италии: *«Посмотрела я пару лет на то, как и чему учатся мои дети, и решила, что нужно выручать и их, и детей других наших соотечественников. Итальянский они уже выучили, пусть теперь получают качественное образование на русском: надеюсь, это не помешает им в будущем».*

На последующий вопрос автора, не лучше ли было полностью погрузить детей в социокультурные реалии современной Италии со всеми их преимуществами и недостатками, для обеспечения полноценной интеграции, был получен следующий ответ: *«Во всей Европе сейчас столько людей из России и Украины, говорящих по-русски, что… зачем нужна эта интеграция? Даже мой муж-итальянец меня поддерживает… но законы мы соблюдаем, конечно…».*

Н.Л., основатель одной из русских школ в Испании: *«Я все чаще встречаю людей, которые жаловались мне на то, что их дети – преимущественно подростки – не только стали забывать о своих корнях, но и в своем поведении стали совсем уж, так сказать, европейцами: потеряно уважение к старшим, не хотят и не умеют общаться, забывают русский язык… в нашей школе мы помогаем им оставаться русскими, но это не мешает им быть гражданами своей новой страны».*

О.А., учитель русской школы в городе Салоники (Греция): *«Учеба в нашей школе помогает не только детям, она очень сильно помогает их мамам. Они думали, что здесь, в Греции, «медом намазано», вышли замуж, а оказывается, все не так, как они предполагали: приходится семью тянуть. Многие уже так и говорят: мы возвращаться не будем, но у наших детей должна быть такая возможность, поэтому пусть учат русский»*.

И.К., учредитель билингвальной школы полного дня во Франции: *«Мы работаем с разными категориями населения: как с потомками старых эмигрантов, так и с новой русскоязычной диаспорой. Она очень разнородна, но я считаю себя обязанной предоставлять всем желающим возможность получения качественного, творческого и полноценного образования на русском языке»*.

Таким образом, можно предположить, что процесс развития в Европе образования на русском языке направлен не только на сохранение родного языка и культуры. С его помощью защищается не только русский язык, но и ценностный взгляд на образование и его цели. В определенной степени этот процесс, судя по всему, помогает какой-то части выходцев из России и других стран постсоветского пространства позиционировать свои отличия от современных европейцев – в социальном, культурном и психологическом плане.

Для проверки этой гипотезы, конечно, потребуются данные более детальных исследований, в том числе написанных на основе анализа результатов разного рода массовых опросов. В этом случае можно будет более точно ответить на вопрос, какую роль играют эти образовательные организации в сохранении языковой и этнокультурной идентичности детей русскоязычных эмигрантов – как полуторного, так и второго поколения мигрантов.

Ситуация сильно различается в зависимости от страны проживания респондента. Так, очень редко приходилось слышать о желательности возвращения в Россию, например, детей из семей эмигрантов, проживающих сейчас в Великобритании или Германии. Здесь чаще говорят о важности получения билингвального и многоязычного образования, поступают прагматично, выбирая для своих детей частные школы, поскольку в государственной системе этих стран русский язык – редкость.

М.Б., руководительница одной из крупнейших сетей билингвальных образовательных организаций ФРГ: *«Мы с большим интересом и удовлетворением наблюдаем возникновение и развитие нового направления в инсти-туциональной поддержке детей – возникновение все большего количества детских садов и школ с поддержкой детского билингвизма и многоязычия. Это помогает семьям сохранять язык и культуру и при этом оставаться полностью интегрированными в германское общество»*.

А.П., один из учредителей частной русскоязычной школы в Великобритании: *«Главный запрос родителей, приходящих к нам, – в сохранении (или выучивании с нуля) русского как основы для будущего ведения бизнеса с Россией, использования русского языка в учебе и науке»*.

Некоторые упоминаемые выше руководители образовательных учреждений, где русский язык не только изучается, но и используется для преподавания предметов школьной программы, в свое время добились получения частичного финансирования на эти цели со стороны органов власти, а иногда и бизнеса принимающих государств. Вместе с тем последние несколько лет одной из выявленных тенденций является отказ образовательных организаций от любых форм государ-

ственной поддержки. Особенно характерно эта тенденция для ряда стран, переживших миграционный кризис 2015–2016 годов и принявших значительное число новых жителей из стран Северной Африки и Передней Азии. Руководители негосударственных образовательных организаций объясняют отказ от финансирования нежеланием адаптации своих учебных программ и своих учеников к выдвигаемым в этой связи новым требованиям. Один из значимых мотивов – желание сохранить преимущественно русскоязычный контингент своих школ, кружков и детских садов.

Е.Н., представитель Бельгийской ассоциации русских школ: *«С принятием государственного финансирования как помощи в сфере образования этнических меньшинств мы были обязаны принимать в нашу школу всех жителей района, в том числе тех, которые совсем не горят желанием учить русский. Поэтому мы осознанно отказались от грантов и субсидий и рассчитываем только на свои силы. Таков запрос семей, приводящих к нам своих детей на платной основе»*.

О чем говорит данная ситуация? На наш взгляд, она свидетельствует о неготовности определенной части российской диаспоры к действующим положениям социально-культурной интеграции в европейское общество, несогласия с его современными реалиями. И это при том что, как в отдельных европейских странах, так и на уровне всего Европейского Союза, с конца 1990-х годов многое сделано для содействия интеграции иммигрантов. В 2005–2010 годах действовала так называемая Гаагская программа, уделявшая особое внимание вопросам интеграции иностранцев и членов их семей [20]. В 2005 году была также одобрена общая программа ЕС по интеграции иностранных мигрантов [18]. В Европе создан Европейский фонд

интеграции (ЕФИ), который через ряд программ содействует обеспечению интеграции (социальной, религиозной, языковой, культурной, образовательной и т. п.) [19]. Инсти-туциональные структуры Евросоюза рассматривают интеграцию иностранцев в качестве одного из стратегических политических приоритетов [18]. Но все это, как мы предполагаем, не дает того эффекта, на который рассчитывали европейские политики. Наибольшие противоречия наблюдаются, кстати, не между коренным населением и русскоязычными иммигрантами, а в связи с новой волной прибывших беженцев в европейские государства в годы войны в Сирии и миграционного кризиса. Но это уже тема другого исследования.

Как видно из приведенных примеров, интервью с руководителями и педагогами русских школ за рубежом представляют собой достаточно обширный и ценный материал для исследования не только положения русского языка за рубежом, но и адаптационных стратегий семей русскоязычных иммигрантов разных поколений. Взаимосвязь между выбором для обучения ребенка русской школы или любой другой образовательной траектории и стратегией адаптации семьи на новом месте проживания, безусловно, имеется и представляет интерес для дальнейшей разработки исследователями в области интеграции иммигрантов.

Литература:

1. *Арефьев А.Л.* Русский язык в системах образования стран мира / Грани российского образования. М.: Центр социологических исследований, 2015. С. 83–124.
2. *Арутюнян Ю.В.* Об этнических компонентах российской идентичности // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 38–44.
3. *Бодрова Е.В., Никитина С.Б.* Кризис системы образования. Поиск новой парадигмы образования на рубеже XX–XXI вв. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2009/professor.ru/Bodrova%26Nikitina.pdf (дата обращения 23.01.2019)

4. *Бурд М.* Институциональная поддержка билингвов в мире: 25 лет организации соотечественников // Этнодиалоги: научно-информационный альманах. 2016. № 2 (51). С. 51–60.
5. *Дробижева Л.М.* Проблемы толерантности в отношении к мигрантам / Миграция в России 2000–2012 гг. Хрестоматия / Под ред. И.С. Иванова. В 3-х т. Т. 1. Ч. 2. М.: Спецкнига, 2013. С. 789–801.
6. Интервью с А.Л. Арефьевым. [О роли русского языка на постсоветском пространстве и в мире в интервью «ДИАЛОГАМ» рассказал Александр Арефьев]. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/1/Arefiev_interview.pdf (дата обращения 21.01.2019)
7. Концепция «Русская школа за рубежом». Утверждена Президентом РФ 04.11.2015. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/50643 (дата обращения 05.01.2019)
8. Кризис среднего образования в Европе. Сводный реферат. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/2001-03-055-058-krizis-srednego-obrazovaniya-v-evrope-svodnyy-referat (дата обращения 23.01.2019)
9. *Курка М.А., Млечко Т.П.* Зарубежное образование на русском языке: новый социокультурный абрис // Этнодиалоги: научно-информационный альманах. 2018. № 2 (56). С. 15–17.
10. *Матвеичев О.* Педагог Марина Бурд: Не надо открывать русские школы за рубежом: нужно открывать билингвальные школы. URL: https://matveychev-oleg.livejournal.com/6600059.html (дата обращения 15.01.2019)
11. *Омельченко Е.А.* Интеграция мигрантов средствами образования: российский и мировой опыт. М.: Этносфера, 2018. 460 с.
12. Портал «Образование на русском». URL: https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=4942 (дата обращения: 24.01.2019 г.)
13. *Рыжова С.В.* Идентичность москвичей (опыт исследования) // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 40–49.
14. Татаринцева Е.М. Система образования Латвии в условиях глубокого экономического кризиса // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 6 (27). С. 82–89.
15. *Черничкина Е.К.* Парадигмальность проблемы билингвизма. URL: http://www.bilingual-online.net/index.php?option=com_content&view=category&id=4&Itemid=37&lang=ru (дата обращения 24.07.2017)
16. *Ядов В.А.* К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества // Мир России. 2010. № 3. С. 46–56.
17. Commission of the European Communities. Communication on the Hague Programme: Ten Priorities for the Next Five Years. – The Partnership for European Renewal in the Field of Freedom, Security and Justice. COM (2005) 184 final. Brussels, 2005.
18. Common Agenda for Integration, Framework for the Integration of Third-country Nationals in the European Union, COM (389/2005). URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52005DC0389 (дата обращения 18.01.2019).
19. Council Decision of 25 June 2007, Establishing and European Fund for the integration of third-country national for the period 2007–2013 (Solidarity and Management of Migration Flows). URL: http://www.olai.public.lu/en/legislation/fonds-programme-ini/D-2007-06-25/decision_435_2007_EN.pdf (дата обращения 18.01.2019)
20. Policy Plan on Legal Migration, COM (669/2005) final. Common Basic Principles for Immigrant Integration Policy in the European Union, 2004 (Annex 1). URL: http://europa.eu/legislation_summaries/justice_freedom_security/free_movement_of_persons_asylum_immigration/114507_en.htm (дата обращения: 21.01.2019 г.)
21. Weber G. Top Language // Language Monthly. 1997. December. № 3.

Elena Omelchenko,
PhD in History, Deputy Director of the Institute of Social and Humanitarian Sciences (ISHS) for scientific work, director of the Center for Historical and Cultural Studies of Religion and Cross-Civilization Relations of the ISHS, acting Dean of the Department of Regional Studies and Ethnocultural Education, Professor, Department of Cultural Studies, Moscow Pedagogical State University, ea.omelchenko@mpgu.su

Approaches to the study of adaptation strategies for emigrants from Russia abroad

The article presents approaches to the study of adaptation strategies for emigrants from Russia with the use of materials collected in Russian schools – foreign education organizations with teaching Russian language or teaching in Russian. In this context, examples of using interviews as a method of scientific research of adaptation and integration of foreign-speaking migrants, primarily Russian-speaking children and youth studying in schools with a Russian component, are given. The statements of these educational institutions heads and teachers are analyzed, their general attitude to the adaptation of Russian-speaking children in a foreign cultural society and understanding of the pedagogical mission are revealed. The importance of input of the described type of sources to analyze the integration of migrants by means of education is proved. The hypothesis of correlation between the choice of a Russian school for teaching a child and his or her family adaptation strategy in a new place of residence is put forward and justified.

Keywords: Russian-language education, Russian schools abroad, integration, adaptation strategies, migrants

Ольга Яшина

Этностереотипы и стереотипы о миграции, отраженные в кинематографе

Кинематограф способен как сформировать, так и помочь преодолеть этностереотипы. Через призму нескольких документальных и художественных российских и итальянских фильмов, в том числе анимационных, автор рассматривает проблемы межэтнических взаимоотношений и отношения к мигрантам.

Ключевые слова: *кинематограф, мигранты, беженцы, вынужденные переселенцы, этностереотипы, мигрантофобия, ксенофобия, документальное кино, мировой миграционный кризис, Италия, Россия, образ итальянца в России*

Кинематограф, войдя в общественную жизнь более ста лет тому назад, продолжает оказывать огромное влияние на формирование мировоззрения человека, его сознание и состояние психики. Кино меняет взгляды, формирует общественное мнение, образует и помогает преодолеть стереотипы, в том числе в такой важнейшей сфере как национальные отношения.

Национальный характер, миграционные процессы, взаимоотношения между людьми разных регионов, стран, рас, этнических групп нашли отражение в современном итальянском кинематографе. Италия наших дней является страной-транзитом для сотен тысяч мигрантов, которые переплывают Средиземное море (если им это удается), и пытаются построить лучшую жизнь в европейских странах.

Яшина Ольга Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии, Институт социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, yashinaon@mail.ru

Документальный фильм Джанфранко Рози «Огни в море» (2016 г.) посвящен жителям крошечного острова Лампедуза, ставшего символом мирового миграционного кризиса. Расположенный неподалеку от побережья северной Африки, итальянский остров с населением в несколько тысяч человек ежегодно принимает десятки тысяч беженцев, которые приплывают на Лампедузу с африканского побережья или доставляются на остров в результате спасательных операций.

Собравшее множество наград [5] кинематографическое повествование Джанфранко Рози неторопливо и созерцательно: ветреные морские пейзажи, детские игры в холодном осеннем лесу, семейный ужин перед телевизором... Параллельно с этими мирными картинами мы видим трагедии человеческих жизней, отголоски войн, голода, страданий, отраженные в судьбах непрерывно прибывающих на остров людей.

Переполненные резиновые и рыбацкие лодки, предназначенные для перевозки нескольких человек, на африканском берегу до отказа забиваются сотнями беженцев. Не в силах шевельнуться, они проводят в море по нескольку суток. Не все добираются до Италии, многие гибнут в пути от химических и солнечных ожогов, голода, обезвоживания, потери сил. Местный врач, который осматривает и лечит выживших, рассказывает о своей работе не скрывая слез. Его слова о человеческих страданиях перекликаются с эмоциональными впечатлениями медиков международной организации «Врачи без границ», занятых в спасательных операциях на море и показанных в российском документальном телерепортаже 2016 года «Средиземное горе» издательского дома «Коммерсант» [3].

«Каждый человек имеет право искать убежище от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем», – гласит статья 14 Всеобщей Декларации

прав человека. Два этих документальных и потому особенно страшных фильма не оставляют места равнодушию и подчеркивают – никто не вправе отказывать беженцам в шансе на нормальную жизнь.

О тяжелых временах, когда благополучные ныне европейцы испытывали на себе горечь эмиграции, напоминает фильм итальянского режиссера Франко Брузати «Хлеб и шоколад» (1973–1974) Злоключения неунывающего итальянца, который ищет счастья в Швейцарии, перепробовав множество профессий, наполнен неподдельной горечью и трагизмом, несмотря на комизм многих ситуаций. Различия менталитета становятся непреодолимым препятствием для адаптации итальянского эмигранта в чуждой для него и «слишком правильной» швейцарской среде. Современным итальянским гражданам правых взглядов, непримиримо относящимся к тем, кто пытается построить новую жизнь в Европе, стоит чаще вспоминать о массовой эмиграции итальянцев в Америку, Германию, Аргентину, Швейцарию в конце XIX – первой половине XX века.

Проблемы взаимоотношений между уроженцами разных исторических регионов Италии затрагивает комедийный фильм Лука Миньеро «Добро пожаловать на юг!» (2010) В современной Италии, несмотря на единую государственную границу, единый итальянский народ существует только теоретически. На практике жители Италии ощущают себя уроженцами отдельных городов и исторических провинций: миланцами, генуэзцами, неаполитанцами, римлянами или представителями Тосканы, Пулии, Умбрии, Калабрии, Романьи... Каждый регион имеет особенности исторического развития и менталитета, собственную кухню, диалект, который порой с трудом понимают жители соседних провинций [4]. К сожалению, реальностью современной Италии является плохо скрываемое взаимное раздражение между жителями итальянского севера и юга (воображаемая граница проходит чуть ниже Болоньи). Северяне упрекают южан в лени и малообразованности, неспособности изменять мир к лучшему, быстро реагировать на вызовы времени, стремлении пожить за чужой счет, то есть за счет северян. Южане, в свою очередь, считают северян высокомерными эгоистами, ставя им в упрек также невкусную кухню, что является довольно серьезным обвинением в менталитете обеих Италий.

В комедии «Добро пожаловать на юг!» ярко обрисованы предубеждения миланца, по долгу службы вынужденного работать в небольшом городке в окрестностях Неаполя. Фильм является ремейком французской комедийной мелодрамы Дэни Буна Bienvenue chez les Ch'tis (2008, в российском прокате – «Бобро поржаловать!»). Оригинал затрагивает те же проблемы, но с другого географического направления: во французском фильме рафинированный уроженец Лазурного берега отправляется по долгу службы в неприветливую и непривычную для него северную французскую провинцию. Ожидая увидеть неотесанных мужланов, он постепенно проникается искренним расположением к гостеприимным сослуживцам, пытающимся окружить новичка заботой и вниманием. Несомненной заслугой двух фильмов является попытка разрушить отрицательные региональные и этнические стереотипы и наладить доброжелательные отношения между жителями исторических провинций.

Комедийные ситуации в итальянском детективном сериале «Рокко Скьявоне» (2016, реж. Лука Бриньоне, Микеле Соави и Джулио Манфредония) также во многом обусловлены тем, что комиссара полиции, римлянина, переводят служить в заснеженную альпийскую Аосту.

То, что мы считаем смешным и безобидным, может ранить человека другой культуры. Например, известный и любимый россиянами фильм Эльдара Рязанова и Франко Проспери «Невероятные приключения итальянцев в России» (1973) воспринимается современными итальянцами как их карикатурное изображение, где они показаны в крайне невыгодном свете: мелочными, суетливыми, склонными к авантюрам и криминалу. Те же упреки с их стороны заслужили итальянский эпизод советского сатирического мультфильма Ефима Гамбурга «Ограбление по ...» (1978) и образы двух обаятельных, с точки зрения советского зрителя, мафиози в мультипликационном сериале Давида Черкасского «Приключения капитана Врунгеля» (1976–1979). И все же гораздо активнее итальянцы критикуют американскую кинопродукцию, в большинстве случаев изображающую итальянцев либо преступниками, либо глупцами.

Драма Андрея Кравчука «Итальянец» (2005) рассказывает о маленьком детдомовце, которого хочет усыновить бездетная итальянская пара. Администрация детского дома уже подготовила все необходимые документы, дети считают мальчика счастливцем и дают ему прозвище Итальянец, и вдруг неожиданно для всех он сбегает из детдома на поиски родной матери. После долгих мучительных злоключений мальчик находит ее и остается в России. Это фильм о том, как важны для человека понятия матери, Родины, Отечества, чести, верности себе. Итальянская супружеская пара появляется в фильме эпизодически как образ благополучия, достатка и отчасти забвения Родины. Хотелось бы подчеркнуть, что случаи преступного обращения с российскими детьми после их усыновления в Италии единичны. Итальянские семьи являются лидерами в усыновлении детей из России, Украины и Белоруссии. Идут на непростой шаг усыновления далеко не богатые

люди, а простые служащие, рабочие, люди скромных профессий и невысокого достатка. Усыновляют детей, среди которых значительное число инвалидов, чтобы делиться с ними своим теплом, любовью, при этом делая все возможное, чтобы они не забыли родного языка и родной культуры.

Непростые судьбы трудовых мигрантов в России также выходят из тени и ложатся в основу двух обсуждаемых лент последних лет. Одним из популярных телевизионных сериалов 2017–2018 годов [3] стала детективная мелодрама Ольги Музалевой «А у нас во дворе» с Равшаной Курковой и Сергеем Пускепалисом в главных ролях. Наконец взаимодействуют существующие рядом миры «местных» и «приезжих», которые раньше пересекались, «только когда первые идут на работу и видят, как вторые метут улицу» [1].

Холодная мрачная безысходность жизни мигрантов из Средней Азии, работающих в Москве, показана в фильме Сергея Дворцевого «Айка» (2018, приз Каннского кинофестиваля за лучшую женскую роль). Несмотря на гнетущие беспросветные обстоятельства, героиня Самал Еслямовой, собирая последние физические и духовные силы, стремиться выйти из замкнутого круга неразрешимых проблем. Удастся ли ей это?

Режиссер оставляет вопрос открытым, потому что это зависит от зрителей, от нас с вами. Пройдем ли мы равнодушно мимо бед и страданий человека, вынужденного жить, работать, выживать далеко от дома? Или поможем ему словом, деньгами, теплыми вещами, своим неравнодушием?

Приведенные несколько примеров художественных и документальных фильмов, затрагивающих проблемы межэтнических отношений, показывают, как важно смотреть на проблему не поверхностно, а в ее суть. «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами

не увидишь» – эти слова Экзюпери помогают понять, что только собственный опыт и человечность в полной мере способны разрушить отрицательные стереотипы. Хорошее правдивое кино, направленное на созидание, помогает в этом.

Литература:

1. А у нас во дворе // Ivi. URL: https://www.ivi.ru/watch/a-u-nas-vo-dvore (дата обращения 02.03.2019).
2. Средиземное горе. Часть I. «Смертельный маршрут» // Специальный проект «Коммерсант». URL: https://www.kommersant.ru/projects/deadlyroute (дата обращения 02.03.2019)
3. ТОП 10 популярных сериалов 2017 года // Московский Комсомолец. Челябинск. 29.12.2017. URL: https://chel.mk.ru/articles/2017/12/29/top-10-populyarnykh-serialov-2017-goda.html (дата обращения 02.03.2019).
4. *Чирикова В.* Моя твоя не понимает, или Диалекты Италии // Language Heroes Library. URL: https://lhlib.ru/moya-tvoya-ne-ponimaet-ili-dialekty-ital/ (дата обращения 20.02.2019)
5. *Finos A.* 'Fuocoammare' conquista gli Efa: la corsa verso gli Oscar passa per l'Europa // La Repubblica (11 dicembre 2016). URL: https://www.repubblica.it/spettacoli/cinema/2016/12/10/news/efa_fuocoammare_rosi_premiato-153851335/?ref=HREC1-9 (дата обращения 11.12.2018).

Olga Yashina,
Phd in History, Associate Professor, Chair of Cultural Studies, Institute of Social and Humanitarian Sciences (ISHS), Moscow Pedagogical State University, yashinaon@mail.ru

Ethno-stereotypes and stereotypes about migration, reflected in the cinema

Cinema is able not only to form but also to help overcome ethnic stereotypes. The author investigates the problems of interethnic relations and attitudes towards migrants as they are seen in a few Russian and Italian documentary and feature films, including animation.

Keywords: cinema, migrants, refugees, forced migrants, ethnic stereotype, migrant-phobia, xenophobia, documentaries, global migration crisis, Italy, Russia, the image of Italians in Russia

РУССКИЙ ЯЗЫК В МИРЕ

Елена Болотова

II международный конгресс «По-русски. В контексте многоязычия»

В мае 2019 года в Берлине состоялся II международный конгресс «По-русски. В контексте многоязычия», посвященный проблемам организации образовательной и досуговой деятельности для русскоговорящих детей, помощи русскоговорящим семьям в обучении детей и адаптации в стране пребывания.

Ключевые слова: *российские соотечественники, русский язык в мире, билингвизм, многоязычие, организации соотечественников, русскоязычное образование за рубежом, качество образования, билингвальная школа, билингвальный детский сад, повышение квалификации педагогов, русская школа за рубежом*

19–22 мая 2019 года в Берлине прошел II международный конгресс «По-русски. В контексте многоязычия», посвященный проблемам организации образовательной и досуговой деятельности для русскоговорящих детей, помощи русскоговорящим семьям в обучении детей и адаптации в стране пребывания. В оргкомитет конгресса вошли фонд «Русский мир», Европейская ассоциация VIA LIGHT в поддержку детского многоязычия, Общество русскоязычных родителей и педагогов Берлина МИТРА и Русский центр в Берлине.

Мероприятия проходили на площадке берлинской школы им. М.В. Ломоносова. В работе международного конгресса более 130 ведущих научных

Болотова Елена Леонидовна,
доктор педагогических наук, доцент, проректор по учебной работе, Московский педагогический государственный университет, el.bolotova@mpgu.su

специалистов и практиков в области детского многоязычия, руководителей и учредителей образовательных организаций, представителей государственных структур в сфере образования из 50 стран мира.

Основными темами обсуждения стали обмен опытом в реализации образовательных проектов в работе с русскоязычными семьями соотечественников в диаспоре; выработка совместных направлений деятельности между организациями стран диаспоры и России в сфере поддержки русского языка в контексте детского многоязычия; представление культурно-педагогических проектов по организации обучения русскому языку, в частности в сфере дополнительного образования и каникулярного отдыха. Участники конгресса обсудили проблемы качества образования по-русски, вопросы соперничества и конкуренции школ, педагогические концепции обучения русскоговорящих детей, отношения русских школ с местными политиками и государственными структурами, возможности выстраивания партнерских отношений между образовательными организациями; проблемы инклюзии, сексуального образования, миграционных процессов, влияющих на стабильность развития образования по-русски.

Открывая конгресс, исполнительный директор общества МИТРА Марина Бурд отметила, что при подготовке мероприятия организаторы проделали большую работу по выявлению русскоязычных школ и иных организаций, осуществляющих работу в русской диаспоре, знакомству с их руководителями, анализу опыта работы в условиях многоязычия. Идея обмена опытом работы школ, выстраивания общих подходов в обучении русскоговорящих детей в многоязычной среде стали основой построения программы конгресса.

С приветственными словами к участникам мероприятия обратились представители немецкой общественности и посольства России в Германии.

Президент немецкого Бундестага Петра Пау в своем выступлении отметила, что понимание друг друга важно, несмотря на языки, которыми владеют люди. Умение общаться в многоязычном мире – это даже не лингвистическая тема, а политическая. Посредством диалога представителей разных стран реализуется сотрудничество, выстраивается сотворчество. Разрушить человеческое общение легко, восстановить весьма сложно, и «мы должны предотвратить любое поползновение сорвать диалог».

Идею диалога в условиях многоязычия поддержал руководитель управления русских центров и кабинетов русского мира Николай Сергейчев. Он остановился на проблемах поддержки русского языка, подчеркнул важность обмена опытом преподавания русского языка в школах русского зарубежья, установления партнерских отношений и взаимопомощи между ними.

В своем приветственном слове советник посольства Российской Федерации в Германии Александр Русинов отметил, что проведение мероприятия, направленного на укрепление и поддержку русского языка, очень важно для специалистов, работающих в русскоязычных школах, стремящихся сохранить русский язык и культуру. Он также подчеркнул, что 2019 год – германо-российский перекрестный год, проходит под знаком академического сотрудничества в сфере науки и высшего образования. Ожидается насыщенная программа молодежных и школьных обменов, а также проведение научного форума.

Пленарная часть конгресса была посвящена проблемам становления и развития международных школ,

особенностям работы билингвальных детских садов, поддержки русского языка в образовательных организациях диаспоры.

Отмечая особенности управления общеобразовательными учреждениями в Берлине, представитель Управления Сената Берлина по делам образования, молодежи и семьи Грит Оргис, рассказала о том, как меняется сущность деятельности русских школ. Они становятся многоаспектными, открытыми не только русскоговорящим детям, но и тем, кто желает изучать русский как иностранный. Школы активно сотрудничают с местными властями и поэтому, включаясь в процесс общественно-государственного взаимодействия по вопросам образования, стремятся менять свою образовательную программу с учетом местного законодательства. В силу этого для берлинских русскоязычных школ актуальна проблема поиска учителей с международным опытом преподавания, а также признания их документов об образовании. Важной остается проблема интеграции таких учителей в команду школы, повышение их компетентности в области правовой безопасности (знание прав ребенка и прав родителей в сфере образования, особенностей национального судопроизводства по вопросам ответственности учителя за реализацию образовательной программы).

Рефреном всех круглых столов, которые проводились в ходе конгресса, были идеи о том, что успех школы зависит от учителей, а руководитель школы не должен забывать о повышении квалификации учителей, самосовершенствовании родителей учащихся. При этом русскоязычная школа сегодня находится в постоянно меняющихся условиях: меняется законодательство; меняется контингент детей, их мотивация, восприятие окружающего мира; меняется система ценностей и установок у родителей; меняется объем информации, с которым сталкиваются все участники образовательного процесса. Русскоязычные школы диаспоры испытывают ряд сложностей при реализации адаптированных программ обучения в связи с увеличением количества учащихся с ограниченными возможностями здоровья и отсутствием у педагогов специальной подготовки для работы с учащимися, имеющими ограниченные возможности здоровья. Педагогическая концепция школы подвержена изменениям также в силу изменений государственной политики в области исторического образования и проблем преподавания новейшей истории России.

Для каждой школы актуально развитие различных форм дополнительного образования. Помимо школ полного дня в русской диаспоре имеется значительное количество школ дополнительного образования. Они видят свое предназначение не только в сохранении русского языка, но и в широком приобщении к русской культуре путем создания различных кружков, секций, проведения мастер-классов и организации летних школ по изучению русского культурного наследия.

Современная русская школа за рубежом в своем развитии движется к модели билингвальной школы, сохраняя организацию учебного процесса преимущественно по советским образцам.

Elena Bolotova,
Doctor in Pedagogics, Associate Professor, Vice-rector for Academic Affairs, Moscow Pedagogical State University, el.bolotova@mpgu.su

II International Congress «In Russian in the context of multilingualism»

The II International Congress «In Russian in Context of Multilingualism» was held in Berlin in May 2019. The congress was dedicated to the problems of organization of educational and leisure activities for Russian-speaking children, assistance to Russian-speaking families in the education and adaptation of children in the host country.

Keywords: Russian compatriots, Russian in the world, bilingualism, multilingualism, organizations of compatriots, Russian-language education abroad, quality of education, bilingual school, bilingual kindergarten, teacher training, Russian school abroad

ОБРАЗОВАНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Марина Кривенькая

Молодежь о цифровой социализации: единение и одиночество в сети

Понятие цифровой социализации подразумевает комплекс вопросов, связанных с коммуникативным поведением в цифровом пространстве, путей самореализации в плоскости реальной и виртуальной коммуникации, проявления множественности идентичностей, построением пространства взаимопонимания. В данной статье представлен взгляд на эти проблемы современной молодежи – российских и зарубежных школьников и студентов, для которой цифровая социализация актуализирует вопрос о границах свободы и ответственности.

Ключевые слова: *цифровая социализация, коммуникативное поведение, цифровые аборигены, виртуальная коммуникация, множественность идентичностей, цифровое пространство*

Кривенькая Марина Александровна,
кандидат филологических наук, директор Центра регионоведения и гуманитарно-образовательного сотрудничества, доцент кафедры культурологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, ma.krivenkaya@mpgu.su

Вопросы коммуникативного поведения в цифровом пространстве привлекают сегодня внимание теоретиков и практиков, педагогов и экспертов, представителей самых разных областей знания. Обсуждение данной темы невозможно без учета мнения самих «аборигенов цифровой эпохи» – молодых людей: школьников и студентов, для кого виртуальная среда является естественной средой обитания, источником знаний, коммуникативной площадкой, территорией самовыражения.

Данная статья появилась под впечатлением от дискуссий на эту тему с молодыми людьми из Москвы, регионов Российской Федерации и зарубежных

стран – участниками международных молодежных лагерей, а также ежегодных традиционных мероприятий, проводимых под эгидой правительства Москвы – Московского открытого конкурса двуязычных эссе «Билингва», молодежного форума «Москва многоликая и разноязычная» и других. Это школьники старших классов, студенты российских вузов и колледжей, а также старшеклассники зарубежных школ, в которых изучается русский язык, в возрасте от 14 до 22 лет.

Обсуждение темы социализации в сети прежде всего выводит на первый план проблемы взаимопонимания в плоскости реальной и виртуальной коммуникации. Ребята признаются, что проблема эта объединяет вопросы, на которые они сами ищут ответы каждый раз, беря в руки гаджет: кто я по ту сторону экрана? сохраняется ли моя индивидуальность? расширяет или ограничивает мои возможности общение в сети?

Создается впечатление, что вопрос о том, где мы настоящие, в реальности или в сети, который так часто ставится в статьях на тему коммуникативного поведения молодежи, для самой молодежи не представляет особого интереса. Они считают, что, во-первых, сред гораздо больше, и, во-вторых, нет оснований для противопоставления именно этих двух. Школьники и студенты предпочитают говорить скорее о способах самовыражения в процессе общения, нежели об истинности своего Я.

Вопрос о способах самовыражения напрямую связан для молодых людей с проблемой самоидентичности и, соответственно, с запросом на возможности проявления ее множественности. Присутствие в жизни современного подростка и молодого человека интернета облегчает поиски путей для самореализации, расширяет территорию свободного поиска. По мнению молодых людей, интернет предоставляет им возможности

для удовлетворения интересов, которые относятся к области как профессиональной деятельности, так и хобби. В виртуальном пространстве они находят для себя разнообразные презентационные площадки, к их услугам большой спектр визуальных средств творческого дисплея, безграничные пути привлечения и расширения аудитории единомышленников.

Безусловно, социальные сети помогают людям ощущать постоянную связь друг с другом. Так, по данным опросов 2017 года, около 90 процентов пользователей регистрируются в сети ради поддержания контактов со своими знакомыми, а 50 процентов – для отслеживания новостей из жизни своих друзей [3, с. 108].

Важная функция социальных сетей, как утверждают в дискуссиях молодые люди, – это помощь в поиске новых друзей. Для этого молодые пользователи стремятся как можно более активно размещать в сети свои фотографии и видео. Зачастую, признаются ребята, присутствие в сети превращается в постоянную гонку за популярность, в борьбу за «лайки». В результате существует опасность, что социальная сеть может стать для молодых людей местом не коммуникативной активной, творческой жизни, а местом, где создается видимость жизни.

Молодые пользователи из разных стран сходятся во мнении, что наблюдения в сети за «красивым» экстерьером жизни способны оторвать их от реальности: картинки заменяют содержание поступков, создают призрачные представления о безоблачной жизни авторов тех или иных блогов. В итоге сравнение видеоряда со своей, далеко не всегда беззаботной и безоблачной жизнью вызывает не ощущение единения с другими пользователями, а лишь усиливает чувство беспомощности и одиночества.

Новые формы виртуальной коммуникации, регулярно генерируемые в интернет-пространстве, к сожа-

лению, способствуют изоляции и индивидуализму современных молодых людей. Это приводит к созданию феномена так называемой ускользающей социальности [1]. И вопрос «Где мы настоящие?» мало-помалу вырастает в условиях цифровизации в серьезную проблему – даже притом что сами «аборигены» не замечают ее серьезности.

Когнитивисты высказывают мнение, что трансформация человека как разумного существа в существо безличностное, несвободное, может происходить довольно быстро, особенно если это сопровождается постоянным пребыванием в зоне комфорта и удовольствия. Так, российский нейрофизиолог Н.П. Бехтерева предупреждала, что отсутствие самостоятельной мыслительной деятельности человека, ее формализация в массовом масштабе могут привести к качественному изменению мозговой деятельности человека [2].

Впрочем, активные пользователи интернета из нашей целевой аудитории не отрицают недостатка прямого, непосредственного человеческого общения, однако не противопоставляя его виртуальному. Итоги дискуссий показывают, что большинство молодых ребят достаточно умны, чтобы не оценивать свою жизнь по интерфейсу в сети, и считают, что немало пользователей скрывают свои проблемы и самоутверждаются, выставляя в сети благополучные данные.

Вопрос о границах свободы и ответственности в цифровой среде напрямую связан с проявлением «множественности идентичности» и самоидентификацией как «виртуального индивидуума». Молодые люди пытаются осмыслить это, формулируя для себя ответы на вопросы, как и когда зона выражения талантов и способностей становится зоной проявления анти-Я, альтернативной индивидуальности, местом, в котором

происходит поиск пограничья хорошо/плохо, определяются крайние пределы нормы и т. д.

Поиски ответов на эти вопросы неминуемо приводят нас к глобальному разговору о том, что представляет собой свобода в цифровом пространстве – чем определяется и, главное, как контролируется индивидуальная ответственность каждого за свое поведение в виртуальной среде.

Прозрачность и перекрестье информационных маршрутов в интернет-пространстве по общему согласию должны заставлять пользователей продумывать свои действия в виртуальной среде с учетом цепочки последующих кликов. Соответственно, возникает необходимость корректировать и информационное наполнение, и коммуникативное поведение на несколько шагов вперед, что, несомненно, является фактором, требующим определенной степени ответственности.

По итогам дискуссий по этим вопросам в смешанной аудитории, представляемой школьниками и студентами из России и зарубежья, становится очевидным, что для российской молодежи приоритетным в общении в интернет-пространстве является расширение пределов свободы способов самовыражения и видов деятельности. Представителей же европейских стран, например, Германии, Нидерландов, тревожит тот факт, что виртуальное пространство очень легко становится зоной вседозволенности.

Все молодые люди подчеркивают, что цифровая социализация для них имеет большое значение. При этом в условиях якобы безграничных возможностей реализации права выбора подчеркивается возрастающая степень ответственности за индивидуальную поведенческую траекторию в цифровой среде. Все согласны с тем, что вне зависимости от среды общения нужно уважать

собеседника, быть толерантным, готовым к встрече с отличным от тебя, соблюдать культуру общения.

Противоречивые процессы одновременно сближения культур, традиций, ценностей и стремления к сохранению их самобытности, происходящие в современной «глобальной деревне», актуализируются в интернет-пространстве. Общаясь в сети, люди вольно или невольно вторгаются в жизнь друг друга, физическое расстояние между собеседниками не играет существенной роли, стираются границы пространства и времени, размывается понятие приватности собственной жизни. Отрадно, что молодые люди в большинстве своем согласны, что активное присутствие в сети накладывает на «цифровых аборигенов» обязательства в этическом и культурно-коммуникационном плане. Для человека, независимо от среды общения, главным остается свой собственный достойный выбор.

Литература:

1. *Бегалинов А.С., Бегалинова К.К.* Межкультурная коммуникация в контексте цифровизации и медиатизации // Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Часть 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2018. С. 512–514.
2. *Бехтерева Н.П.* Магия мозга и лабиринты жизни. М.: АСТ, 2006. 430 с.
3. *Джей М.* Важные годы. Почему не стоит откладывать жизнь на потом / Мэг Джей; пер. с англ. Н. Яцюк. 4-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 217. 320 с.

Marina Krivenkaya,
PhD in Philology, Director of the Center for Regional Studies and Humanitarian-Educational Cooperation, Associate Professor, Chair of Cultural Studies, Institute of Social and Humanitarian Sciences (ISHS), Moscow Pedagogical State University, ma.krivenkaya@mpgu.su

Youth about digital socialization: unity and loneliness on the web

The concept of digital socialization means a complex of issues related to communicative behavior in the digital space, ways of self-realization in the real and virtual communication, the performance of multiple identities, the construction of a common ground space. This article presents a look at these problems of modern youth – Russian and foreign schoolchildren and students, for whom digital socialization makes actual the issue of the boundaries of freedom and responsibility.

Keywords: digital socialization, communicative behavior, digital natives, virtual communication, plurality of identities, digital space

АНТРОПОЛОГИЯ СОВЕТСКОСТИ

2–6 июля 2019 года в Казани прошел XIII конгресс антропологов и этнологов России. Организаторами выступили Ассоциация антропологов и этнологов России совместно с Казанским (Приволжским) федеральным университетом, Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ, Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН при поддержке правительства Республики Татарстан. Конгресс объединил 800 отечественных и зарубежных исследователей, обсудивших системы родства, связей и коммуникаций в истории человечества, межэтнические и межрелигиозные отношения, этноконфессиональные процессы в духовном пространстве России, этнологическое образование и множество других тем.

Одна из секций конгресса, посвященная осмыслению феномена советского, была озаглавлена «Антропология советскости» (руководители секции – Иван Гринько и Анна Шевцова (Москва)). Основным трендом при работе с советским прошлым остался анализ «устной истории» и прочих персональных нарративов. Второе магистральное направление – анализ визуальных источников. Важно, что в работе секции приняли участие исследователи разных поколений: и те, для которых советский период стал не только изучаемым объектом, но и частью личного опыта, и молодые антропологи, принадлежащие к постсоветскому поколению. Новую тематическую рубрику «Этнодиалогов» открывают доклады, прочитанные на конгрессе в Казани.

Наталья Кнэхт, Петр Глебов

Антропология советского в свете постоттепельного кинематографа

Статья посвящена постоттепельному кинематографу, а именно творчеству кинорежиссера Петра Тодоровского, который сумел выразить свое время и опыт своего поколения через множество визуальных, дискурсивных и музыкальных знаков. Феномен советского рассматривается в контексте распада «большого стиля» и появления «шестидесятнической мифологии». На примере анализа двух фильмов «Городской романс» и «По главной улице с оркестром» исследуются способы кинематографического конструирования реальности, которые воздействуют на эмоции зрителей и делают образ аффективным, что открывает новое, предсемантическое содержание образной системы эпохи социализма, как залог преемственности поколений.

Ключевые слова: *Петр Тодоровский, постоттепельный кинематограф, поколение, феномен советского, большой стиль, структуры чувств, аффективный образ, советская повседневность*

Советская эпоха, которую часто называют «советской Атлантидой», кажется, закончилась и ушла безвозвратно. Однако на эмоциональном уровне советское сознательно (или бессознательно) культивируется. Реабилитация советского на культурном уровне, начавшаяся в 2000-е годы, проявившаяся в пристальном изучении его феноменов, во многом была продиктована попыткой встроить советские ценности в современную реальность. Знаки советского, запечатленные в открытках, значках, диафильмах, мультфильмах и игрушках дополняются образами, которые мы находим в литературе и кино. Они напоминают людям о детских играх, пионерских лагерях, коллективизме и взаимовыручке, доброте и отзывчивости, дружбе народов, а главное – духовности и наполненности жизненного мира, несмотря на скуку застойного времени, когда деньги не имели определяющего значения.

Для людей старшего поколения больно видеть, как советские символы превращаются в бренды и используются для коммерческой рекламы, что «память стала недоступной для впечатлений, а впечатления трансформировались в эстетические безделушки» [17, с. 59]. Для людей новой эпохи советское может служить своеобразным якорем, той зацепкой попадания в мир духовно-нравственных ценностей,

Кнэхт Наталья Петровна,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии национального исследовательского университета электронной техники (НИУ-МИЭТ), nanaknekht@gmail.com

Глебов Петр Алексеевич,
магистр истории искусств, киновед, алтарник Спасского храма п. Андреевка (Московская епархия РПЦ), glebov.kamen@gmail.com

которые помогут сохранить устойчивое представление о своей идентичности [9, с. 17–27].

Изучение феномена советского затрагивает не только сферы экономики, политики и идеологии, но и область репрезентации советской реальности, в которой немаловажную роль играют визуальные средства и прежде всего искусство кино.

Кино фиксирует внутренние социокультурные процессы, происходящие в стране, городе, в домах простых людей. Кино как часть городской культуры впитывает и отражает в себе ключевые моменты изменения настроений, происходящих в обществе, во взаимоотношениях человека и власти, человека и культуры, человека и общества.

Данное исследование посвящено постоттепельному кинематографу, а именно творчеству кинорежиссера Петра Тодоровского. На наш взгляд, этот режиссер сумел выразить свое время и опыт своего поколения через множество визуальных, дискурсивных и музыкальных знаков, которые тематизируют, делают предметом исследовательского интереса этот период в истории отечественного кино.

Наш выбор обусловлен не только тем, что творческий путь этого художника завершен, и что П. Тодоровский явил своими работами некое метавысказывание целого поколения, но главным образом его неповторимым авторским стилем, неоднозначностью и недосказанностью его кинопроизведений. Фильмы П. Тодоровского привлекают не только представителей старшего поколения, чья молодость и зрелость совпали с экранной жизнью персонажей, но и совсем молодого зрителя – представителя поколения девяностых, чья идентичность складывалась уже в другой стране. Новая, постперестроечная эпоха ознаменовалась ростом

прагматичности, отчужденности и эгоистичности, потери ориентиров. Переживание опустошения от происходящего усиливало чувство ностальгии по тому времени, когда люди были более открытыми и искренними.

Старшее поколение, еще не сошедшее с исторической сцены, через визуальные образы городской среды, музыку, детали быта, по отдельным мотивам и культурным реалиям узнает интонацию времени, на которое пришлась его молодость. Однако узнавание это не просто память и ностальгия, которую испытывают по безвозвратно ушедшему времени. Фильмы Петра Тодоровского как бы над временем, они привлекают чем-то неуловимо возвышенным, на них откликается душа. Его фильмы про обычных людей, про любовь. Тогда узнавание – это попадание в некоторое пространство разделяемых аффектов. По выражению Е. Петровской, узнавание «устанавливает иные отношения с вещами и событиями, которые мы привыкли видеть как необратимые», «освобождает опыт прежних поколений, делая его частью живого настоящего» [13]. Иначе говоря, оно дает возможность установить особый тип отношений между прошлым и настоящим, проявляя новые смыслы и располагая их в нашем сегодняшнем опыте.

Визуальная составляющая картин Петра Тодоровского, связанных с созданием образа пространственной среды, опирается на определенную образную парадигму, изучение которой создает историческую перспективу, вписывая современность в контекст кинопроцесса. Анализ формирования пространственной среды помогает выделить разнообразие коннотативных надстроек, связанных с определенными художественными приемами и тропами. Понимание того, каким способом создается портрет города, пейзажа, улиц, домов именно в постоттепельном кино, позволит проа-

нализировать логику развития образных парадигм и объяснить механизм включенности зрительского восприятия.

В свете выбранной нами темы творчество Петра Тодоровского с необходимостью вписывается в более широкий контекст – исследование феномена советского. Этот обширный материал выступает необходимым подготовительным фоном для создания теоретического конструкта, который, как рамку, можно было бы наложить на культуру постоттепельного периода, чтобы яснее проступило «особенное».

Общий обзор этой литературы позволяет заметить, что, во-первых, произошел поворот в исследовании культуры от традиционной историографии к культурной антропологии, во-вторых, лингвистический поворот, значительно проявивший себя у французских историков, начинает смещаться в сторону изучения истории эмоций или замещается эмоциональным поворотом [11, с. 27–34]. Истоки становления и формирования Петра Тодоровского как художника приходятся на послевоенные годы. Это время распада «большого стиля» и появления «шестидесятнической мифологии» (А. Плахов) [14].

Под понятием «большой стиль» понимается исследовательский конструкт, некое формально-смысловое единство с набором определенных характеристик, отражающих способы репрезентации реальности. М. Туровская указывает на одну из причин возникновения единства или канона – «большой стиль» в кинематографе – «проекцию идеологии на общую структуру кинематографа» и «моделирование кинематографом специфических идеологических мифов тоталитаризма» [16, с. 26].

Новая эпохи в советской истории, начавшаяся в 1956 году (первая оттепель) и закончившаяся в 1968 году

(ввод войск в Чехословакию), – «период эклектичный, противоречивый, парадоксальный, но объединенный многими общими тенденциями» [8, с. 5]. В исследовании «60-е. Мир советского человека» П. Вайль и А. Генис дали анализ различных аспектов советского общества 60-х годов – образ жизни, общественные умонастроения, стереотипы сознания, атмосферу. Они представили это время как эпоху парадных шествий, социальных упований, зарождения диссидентского движения, надежд и разочарований. В эти переломные годы произошли не только изменения в идеологии советского общества, но и в киноре презентации реальности.

Т. Дашкова исследует изменения в способе показа приватного (частной жизни простых людей), рассматривая кинематограф как особый тип медиума: крупный план, фрагментация, субъективная ручная камера, специфический свет, шумы и пр. [10, с. 37]. Она показывает, каким образом происходит затухание «большого стиля» и переход к «оттепельной парадигме», как на смену жанровой определенности и стилевой цельности кинематографа приходит жанровая размытость и бесстильность. Т. Дашкова выделяет основные парадигмальные признаки послесталинского кинематографа: 1) конфликт выходит за рамки сюжета и часто не заканчивается с финальными титрами («Застава Ильича», «Июльский дождь», «История Аси Клячиной...», «Ты и я», «Фокусник», «Городской романс»); 2) в оттепельных фильмах появляется закадровый комментарий; 3) появляются новые сюжеты, связанные с реальными конфликтами, сложными жизненными ситуациями; 4) радикально меняется манера актерской игры (способы существования актера в кадре: размывание типажности – показ странных, неустойчивых персонажей, появление актеров драматического плана), что потребовало создания на экране

новой, реалистической среды обитания. Как отмечает Е. Марголит, появляется актер, основной характеристикой которого станет способность к рефлексии [12, с. 152]. Возможно, в этом и состоит секрет непреходящей любви к фильмам тех лет и особенно к киноработам П. Тодоровского.

В интервью Н. Баландиной Тодоровский говорит о том, что важнее всего в жизни: «...Мужчина и женщина, семья, любовь – основа жизни. Нас долго и методично учили любить страну, государство: «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз». Неправда – мой адрес и дом, и улица, и дерево, которое растет под окном. Если взять хорошую литературу, там все раскрывается через историю отношений мужчины и женщины, через судьбу двоих. И в жизни так оно и есть» [4, с. 71–78].

Сложная психологическая организация персонажей, неоднозначность поведения, нюансы в передаче чувств – все это создает самостоятельные истории людей поверх идеологических сюжетов. Т. Дашкова предлагает различать понятия: «фильмическое» (в случае создания внутрикадровой атмосферы) и «киноязык» (если речь идет о знаковых элементах фильма). В фильмах Петра Тодоровского, на наш взгляд, превалирует «фильмическое», так как конструирование реальности начинает осуществляться не только на визуальном, но и на вербальном уровне. Звуковое пространство создается при помощи введения городских шумов, обрывков речи, сводок о погоде, фрагментов радиопередач. Это не просто изобретение особого киноязыка, но создание внутрикадровой атмосферы. Еще одна важная особенность нового типа репрезентации реальности – попытка передать на экране то, что не поддается семантизации, ту повседневность, которая не укладывается в прокрустово ложе знаков, идеологических клише,

но создает особую внутрикадровую атмосферу, когда пейзаж, предметы, обстановка рождают ощущение подлинности.

Самое существенное изменение в киноязыке оттепельных фильмов, по мнению Т. Дашковой, – воссоздание повседневности, показ бытовых деталей и повседневных практик, что рождает эффект правдоподобия. Е. Марголит замечает: «Дождливая погода, разъезженная дорога, коммунальный быт, человек в непарадной одежде, даже небритый – все это аудиторией тех лет воспринималось с обостренной резкостью, обладало самостоятельной смысловой значимостью, для нас ныне почти не ощутимой» [12, с. 71–78].

Некоторые исследователи творчества П. Тодоровского и кинокартин постоттепельного периода отмечают сильное, не до конца объяснимое эмоциональное впечатление после просмотра фильма. Объяснение такого рода эффектам можно найти у Р. Барта [7]. Сильное эмоциональное воздействие может возникнуть как реакция на сложное взаимодействие различных элементов «фильмического»: экспрессивного монтажа, длинных планов, специального освещения, использования музыкальных фрагментов.

Для исследования постоттепельного периода (в это время складывается фильмография П. Тодоровского), связанного с концом возвышенного кино и рождением нового, советского фильма, имеет смысл использовать подход к восприятию кинофильма как к «психомиметическому» событию. Именно в этот период кинематографическая реальность лишается целостности, когда в новую повседневность входят уже не значимые иконографические элементы, но скорее бессознательные, чувственные. Именно они формируют образ-воспоминание, который остается в памяти после просмотра картины [2, с. 187–194].

Фильмы П. Тодоровского «Городской романс» и «По главной улице с оркестром» не так просты, как это может показаться при первом просмотре. Эти произведения как будто подтверждают позицию итальянского кинорежиссера Пьера Паоло Пазолини, считавшего, что именно образы составляют саму материю кино, общую и для видимой реальности, и для сновидческой, и для фантазийной, и именно образы диктуют ракурс, монтаж и свет. Кинообраз – это моментальный аффект изменчивости мира, не удерживаемый ни в каком языке. Традиционные рассуждения о роли технологии, о специфике построения кадра, о движении кинокамеры сегодня мало что дают для понимания восприятия кинообразов, которые предзаданы слову. Тайна режиссерской манеры П. Тодоровского в том, что он создает образы, позволяющие посредством кинематографа обнаружить мысль, эмоцию, особое состояние там, где мы раньше их не видели или не замечали.

«Городской романс» – элегантная черно-белая лента об истории любви молодого столичного врача-рентгенолога и хорошенькой студентки педучилища, приехавшей из провинции, разворачивается на фоне живописных крещенских сугробов, высоких многоквартирных домов, прозрачных витрин, городского транспорта. Масштабные внесюжетные натурные съемки, отражающие столичную повседневность, в которой с документальной точностью запечатлен образ Москвы 1970-х, позволяют назвать этот фильм настоящей монтажно-изобразительной лирикой.

Мы узнаем детали советской повседневности конца 1960-х: на фоне строительства многоэтажек, НИИ, детских садов и поликлиник создаются новые публичные пространства – гостиничные комплексы, молодежные кафе, рестораны, в которые невозможно попасть, особенно вечером, в конце трудовой недели. Однако

в фильме показан замечательный благоустроенный образцовый район, который можно назвать «городом будущего», как символ несбывшейся мечты шестидесятников. Тогда все были уверены, что всех ждет лучшее будущее, а вся неустроенность – лишь временное явление [1, с. 71].

Образ пространственной среды играет роль фона, на котором разворачивается драма. Главное – аура отношений героев, которую чрезвычайно трудно передать таким способом, чтобы задеть структуры чувств зрителей и сделать образ аффективным.

Вечерний город погружается в снегопад. Автобусы ходят плохо: ни проехать, ни пройти, а в телефонной будке не отогреться, но можно укрыться от суетности большого города. Герои неторопливо узнают друг друга, оказываясь в различных ситуациях и в различных местах-пространствах. Интерьеры обувной мастерской, кафе и кабинета поликлиники стандартны, узнаваемы и мало примечательны. Не они создают атмосферу фильма, но на их фоне лица персонажей, снятые крупным планом, кажутся выразительнее. Уличные же съемки снежных сугробов, освещаемых светом фонарей, усиливают романтическую интонацию кинопроизведения. Романтическая аура фильма создается замечательным операторским мастерством и оригинальной монтажной работой, которые проявляются в умении показывать снег. Из темноты поликлиники герой падает в морозный солнечный снежный день. На тротуарах белые горы снега. Мы узнаем брежневскую окраину юга Москвы с ее только что заселенными новостройками, еще не обжитыми пространствами – герои пересекают снежную целину между панельными домами, утопающими в бездне белого снега.

Формирование советской кинематографической чувственности шло постепенно. И связано оно было

с теми образами-ожиданиями, в которых проявляется советский опыт киноповествования и киновосприятия, складывающийся уже после оттепели. Нельзя не учитывать в формировании этого опыта рецепцию тех крупиц мирового кинематографа, которые попадали на советские экраны и даже в порезанном, усеченном виде обладали колоссальной интенсивностью, воздействуя на зрителя не словами и не изображением, а с помощью кинообразов, говорящих о «другой жизни», задающих новую меру свободы, продиктованной аффективностью самой жизни. Гениальность П. Тодоровского проявилась в том, что помимо звука и изображения в формировании кинообраза в его фильмах участвует желание иной реальности.

Для героини встреча с молодым мужчиной, проявившим к ней симпатию и заботу, – событие в жизни новое, непривычное, погружающее ее в мир грез, романтических раздумий и сомнений и в итоге приводящее девушку на порог дома героя. Судьба испытывает героиню, или героиня испытывает судьбу. Маша ошибается квартирой. И это не случайность. Она по ошибке звонит не в ту дверь и попадает к клоунам-мимам, изображающих разбитое сердце. Это одна из самых сильных по эмоциональной насыщенности сцен фильма. В коротком эпизоде прочитывается несколько смыслов. Это и запретная дверь, за которой скрывается «желаний ад», и приоткрытая дверь в другую, сказочную жизнь, из которой прорывается волнующий голос Мирей Матье.

Короткий и, казалось бы, случайный эпизод несет не только смысловую нагрузку, но и служит важным кинематографическим ходом. Лица клоунов-мимов выражают «нечеловеческое» в феномене лица.

В XX веке лицо является важнейшей темой философской рефлексии. Ж. Делез и Ф. Гваттари в «Капитализме и шизофрении» приводят оппозицию: «белая стена/черная дыра». В этой схеме первый член оппозиции – пространство белой стены – устанавливает мимическую неподвижность, объективирует выражение лица по контрасту с «черной дырой», которая открывает «за прорезью глаз» субъективность,то есть то, что позволяет видеть в лице проявление человеческого я [18]. «Белая стена» – белая застывшая маска мима, препятствующая отождествлению я с человеческим лицом. «Черная дыра» – нарисованные глаза мима – глаза без взгляда – место субъективности, в целом неожиданно рождают аффективное прозрение, вызывающее страх: в лице есть нечто не-человеческое [2, с. 44]. Быть может, этот эпизод есть знак – послание девушке, что она торопит события?

Закадровый куплет знаменитой песни La chanson de mon bonheur («Песня моего счастья») придает необыкновенную динамичность видеоряду: мечты, надежды, сомнения, словно вихри снежинок смешиваются в «белой тьме» с одиноко стоящим почтовым ящиком, домами, киосками, салоном красоты, деревьями и убегающими от снежной пурги прохожими.

Киноопыт раннего советского кинематографа, безусловно, повлиявший на становление Тодоровского как режиссера, проявился в том, что вербальный слой выражения в фильме второстепенен. Главное – то, что подвластно глазу, читающему изображение. Прежде всего это крупные планы. Это попытка с помощью кино выявить в видимом мире то, что залегает глубже видимости. В первую очередь это изображение лица на экране. История кинематографа знает различные подходы в работе с крупными планами.

П. Тодоровский, на наш взгляд, близок к фотогенической традиции. Он внимателен к моментам естественности, которые нужно уметь так воспроизвести на ки-

нопленке, чтобы они приобрели магическую притягательную силу. Это всегда ориентация на зрительское восприятие. Именно кино помогает уловить и зафиксировать зыбкие и текучие образы, а крупный план может преодолеть языковой барьер, апеллируя непосредственно к самому восприятию.

Замечательные крупные планы – ракурсы безмятежно спящей Марии, которые, кажется, режиссер подсмотрел и перенес на советский экран, продолжая линию русского неореализма, или романтического реализма. Молодость и чистота девушки сопрягаются с девственной белизной еще не тронутого гладкого снега за окном никитинской квартиры. Еще один интересный эпизод, связанный с глазами, мимикой и взглядом. Глаза выразительнее, чем шея или плечи. Как пишет Б. Балаш в «Физиогномии»: «... крупная съемка глаз больше излучает души, чем целое тело. Это задача режиссера – найти у ландшафта глаза» [5, с. 36–39]. Вещи способны возвращать взгляд, а человеческая эмоция – «следствие мимической игры вещей, в которую включен человек». Вещи в картинах Тодоровского обретают свое лицо. Герой возвращается домой и не узнает свою квартиру.

«Вещи, как стыдливые женщины, в большинстве случаев носят на лице вуаль. Эту вуаль художник снимает. <...> Фильм более чем всякое другое искусство, призван к тому, чтобы показать этот «лик» вещей» [6, с. 58]. Маша тоже включается в «мимическую игру вещей», находя предметы-следы другой женщины – помаду и пару заколок. Знаки-следы, предметы, вещи вдруг начинают «говорить» о тех и за тех, кто уже не связан с их непосредственным присутствием.

Французский кинокритик Андре Базен, описывая кинематографическую реальность, обращает внимание не на элементы внешнего правдоподобия, а именно

на те моменты в фильмах, когда реальность «сама себя показывает». Это происходит тогда, когда мир, не имея психологических характеристик, создает необходимые условия вхождения в изображение. Освоение этого изображения рождает эффект более непосредственной данности, чем физическая данность окружающего мира. В этот момент вся фактичность – предметы в кадре, сюжет, актеры – как бы уходят на второй план. Для него важно рассмотреть в киноматериале именно то, что воздействует неявно, со стороны фона, те незначительные детали, которые создают атмосферу воздействия самой реальности [3]. А. Базен, анализируя попытки режиссеров войти в это пространство, которое является фоном по отношению к изобразительной эстетике фильма и смыслу киноповествования, связывает с понятием реализм. В кинематографе П. Тодоровского, который можно назвать романтическим реализмом, интерес к реальности проявляется в попытках воссоздания фона, при котором его восприятие позволяло бы преодолеть знаковый уровень языка.

Заключительный эпизод П. Тодоровский снимает в сухой и теплой Москве, насыщенной непрерывными и стремительными потоками транспортного движения.

Апофеозом такого путешествия становится прогулка персонажей на вертолете. В кадрах данной сцены, снятых наклоняемой под разными углами камерой, разворачивается, как на ладони, панорама необъятной столицы с ее потоками машин, дорожных развязок, церквей, высоток. Грандиозная панорама раскинувшейся столицы, масштабность охватываемого пространства рождают в героине возвышенное чувство сопричастности этой величавости.

Изучая феномен советского, необходимо иметь в виду двойственный характер культуры и идеологии. Эта двойственность проявлялась «в смещении идеаль-

ного и реального, утопического и практического» [9, с. 24]. Реабилитация частной жизни, начавшаяся в 1960-е годы, сначала воспринималась как культурное и политическое освобождение, однако затем, уже в 1970-е годы наступает социальная апатия, когда «частная жизнь становится убежищем от общественного бытия, к которому люди становятся безразличными» [9, с. 19]. Скучная однообразная работа в учреждениях, где инициатива не приветствовалась, видимо, компенсировалась другими формами активности: занятиями спортом, вниманием к здоровому образу жизни (вечерние пробежки Романовского), дизайнерской деятельностью в украшении жилья, изобретательностью в стране тотального дефицита.

Начало фильма «По главной улице с оркестром» весьма прозаично. Узнаваемый, среднестатистический уклад жизни человека позднего социализма. Усталый мужчина среднего возраста добирается на работу на двух электричках и автобусе, читает лекции в вузе по сопромату, на досуге сидит у телевизора или разбирает наедине с собой шахматные партии. Иногда ему удается спрятаться в ванной комнате и посвятить немногие минуты любимому делу – подбирать мелодии, импровизировать, извлекать из гитары только что возникшие в голове музыкальные образы. Вполне нормальная, обычная жизнь ничем не примечательного советского человека, если бы не грусть в глазах, задумчивость и усталость. Его состояние можно назвать публичным одиночеством. Где бы он ни находился – по пути на службу, в потоке случайных прохожих, в заполненной студентами аудитории или же в своей квартире, – всюду его существование кажется ненужным и отчужденным. Нет у него и взаимопонимания с женой, хирургом по профессии, которая заставляет смотреть на мир прозаично и быстро принимать решения.

Своеобразным фоном, усиливающим настроение неприкаянности и одиночества, служит теплоход, одиночно проплывающий по реке в закатных лучах солнца, пробивающихся сквозь редкие облака. За его медленным перемещением наблюдает герой О. Борисова, будто бы видящий в этой картинке зеркальное отражение своей унылой и несостоявшейся жизни.

«По главной улице с оркестром» – романтически-реалистическое изображение состояния, которое испытывает человек, переживающий «осень жизни и осень года». Он одарен музыкально, скромен. Образ пространственный среды, включающий виды городского ландшафта, внутренних интерьеров дополняется поэтически-живописными и музыкальными фантазиями, возникающими у главного героя в творческие мгновения и отражающими его душевную чистоту. Герой стремится к свободному творчеству, которое не связано с практической выгодой, оплачиваемым ремеслом или работой.

Одна из самых сильных и романтичных сцен в кинематографе Петра Тодоровского – это когда на экране крупным планом мы видим усталое, чуть тревожное лицо О. Борисова, исполняющего музыкальную композицию на стихи Григория Поженяна: «В красном сне, в красном сне, / В красном сне бегут солдаты, / Те, с которыми когда-то, / Был убит я на войне, был убит я на войне...». Они несут мощный метафизический посыл, передавая ту нерушимую связь, которая объединяет поколения. Крупным планом дано лицо молодого лейтенанта, который начинает видеть реальность глазами главного героя.

Надтреснутый, дрожащий голос, чуть срывающийся на фальцет, О. Борисова сначала сопровождается игрой на гитаре, затем становится закадровым, словно улетает ввысь, сливаясь с полифонией звуков симфониче-

ского оркестра, и дополняется нежным женским сопрано. На экране мы видим сказочную картину, рождающуюся в поэтическом воображении героя. Вода, словно темное бутылочное стекло, отражает осенний лес. Плавное течение реки, как колыбель, раскачивает лодку, плывущую вдоль берегов, застеленных праздничной разноцветной листвой. Такая красота бывает только в раю. В лодке, сплетая из желтых листьев венки и опуская их на зеркальную гладь воды, умиротворенно плывут самые дорогие герою люди – жена и дочь.

Это реальность грезы, реальность сна, реальность абсолютной гармонии, которая возможна только в трансцендентном, запредельном мире. В музыкальных фантазиях главного героя, действительно, заключена вся его жизнь: и первые свидания, и признание в любви, и рождение дочери, и военные годы.

Сновидческая реальность, реальность потока сознания, когда герой грезит наяву, перемежается кадрами реальной жизни. В советской режиссуре, когда нужно было показать воспоминания героев, обычно между кадрами включали затемнение. Как правило, сны, фантазии, грезы показывались в размытой неясной манере, будто картинки, покрытые «звездной пылью». Тодоровский использует жесткий, точный монтаж, когда кадры идут без дымки, без затемнений. Режиссер подсмотрел этот прием у своего кумира – Федерико Феллини: «Феллини для меня — маг, волшебник, чудо XX века. Какая у него драматургия, какое чувство юмора, какая пластика, какие замечательные лица в кадре. ... Вспоминаю день, когда мы первый раз смотрели «8 1/2» <...> у Феллини... разговаривает герой с продюсером, и вдруг по другой улице идет женщина в черном платье, босая — начинается совсем другая история...» [15, с. 6–9]. В заключительном эпизоде Василий с дочерью оказываются в толпе студентов, отправляющихся в стройотряды.

И опять жесткий, точный монтаж без перехода, когда герой поднимается на вышку, чтобы совершить прыжок с парашютом. Это уже другой, уверенный в себе Муравин, который, крепко пристегнувшись ремнями, осмеливается на прыжок. В медленном полете, счастливый и свободный, он позволяет себе немного покривляться, а внизу, на земле его ждут жена, дочь и ... гитара.

Итак, в фильмах П. Тодоровского зима на экране сменяется весной, весенняя уличная сырость и холод сменяются сухостью и теплом. Перипетии взаимоотношений героев, образная ткань фильмов могут восприниматься и интерпретироваться по-разному. Любовь как кинематографическая перцептивная форма сегодня с трудом может воздействовать на зрителя, искушенного и обученного сферой кинематографического эротизма в решении темы любви.

Тодоровский дает нам новые образы любви. Любовь в качестве сюжета здесь уже вполне случайное явление, на первое место выходит актуализация образов-желаний, образов-воспоминаний, в которых личностное Я претерпевает изменения становления другим. П. Тодоровский пытается найти новые кинематографические знаки любви, некий их материальный эквивалент, в силу того, что кинематографическое восприятие меняет сам характер образности.

В послеоттепельном кинематографе начинает складываться новый герой – это не просто рефлектирующий интеллигент, мучающийся неопределенностью в выборе собственного пути, как это было в начальный период оттепели, но и способный сделать правильный моральный выбор. Для этого уже недостаточно тонкого психологизма, особой манеры актерской игры, особого способа существования актера в кадре

Существенное значение начинает играть голос актера, в том числе и закадровый – озвучивание роли

или дублирование. Сложное интонационное звучание, разнообразная палитра голосов глухих, надтреснутых, нервных, разочарованных, усталых дополняет и усложняет визуальный ряд. Таким образом, акустическое пространство начинает выступать по отношению к пространству визуальному как его смысл.

В самом названии фильма «По главной улице с оркестром» визуально-пространственная компонента (улица) сопряжена с акустически-музыкальной составляющей (оркестр). На наш взгляд, в фильме предпринимается попытка выразить сонорную форму советского этоса эпохи позднего социализма. Иначе говоря, решить непростую задачу: средствами кино воссоздать трудноуловимое, сложно организованное, идеальное пространство звуков и голосов уходящей советской эпохи. Социальная восприимчивость формируется не только сконструированной пространственно-городской средой, но и тем музыкально-акустическим фоном, в котором смешаны стоны, шепоты, крики, уличные голоса, обрывки музыкальных фраз, рокот, стук, шум самой жизни. Все это пытается завладеть нашим слухом.

В этих фильмах образ пространственной среды отражает состояние героев, связан с антропологией взгляда. Это проявляется в эпизодах, передающих энергию жизни, смятение чувств героев через состояние пространственной среды, погодные условия: метель, усиливающаяся к ночи, пурга, завьюженные дорожки или, напротив, весенняя капель, тающий снег, игра солнечных зайчиков, дождевые ливни.

Образ пространственной среды дополняется не только изображением типичных многоэтажных зданий, новостроек на окраине Москвы, но и масштабностью архитектурных преобразований центра столицы, органично включающих греко-римские фрагменты фасадов

старинных зданий в панораму новых высотных комплексов.

Пространственная среда представлена не только масштабными панорамными видами, потоками людей и машин, зимними или осенними пейзажами улиц, парков, но и интерьером домов и даже вещей, влияющих на поведение героев и отражающих их душевное состояние;

Своеобразие пространственной среды в выбранных для анализа фильмах проявляется в изображении сновидческой, фантазийной, «волшебной» реальности, реальности-грезы, рождающейся в воображении персонажей, идеально пролонгирующих желаемое лучшее будущее.

Перспектива дальнейшего исследования образа пространственной среды в творчестве П. Тодоровского связана с еще не изученной сонорной, акустической составляющей, дополняющей визуальную составляющую. В более широком контексте исследование творчества П. Тодоровского связано с рецепцией его фильмов в постсоветской России, что откроет новое, предсемантическое содержание его образной системы, как залог преемственности опыта поколений.

Литература:

1. *Абрамов А.* Массовое жилищное строительство и производство пространства советской интеллигенции (на примере анализа воспоминаний жителей микрорайона Западная Поляна города Пензы) // СССР: Жизнь после смерти: сб. ст. / Под ред. И. Глущенко, Б. Кагарлицкого, В. Куренного / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 67–79.
2. *Аронсон О.* Метакино. М.: Ad Marginem, 2003. 262 с.
3. *Базен А.* Что такое кино? / Андре Базен; пер. с фран. В. Божовича (книга I), Я. Эпштейн (книги II, III, IV). М.: Искусство, 1972. 384 с.
4. *Баландина Н.* Петр Тодоровский: «В молодости легко быть счастливым» // Искусство кино. 2005. № 5. С. 71–78.
5. *Балаш Б.* Физиогномия // Искусство кино. 1986. № 2. С. 36–39.

6. *Балаш Б.* Видимый человек. Очерки драматургии фильма. М.: Всероссийский Пролеткульт, 1925. 88 с.
7. *Барт Р.* Эффект реальности // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
8. *Вайль П.Л., Генис А.А.* 60-е. Мир советского человека / Послесл. Л.А. Аннинского. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 368 с.
9. *Глущенко И.* Как изучать «советское» // СССР: Жизнь после смерти: сб. ст. / Под ред. И. Глущенко, Б. Кагарлицкого, В. Куренного / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 17–27.
10. *Дашкова Т.* Границы приватного в советских кинофильмах до и после 1956 года: проблематизация переходного периода. М.: Новое издательство, 2008. 39 с.
11. *Добренко Е.* О советских сюжетах в западной славистике // СССР: Жизнь после смерти: сб. ст. / Под ред. И. Глущенко, Б. Кагарлицкого, В. Куренного / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 27–34.
12. *Марголит Е.* Советское киноискусство. Основные этапы становления и развития. (Краткий очерк истории художественного кино) // Киноведческие записки. 2004. № 66. С. 150–180.
13. *Петровская Е.* «На стороне новых варваров»: знаки поколения у Балабанова // Новое литературное обозрение: научный журнал. 2018. № 149 (1). URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2018/1/na-storone-novyh-varvarov.html (дата обращения 20.06.2019)
14. *Плахов А.С.* Легкое дыхание // Сеанс: киноведческий журнал. 2013. 25 мая. URL: https://seance.ru/blog/portrait/todorovsky-rip/ (дата обращения 20.06.2019)
15. *Сергеева Т.* Петр Тодоровский: «Мы преклонялись перед мэтрами» // Искусство кино. 2003. № 2. С. 6–9.
16. *Туровская. М.И.* Кино тоталитарной эпохи // Кино: Политика и люди (30-е годы). К 100-летию мирового кино / Роскомкино; НИИ киноискусства; отв. ред. Л.Х. Маматова. М.: Материк, 1995. С. 26 – 51.
17. *Ямпольский М.Б.* Парк культуры: Культура и насилие в Москве сегодня – Москва: Новое издательство, 2018. 198 с.
18. *Deleuze G., Guattari F.A.* Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia / Gilles Deleuze, Felix Guattari; trans.by B. Massumi. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987.

ANTHROPOLOGY OF SOVIETNESS

On July 2–6, 2019, the XIII Congress of Russian Anthropologists and Ethnologists was held in Kazan. Under the auspices of the Government of the Republic of Tatarstan, the Association of Anthropologists and Ethnologists of Russia organized the Congress, with support of Kazan (Volga) Federal University, S. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences. The Congress brought together 800 Russian and foreign researchers who discussed systems of kinship, relations and communications in the history of mankind, interethnic and interreligious relations, ethno-confessional processes in Russia, ethnological education and many other topics.

One section of the congress – «Anthropology of Sovietism» (under moderation of Ivan Grinko and Anna Shevtsova (Moscow)) focused on understanding the phenomenon of «The Soviet». The main trend in working with the Soviet past is still the analysis of «oral history» and other personal narratives. The second main direction is the analysis of visual sources. It is important that researchers of different generations took part in this section work. They were both those for whom the Soviet period became not only a studied object, but also a part of personal experience, and young anthropologists belonging to the post-Soviet generation. Some of the reports presented at the congress in Kazan open now a new thematic rubric of «Ethnodialogues».

Natalya Knecht,
PhD in Philosophy, Associate Professor, Chair of Philosophy, Sociology and Political Science, National Research University of electronic technology (MIET), nanaknekht@gmail.com

Peter Glebov,
Master in History of arts, Film critic, Altar-boy of the Spassky church in Andreevka (Moscow diocese of the Russian Orthodox Churc h), glebov.kamen@gmail.com

Anthropology of the «Soviet» in the light of post-thaw cinema

The article is devoted to post-thawing cinema, namely to the work of film director Peter Todorovsky who managed to express his time and the experience of his generation through a variety of visual, discursive and musical signs. The Soviet phenomenon is considered in the context of the collapse of the «great style» and a rise of «sixties mythology». Analyzing two films – «Urban romance» and «Through main street with the orchestra», the authors investigate ways of cinematic construction of reality that affect emotions of the audience and make an image affective. This opens up a new, pre-semantic content of the image system in the socialism era, as a guarantee of continuity of generations.

Keywords: Peter Todorovsky, post-thaw cinema, generation, Soviet phenomenon, great style, structures of feelings, affective image, Soviet everyday life

Иван Гринько, Анна Шевцова

«НИИкому не нужно»: как советских ученых видела официальная карикатура

Статья посвящена антропологии академической жизни советского периода. В качестве источниковой базы была использована советская карикатура 1950–1980-х годов, а также мемуары научных работников. Авторы выявляют генезис и динамику многих современных проблем в российской науке, а также показывают двойственность отношения официального сатирического дискурса к научному сообществу.

Ключевые слова: *советская история, карикатура, наука, научное сообщество, антропология академической жизни, журнал «Крокодил»*

> *«Смех имеет и познавательную ценность. Смех обучает людей: иногда – посредством остроумных загадок и неожиданных метафор, иногда – показывая вещи даже неправильно, не такими, каковы они есть, а вводя нас в обман и этим понуждая внимательнее рассмотреть предмет».*
>
> (Умберто Эко, «Имя розы»)

> *«40 лет назад Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед человечеством необозримые горизонты, позволила науке сделать скачок вперед, создала благодатную почву для ее стремительного развития».*
>
> (Победоносцев Ю.А. Триумф советской науки // Наука и жизнь. 1957. № 11)

Современное состояние российской науки принято оценивать пессимистично, а отношение к ученому сообществу в лучшем случае безразличное: *«Теперь же науке доверять больше не модно. Правительства не поручают ученым ответственных задач и все реже обращаются к ним за советом в сложных ситуациях, родители не поощряют желание своих детей идти на научные специальности университетов»* [2, с. 9].

На этом фоне становится понятно, почему в массовом и корпоративном сознании охотно лелеется миф о советском периоде в истории науки. В этом мифе не находится места негативным сюжетам: плагиату, диссеромании, карьеризму, имитации научной деятельности, ничтожно малому количеству прикладных работ.

Однако трудно отрицать, что современная российская наука является продолжением советской, и ее развитие зависит не от мифологии, а от тщательного культурно-антропологического анализа проблем академической жизни, подавляющее большинство из которых достались в наследство от советской академии.

Авторы, конечно, не ставят перед собой столь глобальную задачу, но хотели бы показать те проблемы советской науки 1950–1980-х гг., которые оказались в публичном дискурсе.

При этом источник нашего исследования для антропологии академической жизни не совсем стандартный – это советская карикатура, прежде всего из журнала «Крокодил». Всего мы проанализировали 1419 номеров журнала, изданных с 1950 по 1991 год и 97 сборников серии «Мастера советской карикатуры». Надо помнить, что «Крокодил» по своей сути был не столько сатирическим, сколько идеологическим и пропагандистским из-

Гринько Иван Александрович,
кандидат исторических наук, начальник Управления музейно-туристского развития ГАУК «МОСГОРТУР» (Москва), igrinko@mosgortur.ru

Шевцова Анна Александровна,
доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета (Москва), ash@inbox.ru

данием всесоюзного масштаба, поэтому подобные изображения можно с полным основанием считать официальным мнением советского руководства. Конечно, это не первое исследование образа советского ученого в искусстве [17], однако попытка понять академический мир через смеховую культуру может дать более выпуклую картину.

Своим обаянием и успехом у читателей «Крокодил» во многом обязан тому, что с ним сотрудничали лучшие иллюстраторы и карикатуристы своего времени: Константин Ротов, Кукрыниксы, Борис Ефимов, Леонид Сойфертис, Евгений Шукаев, Виктор Чижиков, Генрих Вальк, Эдгар Вальтер и множество других мгновенно узнаваемых мастеров.

Период 1950–1980-х годов был выбран по двум ключевым причинам. Во-первых, именно в послевоенный период наука в нашей стране перешла в разряд наиболее важных отраслей советского хозяйства. Социальный статус ученого по сравнению с 1920–1930 годами кардинально изменился: ученый стал одной из наиболее популярных ролевых моделей советского общества: *«Приобщение к интеллигенции – экстремальный диктат советской жизни. При этом смысл такого приобщения отнюдь не материальная выгода (скорняком быть куда прибыльнее), но исключительно высокая престижность соответственного образа жизни»* [5, с. 36].

Во-вторых, именно это время можно считать началом именно «советской науки», поскольку в силу возраста окончательно сошли со сцены ученые, сформировавшиеся еще в досоветскую эпоху: *«То, чего не достигли репрессии 30-х годов, ... было довершено в конце 40-х – начале 50-х годов. Старики были отстранены от влияния на молодежь, руководство стало подбирать других, молодых, по другим критериям, и преемственность – то, что составляет основу научной школы, – оказалась подорванной»* [13, с. 17].

В случае с визуальными образами науки и ученых следует учитывать несколько ключевых факторов. Конечно, ученых часто изображали в юмористическом ключе, начиная еще с Вольтера и Жюля Верна, Однако в данном случае имелась вполне конкретная специфика. С одной стороны, наука в послевоенный период стала одним из главных предметов гордости советского правительства. При этом научное сообщество в силу ряда причин воспринималось властью с опаской. По сути, очень часто наука становилась пространством для внутренней эмиграции или фронды по отношению к режиму: *«Наука – то место в пространстве советского, где оказывается возможным скрывать свою религиозность одним, другим – отношение к режиму, третьим – просто скрываться. Наука становится местом, где помимо профессионализма культивируется неосознаваемая самими ее представителями богемность»* [1, с. 13]. Именно поэтому над наукой в официальном дискурсе позволялось шутить и критиковать ее недостатки, чтобы держать ученых под контролем.

Какие же именно проблемы академической жизни попадали в официальный дискурс?

Академик в ермолке

В визуальных рядах «Крокодила» представитель науки в подавляющем большинстве случаев – мужчина, преклонных лет в очках и ермолке, темном старомодном костюме с портфелем и множеством бумаг.

В целом его можно вполне совместить с традиционным для европейской культуры образом взлохмаченного безумного профессора, прототипом которого чаще всего был Альберт Эйнштейн. Однако здесь мог быть и еще один важный подтекст: тяга к ритуализации должна была скрыть недостаточно высокий профессиональный уровень: *«Вероятно, именно сознание отсутствия профессионального образования побуждало Массона быть*

консерватором в обрядности, всячески подчеркивать знаки принадлежности к сословию ученых, исследователей. Он носил в поле экспедиционный костюм дореволюционного покроя, надевал пробковый шлем британских путешественников и круглые очки со съемными затемняющими насадками. В городских условиях постоянно ходил в черной бархатной академической ермолке» [18, с. 377].

Любопытно, что один из самых узнаваемых образов ученых – портрет яйцеголового очкарика Знайки (рис. 1) [21] из повести Н. Носова создал знаменитый карикатурист и иллюстратор Генрих Вальк, активно сотрудничавший с «Крокодилом».

При этом изредка встречаются лекторы, которые «дивно танцуют» (рис. 2), женолюбивые философы [12], молодые влюбленные химики [23], археологи и этнографы (рис. 3), а также персонажи без возраста в белых лабораторных халатах. Отчасти это отражает процесс омоложения науки в 1960–70-е годы за счет колоссального расширения кадров академических институтов.

Подобные же образы молодых научных работников появляются и в других жанрах. Достаточно вспомнить повесть А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» (1964–1965) или фильм «Девять дней одного года» (1962, реж. М. Ромм). Иногда именно молодость с ее симптомами (молодежный сленг, модная одежда, стремление «жить красиво») ставится персонажам в вину художником (рис. 4) или старшими товарищами, совершенно не желающими уступать дорогу молодым (рис. 5).

Не для дам

Образ ученого в карикатуре традиционно оставался мужским, несмотря на то что к концу 1980-х численность женщин, занятых в научной сфере, составила более 40% от общего количества сотрудников. В 1937 г.

среди кандидатов наук женщины составляли пятую часть, а среди докторов – десятую, уже к концу 1950-х годов показатели выросли в полтора раза, но диспропорция сохранялась [20]. Именно поэтому карикатуристы часто изображали дам в науке как лаборанток, младших научных сотрудниц, хотя в праздничных мартовских выпусках журнала женщин-ученых упоминали через запятую после доярок и матерей-героинь. Впрочем, в массовом сознании и в официальном дискурсе, женщина, сумевшая защитить диссертацию, все же проигрывает, в том числе внешне, женщине, родившей ребенка (рис. 6).

Нередко именно женские образы иллюстрировали бесполезность и ничегонеделание ученых – например, в сцене, где сотрудницы НИИ, зевая, «все вяжут шапочки для зим» посреди новейшей кибернетической техники [10]. Их диалог, из которого ясно, что до конца рабочего дня осталось довязать «полрукава и спинку» – не вымысел карикатуристов, а факт, который признавали и сотрудники самих НИИ:

«Работа была очень нормированная. Приезжать к 10 утра – и сидеть до 18.45. Рабочий день проходил в чаях, разговорах, причем очень редко по научным проблемам. Чаще – по бытовым, семейным. Мы пытались что-то читать, писать – но когда в одной комнате пять человек, звонит телефон – ну что тут можно сделать?» [14, с. 69].

Диплом о высшем образовании для девушки, изображаемой как очаровательная пустышка, зачастую становился всего лишь пропуском к замужеству или к синекуре [23; 24]. Брак с ученым высокого ранга в обществе воспринимался как выгодная партия (рис. 7).

Но чаще всего дамы-ученые в визуальном контексте советской науки не упоминались вовсе: так, в «Колонне

ученых» на демонстрации (71/30 – здесь и далее так обозначены номера журнала «Крокодил» в формате год/номер), в бригаде ученых на овощебазе или в археологической экспедиции нет ни одной женщины. Нет и сюжетов, связанных с дополнительными барьерами для женщины на пути к ученой степени. При этом студенток в изображениях, посвященных вузам, никак не меньше, чем студентов, а иногда и больше. Но, видимо, с точки зрения карикатуристов-мужчин (а карикатура – это почти сугубо мужская сфера с редчайшими исключениями), после получения диплома большинство из них выходят замуж, «распределяются» и/или занимаются более осмысленными вещами, чем наука.

Физики VS лирики

Что касается, научных специальностей, то численный перевес в сюжетах карикатур – у представителей точных наук. Однако по большей части дисциплинарную принадлежность определить трудно. Это абстрактные ученые: на точные и естественнонаучные дисциплины прозрачно намекают белые халаты. Но для художников и редакторов важнее не то, чем конкретно они занимаются, а сама их принадлежность к научному сообществу, зачастую не оправдывающему ожиданий.

Чуть ли не единственные гуманитарии, время от времени все же появляющиеся в карикатурах, – это археологи. Происходило это не столько в силу романтического флера профессии в массовом сознании, сколько потому, что сопутствующий антураж позволял высмеивать бытовые и этические сюжеты, далекие от науки (63/01; 69/16). Другие представители гуманитарных специальностей, например, этнографы, обычно изображались с добродушным юмором.

Изобретение самовара и колеса

Тема эффективности науки до сих пор является одной из самых актуальных и дискуссионых. Показательно, что и у авторов «Крокодила» сюжеты, связанные с бесполезностью и имитационностью научного знания, лидируют в визуальном ряде «научных» тем. С начала 1950-х годов они регулярно возникают на страницах журнала: научные сотрудники увлеченно изобретают самовар (рис. 8), доят подопытного козла (55/17), собирают в бане материал для диссертации на тему «*Пар костей не ломит*» (69/14), скрещивают кактус с яблоней или зайца с черепахой в «*НИИкому не нужно*» (рис. 9, 10). Но если в 1950–60-е годыэто были образы отдельных сотрудников и лабораторий, например, занимающихся травопольной системой, то к концу советского периода формируется устойчивый визуальный образ абстрактного бесполезного НИИ, изобретающего колесо (86/18) или просто работающего в корзину [7]. Недаром «НИИЧАВО» Стругацких превращается в «Чародеях» (1982, реж. К. Бромберг) в иронический «НУИНУ».

Эти проблемы нашли отражение не только в карикатуре. Например, Д.Л. Быков обратил внимание, что в конце 1970-х появилось сразу несколько романов и повестей «о карьеризме, о вырождении отечественной науки, о беспрерывном подсиживании – вообще о том, как этой науки, в сущности, больше нет, а есть опять-таки тотальная имитация на ее месте» [3, с. 204]. В целом подобные обвинения не были беспочвенными, особенно в гуманитарных науках:

«Балабушевич взялся возглавить группу сотрудников и создать «коллективную монографию» под названием «Гегемония рабочего класса в революционном движении в Индии». Четыре года ему понадобилось и дирекции, чтобы понять, что никакой гегемонии рабочего класса в Индии не было, и лишь в 1955 г. тема была тихонько ликвидирована. Чем занимался

Балабушевич эти четыре года, одному богу известно» [4, с. 129].

В самом конце советской эпохи в карикатурах появляются актуальные и сегодня сюжеты про рентабельность исследований, например, сюжет об отчетном докладе знаменитого этнографа Н.Н. Миклухо-Маклая: «*Вы хоть поездку-то оправдали?*» (89/26). Характерно, что это был практически единственный случай персонификации ученого.

Товарищ Снотворный и наука на овощебазе

Оторванность науки от реальности стала сюжетом многочисленных едких карикатур. Это и лекция по разведению северных оленей на Кавказе, комический инструктаж доярок с наглядным материалом в виде надутой перчатки, расщепление атома с помощью молотка и образ лектора, как «Товарища Снотворного» [15].

Из этих тем плавно вытекала и тема бесполезности ученого сообщества, которая часто переплеталась и с темой его дармоедства. Образ ученых, весело проводящих время за банкетным столом, был широко распространен в 1970-х. Естественно, что и защита диссертаций ассоциировалась прежде всего с банкетом для членов диссертационного совета. Пиршеству в честь диссертанта неизменно сопутствовали неумеренные возлияния. Подобные критические выпады могли иметь реальную подоплеку:

«Давали научную продукцию хорошо если 25–30% научных сотрудников, остальные или руководили всякого рода отделами и секторами, или занимались в основном так называемой общественной работой, то есть заседали в парткоме, месткоме и т.п., или же просто получали зарплаты. Я уже писала об Ашоте Мхитарьяне, который за всё время работы в институте напечатал две статьи, да и те

на машинке [то есть они остались в рукописи. – Авт.]. Он подвизался в другом отделе до самой пенсии, при переходе на которую ему дали медаль «Ветеран труда» [4, с. 131].

Аналогичная ситуация складывалась не только в гуманитарных институтах:

«Муж у меня в почтовом ящике работал… Он мне рассказывал: «Ты не представляешь, какой это цинизм. В восемь утра все должны быть на месте. Охрана с пистолетами, ни войти, ни выйти в середине рабочего дня. И все слоняются по коридорам, людям нечего делать. От тоски и скуки уже <…> по туалетам. В шахматы открыто играют, бабы вяжут платья. При этом – крутой «ящик», правительственная связь» [14, с. 76].

На этом фоне неудивительно, что в карикатурах при отчете научного института из всех открытий упоминаются только открытия филиалов, а рабочее время сотрудники НИИ проводят в походах за покупками (рис. 11). В данном случае упреки карикатуристов полностью совпадали с официальными замечаниями: *«На сегодня с эффективностью труда в науке не все благополучно. Возрастание численности ученых сопровождается понижением их творческой активности… Причем эта закономерность имеет повсеместный характер»* [9, с. 37].

Еще одной темой, подчеркивающей «эффективность» советской науки, конечно, были поездки «на картошку». Как ни странно, сюжеты с профессорами на овощебазах в карикатуре фигурировали нечасто (рис. 12), хотя они нашли отражение в кинематографе, например, в фильме Эльдара Рязанова «Гараж» (1979).

Поскольку наука являлась полем соревнования двух систем, в советской сатире периодически возникали и образы ученых «капиталистического мира». И если на советском ученом все же лежала тень элитарности и достатка, то ученый, особенно гуманитарий, в запад-

ных странах в 1970-х изображался маргиналом, постоянно озабоченным поиском работы (78/24).

В конце советского периода неожиданно актуализировалась тема устаревания научного знания и технического отставания СССР (87/5, 89/04, 89/07, 90/05). Но если раньше карикатуристы под наукой подразумевали в первую очередь точные дисциплины, то в начале 1990-х речь зашла и об очевидном кризисе в гуманитарном, прежде всего историческом знании. Яркие примеры – надгробный памятник «Краткому курсу истории ВКП(б)» (88/19) и откровенные упреки («Много белых пятен») учебнику по Истории СССР (91/25) на одной из первых известных работ знаменитого карикатуриста Сергея Елкина.

Одной ногой стоял в прошлом, а другой приветствовал будущее

Проблема раздутых штатов привлекала внимание карикатуристов постоянно (70/06). При этом ее вынуждены были признавать и сами ученые:

«Впоследствии от нашего большого отдела начали отпочковываться другие сектора и отделы. Иногда такое разделение имело смысл, но порой производилось просто для того, чтобы появилась новая высокая должность заведующего отделом. Не секрет, что штаты научных учреждений, в том числе нашего, были тогда непомерно раздуты» [4, с. 131].

Естественно, что сверху сложенные научные структуры с избытком административно-управленческого персонала автоматически провоцировали излишнюю бюрократию, однако именно эта тема осталась за пределами внимания советских карикатуристов. Редкий пример – карикатура «Золотой век болгарской письменности» болгарского графика Георгия Анастасова,

изобразившего ряд ученых, смиренно строчащих бесконечные доклады, заявки, отчеты. Крайне актуальны и сегодня образы научных сотрудников, погребенных под отчетами и докладами (63/7) или заблудившихся в лабиринте регламентирующих постановлений [8; 12]. Однако самым ярким образом бюрократического абсурда в науке можно считать демонстрацию археологов, собирающихся найти «*сверх плана одну гробницу с золотом, серебром и слоновой костью 5-го века до н. эры!*» (художник – Владимир Шкарбан).

Помимо бесполезности исследовательской работы, не менее часто критике подвергалась и подвергается до сих пор качество научной коммуникации. Символом критического отношения к научным докладам стала карикатура Бориса Ефимова «Дятел докладододолбящий» (74/03).

Общее место на протяжении всего исследуемого периода – наплевательское отношение бюрократов от науки к рационализаторам и изобретателям (рис. 13).

Большинство проблем, обозначенных советскими карикатуристами, до сих пор актуальны: например, вилы, как основной инструмент соблюдения регламента доклада (63/6); ученый, не реагирующий на отсутствие публики (76/21); доклад с работающего телевизора, чтобы хоть как-то привлечь внимание, просто пустословие без комментариев (71/20). В 1950–1960-х карикатуристы высмеивали лекторов-начетников, попугайски повторяющих один и тот же набор цитат. Советский индолог Кока Александровна Антонова вспоминала еще об одном мастере слова: *«я обратилась с такой просьбой к Гагарину, председателю профсоюза работников высшей школы и научных учреждений, о котором ходили слухи, что он был автором выражения: «Одной ногой стоял в прошлом, а другой приветствовал будущее»* [4, с. 57].

Диссеромания

Особенно удавалось отечественным карикатуристам обыгрывать тягу к получению ученых степеней и званий с причитающимся пакетом социальных благ, а также тезис о том, что «ученым можешь ты не быть, но кандидатом стать обязан». Показателен диалог из повести Г.Н. Троепольского «Кандидат наук», где получение степени приравнивалось к статусу ученого.

«– В науку, значит, не удалось... проникнуть?

– Как это, простите, «проникнуть»?

– Ну, может быть, неточно выразился... Гм... Все достигают. Стараются достигать вершин науки. Диссертации, обобщения... опыты» [22, с. 8].

Надбавка за ученую степень и оклад на новой должности могла качественно изменить уровень жизни:

«Потом ты становился младшим научным сотрудником и получал уже 105 рублей. Это сильно увеличивало благосостояние. С «младшего научного» я «слезла» только после защиты кандидатской – в 1978 году. У кандидата было уже 175 рублей. А чтобы стать старшим научным сотрудником, надо было, чтобы кто-то из старших научных умер и освободил ставку» [14, с. 54].

Все это привело к тотальной охоте за степенями, которая нашла отражение в карикатуре: это и высосанный из пальца текст [6]; и «Дутыш псевдоучёный» (74/03), и «знаменитый подопытный козел, с которого выдоили уже не одну диссертацию» (55/17). Созвучный этим визуальным типам образ недоучки-карьериста Гордея Кабачкова, блистательно сыгранный Георгием Бурковым в фильме «Добряки» (1979, реж. К. Шаханазаров), интересен не только своими талантами аферист. Он защищает диссертацию и затем стремительно делает карьеру в Институте античной культуры при попустительстве «добряков» – бесхребетных членов диссо-

вета. Расхожий образ – превращение самой диссертации после защиты в мусор, пригодный только для детских игр (56/05) или как гнет для засолки капусты (75/34).

Советский диссернет

Плагиат в академической среде отнюдь не был редкостью. В последние годы благодаря активной деятельности сетевого сообщества «Диссернет» тема фальшивых диссертаций стала одной из самых медийных. При этом тема соавторства и плагиата – сквозная на протяжении всего послевоенного периода, ей посвящено не менее 15% научных сюжетов в сатирической печати.

Иногда прямо показывалась традиция «диссертационных негров» (65/6, 73/3, 79/18), когда молодой специалист вынужден работать на диссертацию начальства, о чем писали в мемуарах и отечественные исследователи [18]. Порой вещи назывались своими именами, как в случае с памятником плагиатору (73/17) или чуть более застенчиво, как в рубрике «Следы чужой музы» (79/18). Тему иерархичности науки затрагивает множество изображений, где диссертацию раздувшемуся от важности чиновнику от науки пишут его консультанты, референты и младшие научные сотрудники. Характерный пример – рисунок М. Битного, где завлабораторией с улыбкой говорит интеллигентному юному очкарику: «Рано вам, молодой человек, писать кандидатскую диссертацию: напишите сначала мне докторскую!» (рис. 14).

В период перестройки авторы стали показывать и негативные результаты подобного рода вмешательств в реальную жизнь: изобретение пятого колеса для телеги по настоянию соавторов, традиция «братских могил», когда из членов так называемого творческого коллектива реально работал только один, самый скромный «соавтор» и т. п.

С темой «охоты на диссертации» тесно переплетались многочисленные сюжеты кумовства и местничества в науке. В начале 1950-х напрямую говорилось о диссертациях «по наследству», позже подобные сюжеты появлялись применительно к теме высшего образования, устройству «по блату» в институт, сдаче сессии или удачному распределению.

Подводя итог, отметим, что в целом советская карикатура в случае с наукой действительно выполняла свои общественные функции и показала многие реальные проблемы советской научной системы. Акцент традиционно был сделан не на качестве системы в целом, а на отдельных человеческих недостатках. Большинство данных проблем скорее являлись симптомами, а реальные системные пороки (идеологизированность, контролируемость, иерархичность, изолированность от мира, милитаризованность и секретность) по понятным причинам вообще не попали в сферу интересов официальной карикатуры.

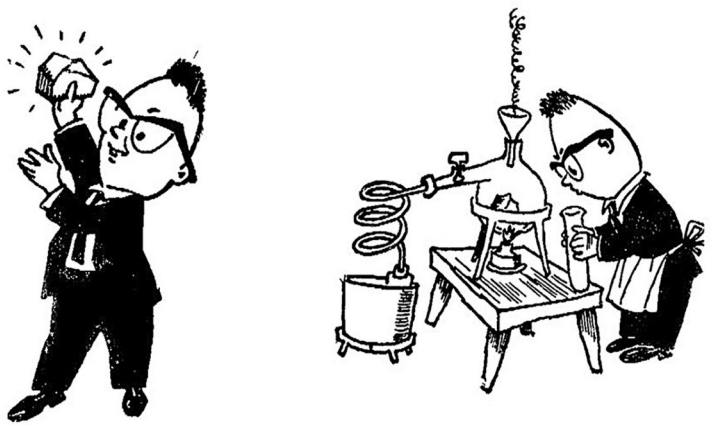


Рис. 1. «Знайка». Иллюстрации Г.О. Валька к повести Н. Носова «Незнайка на Луне» [21]

— Пойдешь на лекцию?
— Обязательно! Лектор, говорят, чудно танцует...

Рис. 2. Рис. Е. Шукаева. («Афиша: «Сегодня лекция, танцы». «– Пойдешь на лекцию? – Обязательно! Лектор, говорят, чудно танцует...») [16]

— А еще был такой случай...

Рис. 3. Из серии «Среди долгожителей».
Рис. В. Шкарбана. [«Крокодил», 1975, № 22]

— Скажите несколько слов о себе.
— Трепаться не буду. Работенка клевая, предки довольны. По дешевке купил телик. Остальное тоже о'кей.

Рис. 4. Рис. Б. Савкова. [«Крокодил», 1968, № 6]

— Какой же вы старший научный сотрудник, если ваши статьи не тянут и пяти килограммов.

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Рис. 5. Рис. Е. Шукаева. [«Крокодил», 1980, № 2]

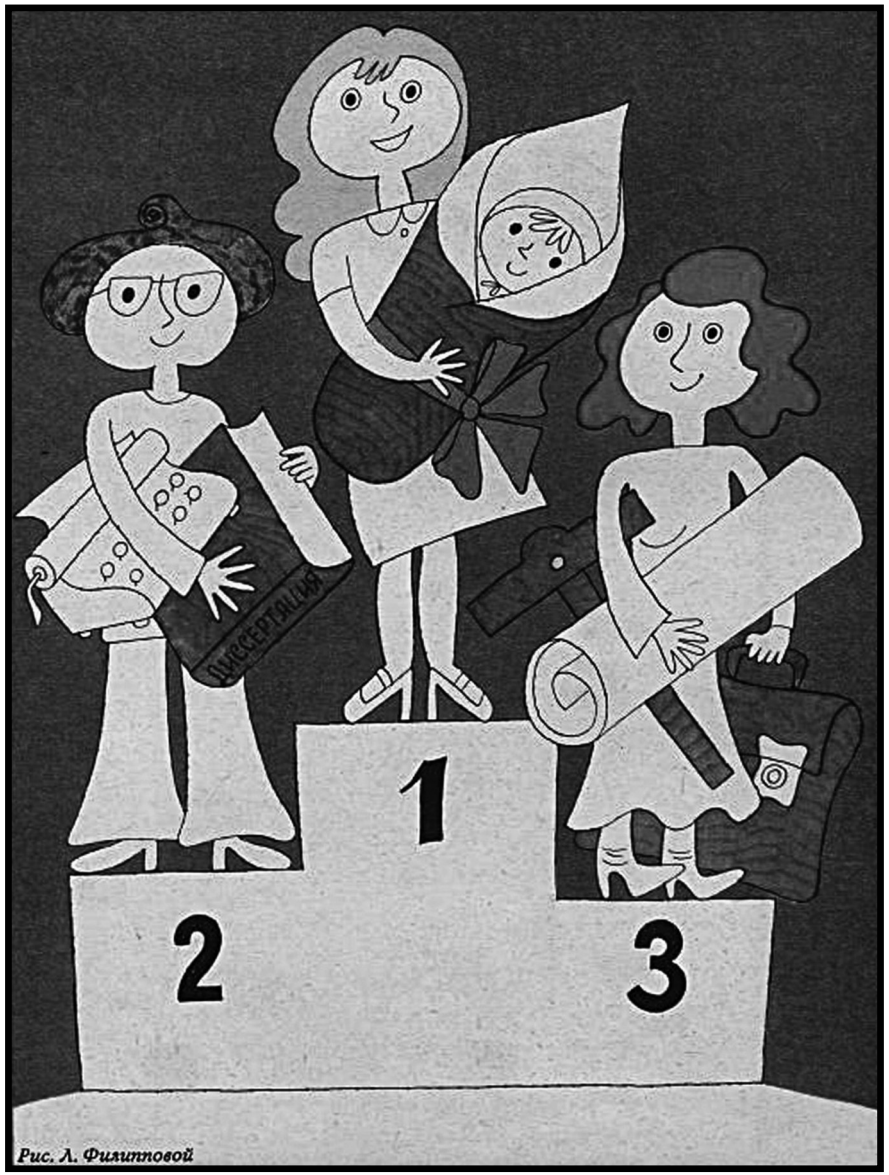


Рис. 6. Рис. Л. Филипповой. [«Крокодил», 1979, № 35].

Рис. 7. Рис. Е. Шукаева. [16]

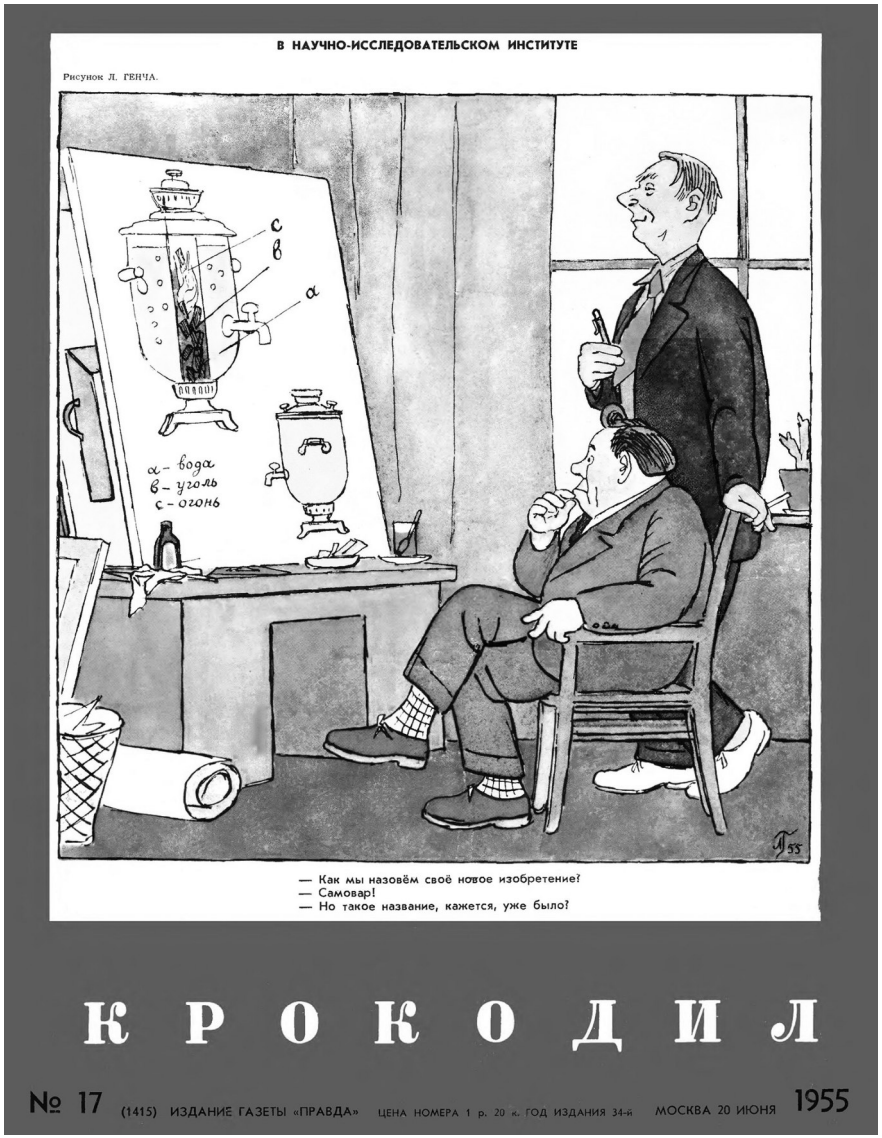


Рис. 8. «В научно-исследовательском институте». Рис. Л. Генча. («– Как мы назовем свое новое изобретение? – Самовар! – Но такое название, кажется, уже было?»). Обложка журнала «Крокодил», 1955, № 17

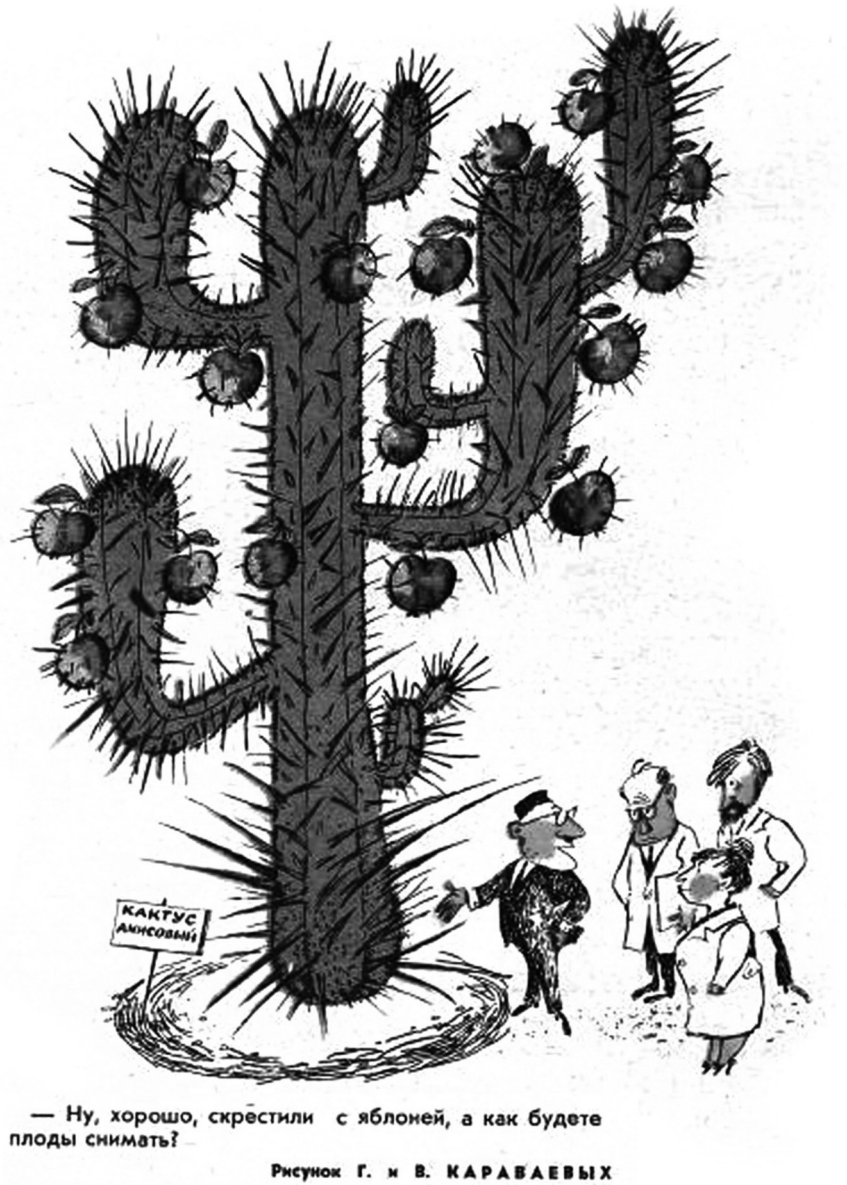


Рис. 9. Рис. Г. и В. Караваевых. [«Крокодил», 1968, № 35]

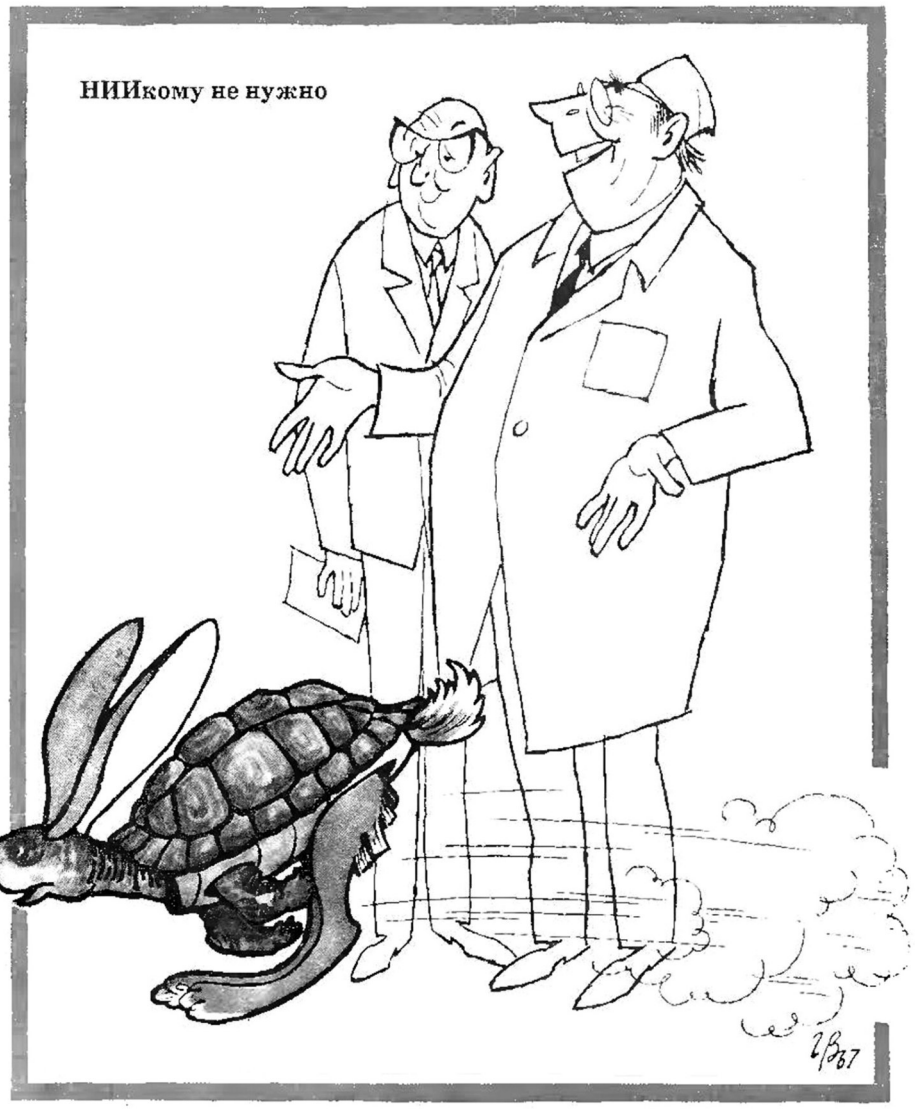


Рис. 10. «НИИкому не нужно». Рис. Г. Валька. («– Перед вами плод наших многолетних опытов...») [11]

— Ну вот и на нашей базе налажена научная организация труда!

Рис. 12. Рис. Л. Самойлова, 1975 г. («Овощехранилище» «– Ну вот и нашей базе налажена научная организация труда!») [19]

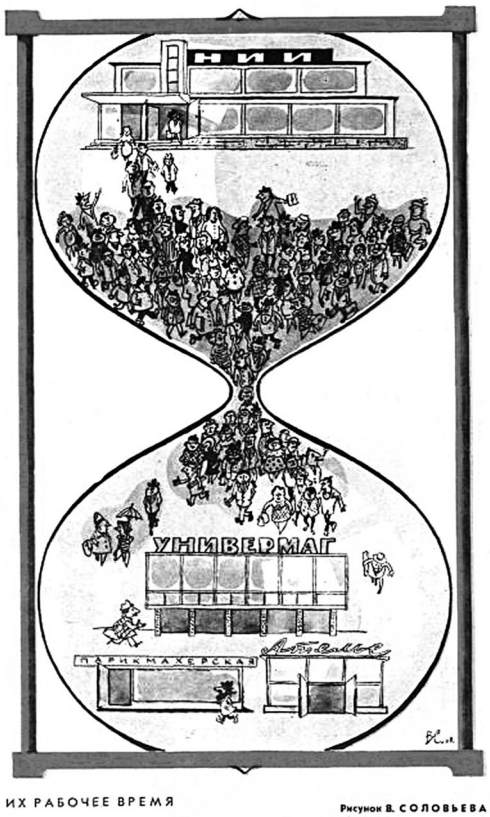


Рис. 11. «Их рабочее время». Рис. В. Соловьева. («НИИ» – «Универмаг»). [«Крокодил», 1968, № 7]

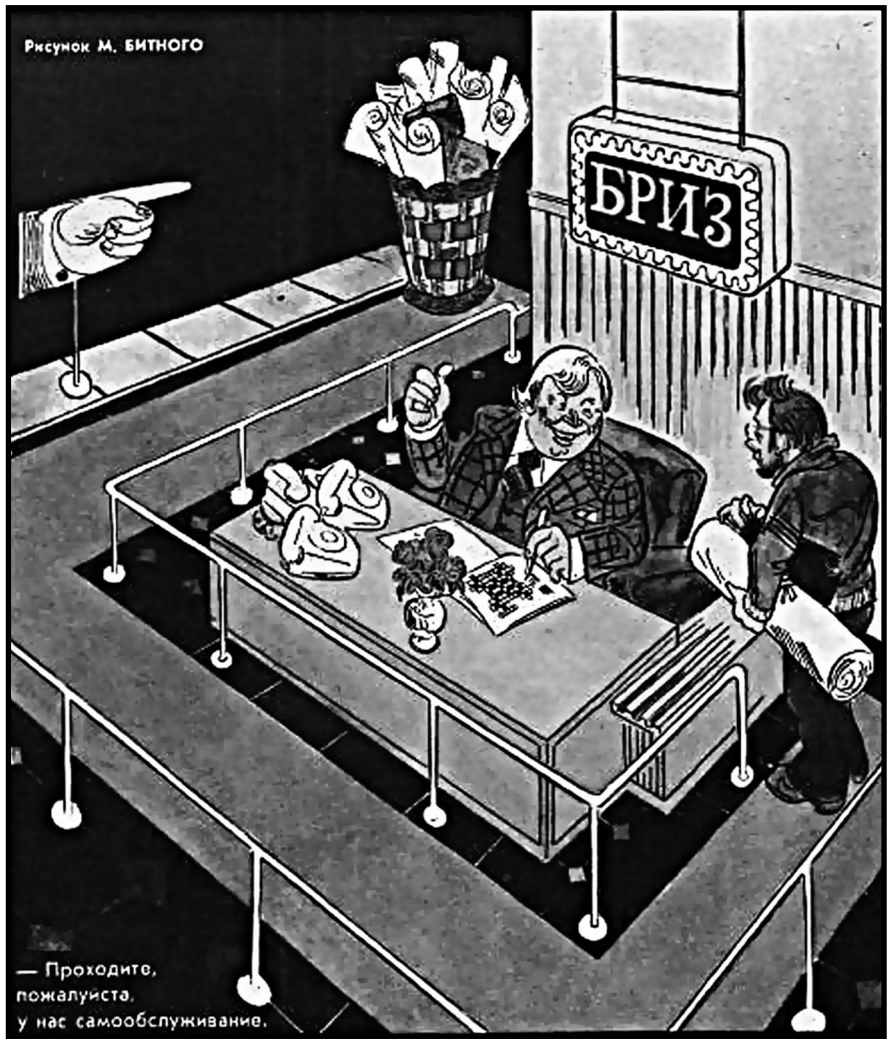


Рис. 13. Рис. М. Битного. (Табличка «БРИЗ» (бюро по рационализации и изобретательству). («– Проходите, пожалуйста, у нас самообслуживание»). [«Крокодил», 1979, № 32].

Рис. 14. Рис. М. Битного. [«Крокодил», 1979, № 18]

Литература:

1. *Аронсон О.В.* Богема: Опыт сообщества. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002. 73 с.
2. *Баюк Д.* Научная контрреволюция наших дней // Отечественные записки. 2013 № 1 (52). *С. 8–27.*
3. Быков Д.Л. Время изоляции, 1951–2000 гг. (сборник) М.: Эксмо, 2018. 480 с.
4. «В России надо жить долго…»: памяти К.А. Антоновой (1910–2007): [сб. ст.] / РАН, Ин-т востоковедения; [сост. и отв. ред. Л. Б. Алаев, Т. Н. Загородникова]. М.: Восточная литература, 2010. 468 с.
5. *Вайль П.Л., Генис А.А.* Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета Иерусалим: Москва – Иерусалим, 1983. 136 с.
6. *Владимир Гальба.* Карикатуры. Иллюстрации. Зарисовки. Шаржи. Альбом «Крокодила». Мастера советской карикатуры. М.: Советский художник, 1971. Б/с.
7. *Владимир Уборевич-Боровский.* Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1991. Б/с.
8. *Владимир Шкарбан.* Мастера советской карикатуры. Альбом сатирических рисунков. М.: Советский художник, 1990. Б/с.
9. *Волгин Б.Н.* Молодежь в науке. М.: Знание, 1971. 65 с.
10. *Галина и Валентин Караваевы.* Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1989. Б/с.
11. *Генрих Вальк.* Карикатуры. Мастера советской карикатуры. Альбом. М: Правда, 1968. Б/с.]
12. *Георгий Анастасов* (Народная Республика Болгария). Мастера карикатуры социалистических стран. Альбом. М.: Советский художник, 1984. Б/с.
13. *Гуревич А.Я.* История историка. М.: Росспэн, 2004. 288 с.
14. *Дубнова М., Дубнов А.* Танки в Праге, Джоконда в Москве. Азарт и стыд семидесятых. М.: Время, 2007. 288 с.
15. *Евгений Гуров.* Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1986. Б/с.
16. *Евгений Шукаев.* Карикатуры. Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Издание «Крокодила», 1965. Б/с.
17. *Зудина А.А.* Наука и образ ученого в советском кино (1928– 1986 годы) // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 167–176.
18. *Клейн Л.С.* История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.: Евразия, 2014. 640 с.
19. *Лев Самойлов.* Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1981. Б/с.]
20. Научные кадры СССР / Ред. В.Ж. Келле, С.А. Кугель М.: Мысль, 1991. 284 с.
21. *Носов Н.Н.* Незнайка на Луне. М.: Детская литература, 1965. 528 с.
22. *Троепольский Г.* Кандидат наук. М.: Советская Россия, 1962. 262 с.

23. *Эдгар Вальтер*. Карикатуры. М.: Издание «Крокодила», 1965. Сер. «Мастера советской карикатуры». Б/с.
24. Юмор молодых. Альбом. М.: Издание «Крокодила», 1964. Б/с.

Ivan Grinko,
Phd in History, Head of the Museum-tourist development Mosgortur (Moscow),
igrinko@mosgortur.ru

Anna Shevtsova,
Doctor in History, Professor of the Chair of Cultural Studies,
Moscow Pedagogical State University (Moscow),
ash@inbox.ru

«No one needs NII»: how the official caricature saw Soviet scientists

CThe article is dedicated to the anthropology of the Soviet period academic life. The Soviet caricature of 1950–1980-ies and a memoir of researchers serve as the main base. The authors reveal the genesis and dynamics of many modern problems in Russian science, and show the duality of the official satirical discourse attitude to the scientific community.

Keywords: Soviet history, caricature, science, scientific community, anthropology of academic life, magazine «Crocodile»

Тамара Красовицкая

«Горская интеллигенция к эпохе почти физиологически не приспособлена». 1920-е годы

Выделены различные аспекты дифференциации горских элит Северного Кавказа относительно российской модернизации 1920 годов. Особое внимание обращено на состыковку реальных проблем с идеалами о модернизации в атмосфере нестабильности и недоверия горских элит с центральными властными структурами за владение рычагами власти. Устанавливается дифференциация элит по образовательному и политическому критерию на сторонников арабской и русской ориентации, перешедших на сторону большевиков, их критика горскими эмигрантами.

Ключевые слова: *горские элиты, модерная ментальность, дифференциация элит, 1920 годы – судьбоносный профессиональный и политический выбор, советская модернизация, Северный Кавказ*

Красовицкая Тамара Юсуфовна, *доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, tkrasovitskaya@mail.ru*

«Куда идти?» и «Как быть?» – два основных вопроса, которые встали перед горской интеллигенцией после окончания гражданской войны. Их сформулировал публицист Алаг Ирский в 1922 году, «запрашивая ... собственную душу» как «расшатавшийся горец-интеллигент, воспитавшийся на беспочвенных иллюзиях». Он попытался оценить участие в эксперименте строительства нового мира, о котором говорили большевики. Оценивая «века тюрьмы для масс и задворков Российской сатрапии» и тех, кто стал «детьми русской школы, русских университетов и гимназий», они, утверждал автор, «учились “чему-нибудь и как-нибудь”. Без твердости опоры и понимания, ибо это было учение на основе чужой культуры. Многие падали калеками. А все – остались вне

времени и места – детьми безвременья... остались сидеть на двух стульях». Они «вернулись в горы как «гости в пиджаках, принесшие гостинцы горцам». Алаг Ирский воссоздал портрет тех, кто пытался «вернуться к праматери», кто понимал важность «вечных истин, которые заложены в массах народов и которые дают силу, бодрость и мощность духа и борьбы». Они искали опору в «забрызганных кровью народных массах», в «новом адате и новом завете впредь и навсегда», в «народной пролетарской революции». Тех, кто не понял неотвратимости судьбоносного выбора, «лоно матери» забудет. Их ждет «хаос без просвета», «гроб, уготованный историей». Но все, уверен автор, «жаждали свободы для всех» [2, с. 66–70].

Написано по-кавказски темпераментно и цветисто. Автор характеризовал душевный диссонанс горского интеллигента. В новой ситуации он и «несется, как ошпаренный... и плетется по морю психологически непонятной ему сутолоки». За цветистыми метафорами усмотрены два вектора выбора: между проектом новой власти и «лоном матери», под которым понимается родная культура.

Статья отражала сложное положение интеллигенции. Центральным был вопрос о влиянии ее на характер модернизационного процесса. Каким он будет? Авторитарным, сверху, когда ход нового строительства определяет власть, беря интеллигенцию исполнителем, или снизу, когда ее историческим заданием становится включение ресурсов национальных культур.

Интеллигенция несла в себе дух соперничества с властью, большевики не могло это не видеть. Ее сильная сторона – знание местных реалий. Луначарский в 1927 году сетовал: «Мы никак не можем произвести новой интеллигенции иначе, как посадив ее учиться

у старой интеллигенции» [19, с. 15]. На Северном Кавказе к «старой» отнесена интеллигенция арабской ориентации, к новой – вставшая под знамена советской власти.

Отношение к горской интеллигенции зависело как от личного восприятия ею идеологии большевистской доктрины в целом, так и от практики ее воплощения на территории родного региона. С. Сиюхов, «юноша с не определившимися убеждениями и идеалами, одержимый не ясными, но заманчивыми мечтами», признавал, что «усвоил великую и руководящую роль рабочего класса в революционном движении». И.А.-К. Хубиев, кого спасли от повешения, с юношеских лет впитывал в себя все «горести и радости своих земляков». И взгляды Хубиева, и взгляды Сиюхова, равно как и многих других, далеки от классовой доктрины, но реализовывать им придется именно ее [28, с. 30].

В 1920-е годы горскую интеллигенцию делили на три части: вошедшую во власть (русской ориентации, точнее, на центр), лояльно к ней относившуюся (арабской ориентации) и ту, что ушла в эмиграцию. Дифференциация между первой и второй частью по степени участия интеллигенции во властных практиках было достаточно условным.

Большевики принесли горской интеллигенции «оливковую ветвь» в виде автономии. Первая часть интеллигенции, «новая» «верхушечная», разделила (в целом или в важных частях) политическую практику, стремясь показать себя олицетворением революции, новаторами. Вошедшие в советские структуры власти занимали ответственные посты. Власть хотела видеть в них демонстрацию своих успехов. С.Сиюхов выделяет занимавшихся «контрагитацией белых». Их задачей было установить «удержать массы ... от выступления против большевиков» [28, с. 33–34].

С. Сиюхов, например, хотя «твердо стоял на платформе Советской власти и сочувствовал РКП(б) больше всякой другой социалистической партии», но в 1927 году от вступления в нее его удержало «опасение, что будет тяжело в достаточной мере выполнить все те требования, которые предъявляются члену РКП(б)» [28, с. 30].

В подавляющем большинстве это люди с гуманитарным образованием. У. Алиев и М. Энеев учились в религиозных университетах Каира и Стамбула. М.Т. Алиев окончил Санкт-Петербургский университет и Археологический институт, Дж. Коркмасов – Сорбонну, С. Сиюхов – Кубанскую учительскую семинарию. И.А.-К. Хубиев окончил Ставропольскую гимназию. К.А. Курджиев – семинарию на средства карачаевского кадия М.К. Байрамукова.

Они были разными по социальному происхождению: М. Энеев, Н. Самурский – из духовных семей, Б. Калмыков – из торговой семьи, С. Сиюхов, как пишет в автобиографии, – из семьи рядовых черкесов, живших «своим трудовым сельским хозяйством», И.А.-К. Хубиев – из семьи переводчика Горского суда. Многие были из «известных княжеских и дворянских фамилий» [35, л. 135–136]. (У. Алиев, Б. Калмыков, И.А.-К. Хубиев, Дж. Коркмасов, А. Тахо-Годи), знакомы с партийными руководителями (В. Лениным, И. Сталиным, Г. Орджоникидзе), пользовались их покровительством [10, с. 29].

Но слишком скоро проявился «субъективно-личный карьеризм... Ради того, чтобы быть у власти, можно идти на все, вплоть до того, чтобы в этой власти совсем не иметь власти» [30, с. 439]. За редким исключением их не впускали в мир большой политики и ее тайн. Им до конца не доверяли в Москве: слишком мал был их революционный и партийный вес, они не были

до конца своими. На высших партийных съездах они не отмечены делегатами, кроме Б. Калмыкова и Гутякулова. Адыгею, Карачай и Черкесию на съездах представляли секретари местных обкомов, не представители этносов, получивших автономию.

Весомее были руководители Дагестана. Среди делегатов указанных съездов были председатель СНК Дж. Коркмасов, председатель ЦИК Н. Самурский, нарком просвещения А.Тахо-Годи. Но и им не доверили возглавить Дагестанскую парторганизацию. Председатель Совнаркома ДАССР Дж. Коркмасов на совещании ответственных работников Дагобкома РКП (б) 18 августа 1920 года просил «присылать русских товарищей» для работы в Дагестан [37, л. 17].

Горская интеллигенция работала, как признает С. Сиюхов, «не покладая рук». Центр поощрял их энтузиазм в занятии ответственных должностей. Управленческие структуры множились. Каждую нужно было кому-то возглавить и нести ответственность за нее, проявить организационные таланты, справиться с порученным делом, подчас не считаясь с тем, какой ценой оно достигается.

Эмигранты замечали: «коммунисты-националы», «автоматически... противодействуют уравнительно-русификаторским стремлениям советской власти». С. Лукашин в ЦК писал: религиозные деятели «оказываются настолько сильными, что часто подчиняют сильные, организованные группы “самостийников” горцев и горцев “большевиков”» [37, л. 17]. В январе 1923 года К.Е. Ворошилов писал И.В. Сталину из Чечни: «Само собой понятно, что муллы и св[ятые] пользуются своим положением со всем присущим им искусством восточных дипломатов и политиков. ... Большие мы дураки, что мало возим этих самых мулл в Москву, где они чувствуют себя также как в Мекке» [38, л. 5].

Даже после прошедших процессов над национал-уклонистами в конце 20-х годов и в разгар репрессий 30-х годов эмиграция считала: их «лояльность... покоится... лишь на оппортунизме и некоей привычке» [10, с. 29]. Сотрудничество с новой властью мало что изменило со «времен царизма». Это, конечно, передержка, большинство делало ставки на новую власть. Они поспешили поддержать Сталина в его расправе с М. Султангалиевым, приняв на веру, или, сделав вид, что разделяют его обвинительные аргументы. Не спасало признание Сталина лучшим знатоком национального вопроса, попытки практически подтвердить его «теоретические» формулы. Это демонстрирует деятельность У.Д. Алиева по латинизации графических систем письма [28, с. 328]. И.А.-К. Хубиев сокрушался по поводу того, что «коммунист – интеллигент... с большим трудом подвергается переделке и с большим трудом усваивает идеологию пролетарской боевой партии» [33, с. 160–161].

5 ноября 1925 года на одной из конференций Дж. Коркмасов оценил представителей «арабской» ориентации как «громадное зло», призвал объявить им «печатную войну». Выступившие работники печати признали, что арабисты обладают большим авторитетом, по знаниям и культуре стоят «выше наших местных коммунистов». Партийные идеологи пытались делить «арабистов» на левых и правых. Член бюро Дагестанского обкома ВКП(б) и СНК С. Габиев в газете «Красный Дагестан» с большой статьей «Мюридизм на Кавказе» положительно отозвался о прогрессивной части, которая руководила антиденикинским движением и активно помогала большевикам. Самурский на закрытом заседании обкома 14 декабря 1926 года объявил выступление Габиева «совершенно не соответствующим взглядам партии». Однако в вышедшей ранее, в 1925 году книге самого Самурского «Дагестан» целая глава содержала положительную оценку роли арабистов в гражданской войне. Он писал: насильственные меры против духовенства бесполезны и опасны: «закрыть медресе нет возможности, они будут существовать, какие бы насильственные меры против них ни предпринимались». Более того, «всякое преследование духовенства в Дагестане неминуемо приведет к перманентному восстанию населения» [26, с. 125].

Столь же противоречив был и председатель СНК Дагестанской АССР Джелал-эд-Дин Коркмасов. В 1925 году и он призывал к «печатной войне» против арабистов. На I Вседагестанской конференции работников печати назвал «шариатистов» «исконным властителем дум и мыслей» [14, с. 77–85]. В 1931 году согласно указанию Коркмасова (члена Президиума и члена Комиссии по делам культов в СССР при Президиуме ЦИК СССР) Хунзахской мечети в Дагестане была возвращена реликвия – халат святого шейха Абу-Муслима. Присланной из Москвы парткомиссии он отрезал: «Отбирать предметы культа безнравственно». По результатам расследования ему указали «на недопустимость подобных действий». В материалах дела, поступивших в ЦКК, значилось: «1) Считать, что т. Коркмасов совершил крупную политическую ошибку, выразившуюся в возвращении Хунзахской религиозной общине халата, представлявшего для духовенства большую политическую ценность в деле религиозного воздействия. 2) Признать, что указанный поступок Коркмасова (возвращение халата) объективно привел и не мог не привести к поднятию его (Коркмасова) большого авторитета среди духовенства. 3) Отметить, что т. Коркмасов при разборе вопроса о его ошибке пытался для личного оправдания отвести обвинение ссылкой на явно неверное положение о том, что он “не знал и не знает политического зна-

чения, кроющегося в возвращении халата"». В результате ему сделано строгое предупреждение. Коркмасов возмутился: «Я решительно отвергаю, – писал он Сталину, – обвинение, будто я прикрывал свою ошибку незнанием политического значения факта возвращения халата. За мою 30-летнюю революционную работу не было случая, чтобы я пользовался такими (как незнание) неэтическими средствами защиты... Прошу ЦКК все эти обстоятельства проверить, и дело... прекратить» [40, л. 86].

На II краевой конференции вопросам культуры и просвещения горских народов в 1925 году Сефербий Сиюхов выступил с докладом о важности взаимного ознакомления горцев с культурным наследием друг друга, подчеркнув отсутствие «научно разработанной, законченной истории, ...ее нет ни у одной горской народности». Докладчик сетовал: работа идет «черепашьим шагом и делается, как бог на душу положит». Хубиев выступил против «высокомерия по отношению ко всему горскому». Против «головотяпских наскоков», «чванства и великодержавной спеси» людей, «не знающих Кавказа южнее Батайска». Он возмущался: «изучив все 900 вышедших номеров "Большевистской смены", нельзя все же составить представления о разнице между Чечней и Карачаем, между Осетией и Черкесией, между Ингушетией и Кабардой». Каждая из них «имеет свое особое лицо, свои отличительные особенности». За требованиями показа «вам самоновейшей классовой борьбы 1930 года скрывается ваше верхоглядство», «невежество географическое, этнографическое»: оно «чревато последствиями». Часто, пишет он, говоря о культуре, «имеют в виду только те достижения, которые связаны с письменностью, возникли на ее базе. Это, конечно, неверно, ибо культура есть нечто гораздо боль-

шее, чем то, что связано только с письменностью». Проблема, подчеркивает он, в другом: «обидят сегодня одного, завтра другого, послезавтра третьего, что же хорошего может из этого получиться? Все сильные, все умные, все мудрые окажутся перебитыми, выбитыми... Отсюда род круговой поруки, <...> связанность на сословно-родовой или фамильной почве» [33, с. 98, 136–140].

К концу 1920-х годов усугубляются проблемы стыковки партийной доктрины с национальной спецификой. Северный Кавказ оставался сложным этнокультурным регионом, изучение истории его складывания понималось местными важной политической задачей: «надо спешить, так как время идет» [29, с. 110–112].

В действительности проблемой больше занимались представители арабской ориентации, продолжая дореволюционные занятия. У них была серьезная социальная база среди аульских эфенди. В первой половине 20-х годов шариатисты-арабисты делали свое дело, мало обращая внимания на советские идеологические инвективы. Для народа их деятельность была понятнее.

Казалось бы, конфликты между и первыми, и вторыми были неизбежными, но среди арабистов-шариатистов было немало приверженцев мусульманским религиозным ценностям и в то же время левым взглядам.

«Лояльная нам интеллигенция, став у власти, бесспорно, будет блокироваться первое время с шариатскими кругами, и те, в свою очередь, будут поддерживать» их, писал Я.Х. Петерсу в 1923 году начальник Восточного отдела ГПУ Северного Кавказа [41, л. 33–34]. В Москве не заблуждались на счет ни первых, ни вторых.

Считалось, отмечали эмигранты, что «ввести в заблуждение представителя власти не считается грехом,

ибо, в конце концов, и для коммуниста-кавказца советская власть остается прежде всего русской властью» [15, с. 18].

Деление на тех, кто занял кабинеты власти, и тех, кто, сохраняли лояльность, оставаясь арабистами-шариатистами на две группы, хотя и применимо до конца 20-х годов, достаточно условно. Судьбы их оказываются сходными: и те, и другие становятся лишним элементом к началу 30-х. Советские документы пестрят фактами, что разъяснение важнейших решений партии и правительства не ведется. Руководители не читают газет и журналов, не разъясняют принятых решений. Даже в райкомах не соблюдают «в полной мере устав партии». Эмиграция черпала такие оценки из публикуемых постановлений Северокавказского крайкома ВКП (б). Важно, что оценки эмигрантов совпадают с постоянными обвинениями со стороны партийных органов. Из статей И. Хубиева эмигранты черпали сведения о склоках коммунистов друг с другом. Те «часто ошибки и промахи своих товарищей фиксируют для себя и прячут в карман, чтобы потом “когда-нибудь” использовать против ошибавшихся, радуются повторению этих ошибок и промахов и снова фиксируют и прячут, вместо того чтобы по-товарищески, по коммунистически предупреждать друг друга об ошибках, помогать друг другу изживать и не повторять ошибки». В решении обкома Карачаево-Черкесской АО от 21 ноября 1929 года отражено: К.А. Курджиев «располагал на многих членов партии и особенно ответработников материалами компрометирующего характера и до сего времени о них никому в письменной форме не сообщает» [33, с. 161; 42, л. 59]. Кабардино-Балкарией, подытоживали эмигранты, руководит «лояльнейший подхалим Бетал Калмыков».

Углублялось негативное отношение к тем, кто занимал руководящие посты, начиналось перемещение с высоких должностей на посты менее значимые, или подальше от их автономий. Они теряли и поддержку народа, тот видел в них власть, которая, вместо улучшения жизни, постоянно экспериментировала, что-то непонятное пропагандировала, агитировала. Некоторые радикалистские акции удавалось смягчать или просто не выполнять, в нужной интонации отчитавшись перед Москвой или Ростовом.

Непродолжительный опыт «с националами в роли секретарей обкомов ВКП (б)... оказался неудачным». 30 сентября 1927 года Северокавказский крайком подчеркнул: «некоторые коммунисты – выходцы из социально-чуждой среды» прикрываются «национальными мотивами». Другие «переоценивают» «национальные особенности», отклоняются от «классовой политики партии». Они же допускают «якшание с социально-чуждыми элементами части ответработников, находящихся вне области». Рассматривая «нездоровые настроения» в Кабардино-Балкарии, крайком встал на сторону «работоспособного и требовательного» Б. Калмыкова [36, л. 36, 40–41].

Частые смены руководителей автономных структур управления, характерные для первой половины 20-х годов, объяснялись отсутствием опыта, нужного образования и пр. Облоно КБАО, например, последовательно возглавляли М. Энеев, Б. Хуранов, Х.М. Камбиев (в 30-е годы – председатель Черкесского облисполкома), М.А. Афаунов, З. Максидов. Всего на этой должности в КЧАО побывало 11 человек.

Сначала У.Д. Алиев еще директор Северокавказского НИИ истории, экономики, языка и литературы, директор Музея горских народов, председатель Северокав-

казского комитета нового алфавита. С начала 30-х годов он в Москве, ученый секретарь кафедры ленинизма Всесоюзного заочного института права, преподает карачаевский язык в ГИТИС и арабский в МГУ. Сиюхов в 1930 году лишь научный сотрудник Государственного музея Абхазии, где его и арестовали. В 1928 году Дж. Коркмасов заместитель М.И. Калинина во Всесоюзном комитете нового алфавита, в 1934 году возглавил Оргкомитет по подготовке 1000-летнего юбилея Фирдоуси. Курджиев в 1928 году переведен представителем Карачаевской АО во ВЦИК.

Энтузиазм угасал. Об этом свидетельствует число публикаций И. Хубиева. За 20-е годы он опубликовал в северокавказских и центральных изданиях 222 работы, касающиеся разных сторон большевистской политики. С начала 30-х годов – до 1933 года (до последней публикации) им написано 49 работ [33, с. 164–173]. Угасала активность и других. Закрывались печатные органы, в значительной степени ими созданные.

Усилилось давление на медресе, запрещен хадж. Тем не менее мероприятия полностью не достигли цели: даже в 1930 году только в Ингушетии продолжали работать 32 арабские школы и 32 медресе. Всего в них обучались более 2300 учащихся [22, с. 93]. В 1921 году в Ингушетии насчитывалось всего 199 коммунистов (0,33% всего населения), а в 1931 году их стало 1306 (1,6%). 932 из них были ингушами. В Чечне в 1924 году было всего 27 членов ВКП (б), в 1927 г. – 308 [21, с. 294–295]. К началу 1930-х годов в Чечне и Ингушетии образованные мусульмане значительно превышали число местных коммунистов.

Отметим факты убийства партийных и советских работников. В 1922 году убит Ю.Б. Настуев, в 1926 году – Гутякулов. В 1928 году в своей квартире в Ростове убит М.А. Энеев (инсценировано самоубийство). В 1930 году в Баксанском ущелье убиты члены Кабардино-Балкарского обкома партии А.Т. Мусукаев, Н.А. Виноградов и И. Этезов. Военные экспедиции в Шатоевский и другие районы Чечни, Баксанские события (апрель 1928 года), события в селе Верхний Курп (Кабардино-Балкарская АО), аресты, прокатившиеся по осетинским селам, свидетельствуют: «Все национальные области представляют из себя бочку пороха, которая в ближайшее время взорвется» [3, с. 15–16]. Из протоколов допросов крестьян, участников восстания 1928 года в Кабардино-Балкарии следует: в их сознании и Катханов, и Энеев объединены: именно они способны организовать отпор большевикам и защитить их, хотя «уже достоверно было известно, что... ни Энеева, ни Катханова к этому времени в живых уже не было» [20, с. 182, 190].

К концу 1920-х годов политика «кадры для кадров» в рамках «великого перелома» формулируется как «обеспечение высокого качества... идеологического фронта» [12, с. 25]. Множатся кампании по борьбе с «мидовщиной», «катхановщиной», «шипшевщиной», «гемуевщиной». Особенно отличался Б. Калмыков, умудрившийся «организовать» их почти каждому бывшему подчиненному. Калмыков умело создавал враждующие группировки. В публикациях раздавались призывы: «Смелее огонь по гемуевщине и абазовщине, и прочим мелкобуржуазным разновидностям, за решительное осуществление генеральной линии партии». Местные публикации пестрели оценками: «враждебный нам элемент, интеллигент – буржуазный националист», «кулацкий грамотей», «затушевывающий обостренную классовую борьбу, стремясь всячески притуплять ее углы» [31, с. 24].

По делу Гемуева в Нальчик прибыл член ЦКК ВКП (б) Д.И. Курский. В мае 1930 года на IV объединенном пленуме Кабардино-Балкарского обкома и облКК он характеризовал «местных» как «попутчиков революю-

ции». Их, считал он, сначала «захлестнула революционная волна, они не становятся к революции в оппозицию, а так, находятся в дружеском отношении, как бы сказать, революцию по плечу похлопывают». Они «не понимают ни существа, ни содержания революции, ни соотношения классовых сил... Они не понимают и не могут воспринять формулы диктатуры пролетариата. Им кажется, что диктатура пролетариата – нехорошее слово... Они начинают чувствовать фактически, что революция – это просто ошибка» [35, л. 36–46].

Д. Курский оценил ситуацию верно: все больше руководители настаивают на согласовании предпринимаемых действий. Народ, чувствует интеллигенция, начинает ощущать себя выпадающим из системы культурной идентификации. Деструкция традиционных культурных ценностей воспринимается крайне болезненно. Она казалась соразмерной масштабу культуры в целом.

Курский «нечаянно» раскрыл тайну самого Калмыкова: «Возьмите дела «мидовщины», «катхановщины», «шипшевщины» и «гемуевщины», – говорил он. – Товарищ Калмыков нам ежедневно на сто процентов помогал. Помогал нам срезать не только головки, но и корешки. Думаю, и в дальнейшем товарищ Калмыков будет сигнализировать и помогать» [35, л. 140–141].

Горскую интеллигенцию разделили по-новому: на «лучшую», которая «старается активно участвовать в социалистическом строительстве». «Худшая» «“не приемлет” этого строительства, изобретает “теории” об отсутствии классов и классовой борьбы». «Худшую» отнесли к «идеологам и прямым пособникам кулацкой контрреволюции». Отныне лакмусовой бумажкой становится ее отношение к «социалистической реконструкции народного хозяйства в их практическом осуществлении, к сплошной коллективизации на различных ее этапах и ликвидации кулачества как класса

на основе сплошной коллективизации, одним словом, отношение нацинтеллигенции ко всей сумме вопросов классовой борьбы». В противном случае ее ждала участь «идеолога и прямого пособника кулацкой контрреволюции» [25].

Искоренять явление призывалось «по-большевистски», усложнилась проблема взаимопонимания власти и населения. В начале 1930-х годов целые сферы государственной практики оказались «обезъязыченными»: «не было человека, знающего и способного проверить написанное» [16, с. 9, 12].

К третьей части отнесем тех, кто не принял советской власти и после гражданской войны эмигрировал. В 1923 году в Чехословакии создан «Союз горцев Кавказа в Чехословакии» (СГК). В 1926 году СГК преобразован в «Народную партию вольных горцев Кавказа» (НПВГК), которая позднее под названием «Народной партией горцев Кавказа» (НПГК) стала основной политической структурой горской эмиграции. В ЦК НПГК вошли: генеральный секретарь – С. Шамиль (аварец, внук имама Шамиля); М.-Г. Суншев (балкарец), Б. Хуршилов (аварец), Р. Шемилев (чеченец). В Парижское отделение НПГК вошли: осетины Б. Байтуган, А.-Б. Кулатти, К. Бессолти, Я. Кундух; адыги А. Намиток, Э. Бекович-Черкасский и др.

С середины 1920-х годов наблюдается развитие общественно-политических центров северокавказской эмиграции в Западной Европе. Многие обосновались в Париже. Среди них лидеры Горской республики Г. Баммат, А. Цаликов, М. Хатгогу, правитель Кабарды в 1918–1919 годах князь Ф.П. Бекович-Черкасский, бывший премьер-министр Горской республики А.-М. (Тапа) Чермоев, один из политических лидеров Ингушетии член Ингушского национального совета М. Джабагиев и его брат – первый председатель парламента Горской респу-

блики В.-Г. Джабагиев. Ряд авторов оказались в эмиграции после разразившихся на рубеже 1920–1930-х годов восстаний. Некоторым удавалось бежать из мест заключения [27, с. 33].

Деятельность эмиграции сосредоточилась на издании специальных журналов и газет, ставшем для многих основным смыслом жизни. «Информационное бюро» при штаб-квартире НПГК в Париже издавало журналы «Горцы Кавказа» (Париж, 1929–1934 гг.) и «Северный Кавказ» (Варшава, 1934–1939 гг.). Издавался «Кавказский горец» (Прага), «Независимый Кавказ», «Кавказ» (Париж). Результаты осмысления исторического контекста, гражданской войны, результатов полученной от большевиков автономии применительно к северокавказским горцам подробно рассматривались в статьях и публикациях, острых дискуссиях. Эмигрантские авторы вступали в полемику с теми, кто остался на родине. В центр анализа ставились вопросы места и роли горской интеллигенции, раскрываемые и в общем подходе к сути советской автономии, и в отношении к конкретным политическим акциям большевиков.

Многие статьи печатались под псевдонимами: авторы опасались за судьбу оставшихся в России родственников. ОГПУ ничего не стоило установить родственные связи и тех, кто помогал уходу в эмиграцию [17, с. 19]. Оставаясь анонимами для русского читателя, авторы-эмигранты известны читателям-горцам.

Основной рефрен публикаций: право на независимость и самостоятельность в выборе пути [4, с. 12–17]. Опыт переустройства Европы на принципах Версальского мира был важным источником политического вдохновения: «удовлетворительно разрешить все те проблемы горского бытия, которые быстротекущая жизнь будет ставить горским народам на жизненном пути» [4, с. 47; 7, с. 15–21]. Но размышления сводились

к необходимости формировать «северокавказскую нацию». Это «результат совместной многовековой жизни на одном и том же участке земного шара и вызван... сожительством общих общественно-бытовых, культурных, экономических и политических форм и интересов» [23, с. 22; 8, с. 14; 5, с. 14–15; 7, с. 14–15]. Эмиграция подвергала «вопросы истории, этнографии, антропологии, лингвистики, обычного права, мусульманского права, общей и хозяйственной статистики... исследованию пытливой научной мыслью». Особое внимание в «кавказской проблеме» уделялось проблеме языка, который мог стать языком общения для всех этносов [24, с. 27–29]. Оценка ресурсов (лингвистических, идеологических, конкретно-политических) с современных позиций не всегда была объективной.

Статья эмигранта Азамата, по сути, стала ответом и на статью Алаг Ирского, и на статью А. Луначарского. Автор считал, что утверждение большевиков об отсутствии у горцев «достаточно численной и подготовленной интеллигенции» неверно. Оно базируется на отсутствии у горской интеллигенции «политического, общественного и государственного стажа» [1, с. 13]. Такой подход он оценил как «выгодный и удобный» власти, которая не учитывает исторические обстоятельства, при которых горцы не смогли приобрести необходимый стаж. Но такой подход не учитывает и то, что сама Россия знает опыт «огосударствления извне», когда «ученые брались из Европы». Другой автор, Нартана, напоминал о Центральном комитете Союза объединенных горцев. В него вошла «почти вся горская национально мыслящая интеллигенция», имелась «программа общественной деятельности» [23, с. 22]. Он утверждал: «мы не стали бы реализовать и утверждать нашу государственную независимость, если бы в наше время не располагали с избытком требуемым кадром

интеллигенции, цензовых элементов и лиц государственного стажа». Азамат отмечал: «мы, горцы... имели достаточный слой представителей общества, государственно устремленных и подготовленных» [1, с. 14].

Эмиграция оценила посыл Луначарского о необходимости использовать старую интеллигенцию. Луначарский в вышеуказанной статье признавал «внутреннее глубокое недовольство» реальными обстоятельствами, однако его задача как наркома – пропагандировать «эпоху, залитую светом, состоящим из лучей, к которым глаза... почти физиологически не приспособлены». Эта метафора является важной мерой неприятия большевистских практик, которое нарком назвал «почти физиологическим». Луначарский признал: и русская интеллигенция, желая европеизации России, склонна «судить об Октябре как о своеобразной азиатчине, говорить о том, что революция... исказилась и приобрела варварские черты». Она считает «Ленина и большевиков каким-то Чингисханом с его сподвижниками» [19, с. 29–30]. Необходимо считаться с тем, писали горские эмигранты, что и «прошлое горцев... в смысле культурности было на уровне смежных народов, кои создавали великие культуры». Горцы жили «на территории, не где-нибудь в заброшенной от влияний великих государств, а на путях их важнейших действий и народных движений». «Высокая культурность спасла нас от порабощения и поглощения великими монархиями и культурами, под ударами коих исчезли многие народы и государства» [23, с. 22].

Азамат выделяет важность того, что среди последних есть и те, кто прошел «европейскую школу» и те, кто остался «интеллигенцией арабской школы». Тем более, как показали 1920-е годы, интеллигенция, выросшая в России, также делится на «прошедших русскую школу, и интеллигенцию так называемой арабской школы». В этом делении и отражались «различные веяния Востока и Европы». Они «не являются разделяющими горцев, наоборот, они преломляются и воспринимаются, растворяясь в национальном организме». Горская интеллигенция вполне воспринимает современные вызовы времени. Она, правда, «не располагает прикладными знаниями нашего времени, являющимися отличительной особенностью современной европейской культуры». Однако выдвинутая «народной общественной жизнью», она накопила свои «ценности изучением жизни, регламентированием нравов, обычаев и права и, совершенствуясь, вырастает в национальную интеллигентскую моральную ценность необычайного значения» [1, с. 14–15]. Проблема заключается в том, что «недостаточно была учтена... сила и значение интеллигенции арабской школы, имевшейся налицо в 1918 году на Кавказе». Часть интеллигенции «русской школы, «слишком свысока относясь к ней», «оторвана от народных масс и далеко не созвучна национальным народным идеалам». Обращая внимание на деление на представителей разных школ, Б. Билатти подчеркивал, что со «времени коммунистического гнета народилась еще категория горской интеллигенции очень значительной по численности и на 99% национальной». «Господа эти забывают, что советская власть празднует уже 12-летие своего пребывания в национальных областях, и поэтому... ныне, при наличии доброй воли, она давно должна... создать достаточные кадры специалистов из националов» [9, с. 23].

Важно, что интеллигенция по обе стороны границы внимательно следила за настроениями и умозаключениями друг друга. Оценки московских ревизоров часто

не отличались от злой критики эмиграции. Точность оценкам эмиграции добавляли и те, кто побывал в подвалах ОГПУ и в концентрационных лагерях [13, с. 23].

Важным сюжетом стало влияние культуры более сильного русского соседа. Высказывались опасения, что при любом из социальных устройств природа власти в России строится на насилии. Дискутируя с Милюковским «Возрождением», Э. Бекович-Черкасский приводил важность учета конкретной численности народа-господина, как он выражался, на нем базируются ставки власти. Слышится «звон оружия и аргументация вполне империалистическая», «обрусительно-большевистский дух». В чем гарантия развития национальных культур в условиях интернационалистской доктрины, вопрошал он? «Денационализироваться ради денационализации»? Автор подчеркнул: «В русском вопросе мы свободны от всякой ненависти и шовинистических настроений... Мы тоже восхищались Пушкиным, гений Достоевского и Толстого водил и нас по тайникам и извилинам “проклятых” вопросов» [6, с. 19; 11, с. 40]. Но как использовать в новом строительстве «физические и психологические особенности и навыки» горцев, отличающие их от русских? «В свободном развитии отдельных наций лежит залог обогащения общечеловеческой культуры и международного хозяйства; при угнетенном же состоянии субъективные дарования и возможности подчиненной нации заглушаются и нередко совершенно атрофируются посредством прямого действия атрофирующего фермента народа-господина, что не соответствует, а явно противоречит стремлениям культуры и цивилизации, поскольку стандартизация последних как таковых представляет меру регрессивную» [6, с. 24].

У. Алиев в статье, посвященной 10-летию Октября, отмечал, «новое советское строительство вызвало

к жизни такую массу вопросов, что для уяснения их и переваривания в сознании масс» требуется время. Он привел данные о том, что «национальное самосознание горцев выразилось... в стремлениях к изучению всей исторической и современной обстановки своей жизни, что, несомненно, окажет громадное влияние на рост их национальной культуры» [6, с. 21]. Горская эмиграция не принимала аргументы, настаивая: «положение будет подкрепляться... марксистской теорией о дифференциации классов и классовой борьбой, подогнанной специально к горским условиям. Фактическая сторона событий будет извращаться и извращается, ибо это необходимо для истории партии и для целей красного империализма, воплощаемого партией». Эмигранты подчеркивали: «большевизм глубоко чужд природе свободолюбивых горцев. Большевизм навязан был им извне... вследствие отсутствия организационно твердого и достаточно авторитетного национального руководства, но горскими массами большевизм никогда не был прият и всегда останется для них явлением чуждым, посторонней силой». Эмигранты утверждали, что «доступ ему на горские земли облегчили» те, кто начал сотрудничество с большевизмом, но «эти господа, зачастую, сами не ведали, что творят. Многие из них поплатились уже головами... ГПУ ликвидирует ненужную уже «старую гвардию›› горского большевизма... Горские большевики были только «примазавшимися» к большевизму, и в условиях красного империализма фактическое их значение свелось к нулю. Они стали рабами, послушными исполнителями воли своих господ. Смеющие протестовать безжалостно выбрасываются или ставятся к стенке [34, с. 28–29].

Арабисты-шариатисты объявлены «антисоветски настроенными», «прикрывшимися званием советских работников», «ведущими борьбу» с учителями-коммуни-

стами. Начинается «разоблачение» их «темных, контрреволюционных дел». Главным обвинением выступало происхождение, хотя признавалось: «эфендийствующее учительство до надрыва старается доказать свою преданность советской власти». Тем не менее «долой!» их, «горбатого могила исправит» – заявляли газеты и журналы. Председатель шариатского суда в Нальчике А.К. Джабоев расстрелян в 1927 году по обвинению в антисоветской деятельности. В 1928 году в Ростове расстрелян Н. Катханов [20, с. 182].

За «контрреволюционную деятельность и отсутствие пролетарского самосознания» в 1929 году осуждены на разные сроки учителя Д. Хутиев, Г. Албегов, С. Гуриев, Э. Уазагов, А. Тобоев. Сняты с работы как «проповедники буржуазного национализма» учителя Джамбетов и Бермамытов (в Икон-Халковском районе), «контрреволюционные буржуазные националисты» Озов и Кужева (аул Апсуа) в Черкесии».

После них настала очередь самих руководителей автономий. Репрессировано большинство руководителей КЧАО: У.Д. Алиев, И. А.-К. Хубиев, К.-А. Курджиев, А. Аджиев, Я.З. Айбазов, (один из организаторов комсомола в Карачаево-Черкесии). Та же участь постигла руководство Дагестана (Н. Самурский, Дж. Коркмасов, А. Тахо-Годи и др.), руководство Северной Осетии (К.С. Бутаев, С.А. Такоев и др.). Вышеуказанные руководители облоно КБАО, а также Т.-С.А. Шеретлоков, А.К. Пшеноков, Т.М. Борукаев, П.Д. Шекихачев, Д.М. Налоев, А.Б. Бацежев, У.А. Блаев репрессированы. Аналогична судьба руководителей Карачаевского облоно. К.Х.-Б.Боташев (возглавлявший отдел в 1924 году, скончался в лагере на Колыме в 1938 году), наркомов просвещения в Дагестане (С. Габиева, А. Тахо-Годи), в Осетии (С.А. Кулаев, И. Гассиев), руководителей других наркоматов и автономных структур управления.

Но не избежал участи репрессированных и Б. Калмыков (в 1940 г.) и даже умерший в 1935 году Ш.-Г.У. Хакурате. С Хакурате свели счеты посмертно, его могила в центре города ликвидирована, останки сбросили в реку. Этот редкий факт приводит очевидец сотрудник Адыгейского научно-исследовательского института Р. Трахо в монографии «Черкесы» [32, с. 123], в эмиграции продолживший исследовательскую работу в Мюнхенском институте по изучению народов СССР.

Вертикальный лифт индустриализма поднял из глубин горских общностей социально активных и талантливых людей. Большевики приспособили его для советского проекта. Горская интеллигенция, заблуждаясь насчет универсальности проекта, проявила слабость исторической рефлексии. Проект был механизмом идеологической экспансии. Сталину, способствующему движению горской интеллигенции на пресловутом «лифте», трудно было не увидеть их «уклонизм» от советского проекта. Но и эмиграция, осуждая тех, кто воспользовался лифтом, стояла за свой «универсалистский» проект, ограниченный кавказскими рамками. И Сталин, и горские эмигранты воспринимали оставшихся как инструменты и механизмы своих проектов. Горская же интеллигенция видела в автономиях механизм защиты этнокультурной «самости»: этносы попали в зону бифуркации, в конфликт прежнего жизненного опыта (языка, усвоенных норм и ценностей) с новым порядком, в зону смысложизненных поисков, поведенческих экспериментов, в зону, где возможен выбор, данный человеку при рождении. Механизмы унификации и стандартизации подстегнули стимулы для проявления этнической «самости». Сталин не допустил их естественного развития. Горская интеллигенция, защищая их, перешла в разряд людей «избыточных» и «негибких». Сталин и сложившаяся вокруг него си-

стема избавились от них, но горький опыт поиска подлинных механизмов модернизации без утраты «самости» народов остается актуальным и в наши дни.

Литература:

1. *Азамат*. Горская интеллигенция // Горцы Кавказа. 1929. № 8–9. Сентябрь-октябрь. С. 12–17.
2. *Алаг Ирский*. Путь горской интеллигенции: беглые очерки анализа // Горская мысль. 1922. № 2. С. 66–70.
3. *Атаев Р.А.* Власть и крестьянство Северного Кавказа в 1920-е гг.: формирование новых социально-политических реалий // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 3–4 (56). С. 13–16.
4. А.Ц. Задачи горской интеллигенции // Кавказский горец. 1924. № 1. С. 12–17.
5. *Байтуган Б.* Имеем ли мы право на жизнь // Горцы Кавказа. 1933. № 37. С. 14–18.
6. *Бекович-Черкасский Э.* «Возрождение» о сепаратизме горцев Кавказа // Горцы Кавказа. 1929. № 8–9. С. 13–17.
7. *Билатти Б.* Идеологические основы национальных движений // Горцы Кавказа. 1934. № 47. С. 15–21.
8. *Билатти Б.* Нация и язык // Северный Кавказ. 1935. № 14–17. С. 14–15.
9. *Билатти Б.* Коренизация нацобластей – узкое место в нацполитике советов // Горцы Кавказа. 1932. № 31. С. 22–24.
10. Буржуазные националисты в Карачае и Черкесии // Северный Кавказ. 1937. № 35. С. 28–29.
11. Вместо национальной литературы на родном языке – литература переводная // Северный Кавказ. 1935. № 11–12. С. 40–41.
12. *Гасилов Г.* Проблема национальных педагогических кадров // Просвещение национальностей. 1930. № 3. С. 9.
13. Голос бывшего «лагерника» // Северный Кавказ. 1935. № 13. С. 23–24.
14. *Далгатов А.Г., Сулаев И.Х.* Борьба против влияния мусульманского духовенства в Дагестане в 1920–1930-е гг. // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 77–85.
15. *Догуж*. Еще о «коммунистах-националах» // Северный Кавказ. 1936. № 32. С. 18–19.
16. Д.Ц. По-большевистски бороться за коренизацию // Революция и горец. 1933. № 9. С. 9–12.
17. *Карачайлло*. Горцы в «свободной социалистической стране» // Горцы Кавказа. 1933. № 43. С. 19–20.
18. *Красовицкая Т.Ю.* Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX – 1920-е годы)». М.: Новый хронограф, 2012. 680 с.
19. *Луначарский А.В.* Интеллигенция и ее место в социалистическом строительстве // Революция и культура. 1927. № 1. С. 24–28.

20. *Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г.* Социальные противоречия в кабардино-балкарской деревне в 20–30-е годы. Нальчик: КБНЦ РАН, 1999. 272 с.
21. *Мартиросиан Г.К.* История Ингушии: Материалы. Орджоникидзе: Сердало, 1933. 314 с.
22. *Мугуев Х.-М.* Ингушетия. Очерки. М.: Федерация, 1931. 140 с.
23. Нартана. Развитие общественной мысли у горцев Кавказа // Независимый Кавказ. 1929. № 1. С. 18–22.
24. Официальным языком Северного Кавказа должен быть местный язык // Северный Кавказ. 1935. № 11–12. С. 27–29.
25. *Оширов А.* Коренизация в советском строительстве // Революция и национальности. 1930. № 4–5. С. 110.
26. *Самурский Н.* Дагестан. М.-Л.: ГИЗ, 1925. 170 с.
27. Северный Кавказ. 1936. Февраль. № 22.
28. *Сиюхов С.* Избранное / Сост., предисл. и комм. Р.Х. Хашхожевой. Нальчик: Эль-Фа, 1997. 416 с.
29. Стенографический отчет II краевой конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов Северокавказского края. 16–23 июня 1925 г. Ростов-н/Д, 1926.
30. *Султан-Галиев М.* Избранные труды / Сост. И.Г. Гиззатуллин, Д.Р. Шарафутдинов. Казань: Гасыр, 1998. 719 с.
31. *Тамбиев И.* О коренизации советского аппарата в Карачае // Революция и горец. 1931. № 3. С. 22–24.
32. *Трахо Р.* Черкесы (черкесы Северного Кавказа) / Ред.-изд. Гедгафов Б.М.; О-во любителей книги Кабардино-Балкарской Респ. Нальчик, 1992. 158 с.
33. *Хубиев И.А.-К.* Статьи и очерки / Сост. Р.С.-Б. Лайпанов, И.М. Шаманов. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1984.
34. *Юсуф-бек.* Коммунисты-националы (Картины с натуры) // Горцы Кавказа. 1932. № 31. С. 10–13.
35. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 25.
36. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 498.
37. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 64. Оп. 1. Д. 127.
38. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 118.
39. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.112. Д. 729.
40. РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 6137.
41. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 588.
42. Республиканское государственное учреждение «Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики» (РГУ ЦДОДП КЧР). Ф. П. 45. Оп. 1. Д. 25.
43. Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). Ф. 1. Оп. 33. Д. 35.

Tamara Krasovitskaya,
Phd in History, Professor, Chief researcher,
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (IRH RAS),
tkrasovitskaya@mail.ru

«The highland intelligentsia doesn't fit the era almost physiologically». 1920s

Various aspects of differentiation of mountain elites in the North Caucasus concerning the Russian modernization of 1920s are brought out. Special attention is paid to the «connection» of real problems to the ideals of modernization in an atmosphere of instability and distrust of the mountain elites to the Central authorities for the possession of leverage. Differentiation of elites by educational and political criteria is established for supporters of the «Arab» and «Russian» orientations, who have defected to the side of the Bolsheviks, with their criticism of mountain emigrants.

Key words: Urban elites, modern mentality, differentiation of elites, 1920 – a crucial professional and political choice, Soviet modernization, North Caucasus

Анастасия Юренко, Юрий Юренко

Отражение советской эпохи в жизни современной церковной общины

Авторы рассматривают ряд устоявшихся поведенческих практик духовенства и верующих Русской православной церкви, появление которых внутри церковной общины прямо или косвенно связано с культурно-историческим наследием советского периода истории России.

Ключевые слова: *Русская православная церковь, община верующих, гражданский новый год, современная праздничная обрядность рождественско-новогоднего цикла, Международный женский день 8 марта, советскость, дети на православном приходе, воскресная школа*

Русская православная церковь воспринимается со стороны светской части российского общества как система, претендующая на роль хранительницы традиционных духовных практик, моральных норм и поведенческих установок русского и ряда сопредельных народов.

Юренко (Кузнецова) Анастасия Игоревна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела русского народа Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), старший преподаватель Богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва), 89150413569@mail.ru

Юренко Юрий Юрьевич,
диакон, клирик Зачатьевского ставропигиального женского монастыря г. Москвы, магистрант программы «Межэтнические и межконфессиональные отношения в образовании», Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет (Москва), yurenko-yu@yandex.ru

Вместе с этим церковная община как социальный организм, имеющий опыт существования при различных типах общественных формаций, адаптируется под те условия, в которых находится; принимает в себя различные элементы современной ей социальной реальности, которые спустя одно-два поколения (от 30 до 50 лет) с большой долей вероятности будут восприниматься верующими в качестве важной части религиозной традиции, по сути не являясь таковой.

В случае быстрой смены государственного строя, когда из общественной повестки внезапно уходят транслируемые на протяжении длительного периода ценности, церковная община в силу большей мировоззренческой инерции оказывается своего рода островком памяти сменившейся эпохи, в котором еще долгое время можно увидеть отражение ушедшего периода.

После событий 1991 года, повлекших за собой внезапный распад Советского Союза, Русская православная церковь столкнулась с вызовом стремительного количественного роста общины и серьезной нехваткой кадров. Это привело к тому, что в священнослужители стали массово поставляться люди, не имевшие духовного образования и лишь схематично представляв-

шие себе суть религиозного учения, зато сформированные системой воспитания советского гражданина. Многие тысячи людей, воспитанных аналогичным образом, стали прихожанами и насельниками открывшихся по всей стране храмов и монастырей.

Следствием этого стало укоренение внутри церковной ограды элементов, до этого не имевших места и даже отрицавшихся с теологической точки зрения как в XIX, так и в XX веках. В настоящее время внутри церковного сообщества продолжают функционировать поведенческие шаблоны, сформированные за 70-летний период советской власти, получившие, однако, несколько иное прочтение.

Цель доклада – выделить и проанализировать ряд устоявшихся поведенческих практик духовенства и верующих Русской православной церкви, явившихся наследием советской эпохи.

Празднование светского (гражданского) Нового года

Вопрос празднования (или непразднования) гражданского Нового года православными верующими остается дискуссионным для духовенства. Точки зрения отдельных настоятелей существенным образом отличаются, а отсюда формируются и отличия в жизни приходских общин. Специальных определений высшей церковной власти по этому вопросу не давалось.

Причина того, что в настоящее время Новый год предшествует празднику Рождества Христова, состоит в календарной реформе – переходе Российского государства с юлианского на григорианский календарь в феврале 1918 года [17]. И, конечно, общая риторика однозначна – гражданский новый год 1 января приходится на период строгого поста православных верующих, а сама календарная нестыковка связана с антицерковной деятельностью советского периода, направленной

на отрыв людей от религиозной традиции. В предновогодних проповедях большинства православных священников верующие призываются проявить сдержанность и подождать с праздником до Рождества или старого нового года (14 января).

В качестве примера скептического отношения к празднованию Нового года можно привести слова активного в медиа пространстве московского священника протоиерея Димирия Смирнова [1]: *«Я не вижу, чем отличается 1-е число от 2-го? 2-е – тоже выходной, ничем не хуже. Это просто смена чисел, вещь весьма и весьма условная... Поэтому хоть куранты и бьют, но на самом деле мало кто знает астрономически, что это за час. В советское время это играло значительную роль, потому что на Новом году был отблеск Рождества. Как некий суррогат он все-таки играл некоторую Божественную роль, единственный несоветский праздник. Потому что числа сменяются не по воле коммунистической партии, а сами по себе».*

В то же время ввиду фактической неготовности большей части простых верующих отказаться от празднования гражданского Нового года (пусть и в сдержанной форме) в церковной среде возникли различные замещающие практики. В качестве примера можно привести проведение в храмах и монастырях торжественных новогодних молебнов вечером 31 января, ночных литургий, а также утренних богослужений и приходских праздников 1 января.

В некоторых храмах Москвы, Санкт-Петербурга и других городов введена практика праздничного чаепития после ночной литургии. Участница новогоднего чаепития в храме-памятнике на крови в Екатеринбурге так вспоминает это событие [7]: *«Ночью собрались, помолились, но потом пошли в трапезную, где был накрыт праздничный стол, пускай из постного меню, но с салатами, и с различными блюдами, там было даже шампанское и шоко-*

ладные конфеты. И хотя в храме на проповеди прозвучало, что всех приглашают скромно попить чайку, но это был настоящий праздничный новогодний стол, просто все было заменено на постные ингредиенты. Вместо тоста настоятель храма произнес проповедь, посвященную церковному осмыслению хода времени и смены эпох».

В том случае если настоятель храма скептически относится к празднованию Нового года, присутствие прихожан на новогодних службах особенно выделяется, а сами пришедшие начинают воспринимать себя в статусе «особенно верных».

Еще один элемент духовного осмысления гражданского нового года – акцент на почитании памяти св. мученика Вонифатия (память 1 января н. с.), при жизни страдавшего зависимостью от алкоголя и традиционно воспринимающегося церковным созданием как избавитель от этого недуга. Логика здесь достаточно проста: в то время когда подавляющее большинство наших соотечественников бурно отмечают гражданский праздник, верующие призваны проявить осознанное поведение и не допустить своего нравственного падения. Нередко именно 1 января участники приходских трезвеннических сообществ торжественно приносят обет трезвости и проводят специализированные крестные ходы [18, с. 411-412]

На других приходах 1 января чтут прославленного церковью в лике святых преподобного Илию Муромца. Протоиерей Артемий Владимиров пишет на своей странице в Facebook [2]: *«Как хорошо, когда в силу входят добрые обычаи…Так, в нашей Алексеевской обители уже много лет 1 января празднуется день русского богатырства. Начинается он торжественной литургией и молебственным пением святому Илии Муромцу, а продолжается праздником для детей и взрослых на свежем воздухе. В этом году Господь побаловал нас снежком и морозцем! Под русские плясовые*

песни ребята водили хороводы, катались на пони, получали подарки. Родители и прихожане пили чай с дымком из огромного самовара, получали из рук духовника обители монастырские расстегайчики и бутерброды с рыбой».

На вопрос о праздновании Нового года среди православной молодежи один из респондентов (прихожанин храма в Видновском районе Подмосковья) рассказал следующее [8]: *«На Новый год у отца Сергия были песни под гитару, наши ребята эту ночь именно праздновали, никто не сидел с постными лицами и не расходился после службы домой». На уточняющий вопрос, ощущалось ли молодыми людьми некое противопоставление себя остальному миру в праздновании Нового года в церковных стенах, последовал ответ: «Служба, была не противопоставлением себя светскому неверующему большинству, а возможностью отпраздновать любимый с детства праздник. Мы воспринимаем богослужение как составную часть праздника, его сердцевину. Народ был на службе, люди причащались, но это было не противопоставление себя, это было отмечанием праздника, но только в церкви».*

Необходимо отметить, что традиция церковной службы на гражданское новолетие была еще в дореволюционный период и в настоящее время ее акцент смещается на новые даты в соответствии с новыми реалиями.

Обычай украшать рождественскую ель. Дед Мороз в воскресной школе

Сейчас довольно редко можно встретить украшенный к Рождеству храм, в котором бы не было нарядной елочки. Однако в церковной ограде эта традиция появилась не так давно.

Изначально традиция устанавливать и наряжать ель к Рождеству пришла в Россию из Германии [16]. К Рождеству украшались еловые веточки в императорской семье при императрице Александре Федоровне (супруге

императора Николая I) в прошлом прусской принцессе. К концу XIX века обычай украшения рождественской ели был уже широко распространен в образованных кругах [3]. Максимально широко елка вошла в дворянский и интеллигентский обиход празднования Рождества в XIX веке после публикации произведений Т. Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король», «Повелитель блох», Г. Х. Андерсена «Елка», «Девочка с серными спичками» [18, с. 403]

Во время Первой мировой войны традиция ставить рождественскую елку начала встречать нападки, так как в ней увидели связь с немецкой культурой и чуждый русской душе культурный элемент.

В конце 1920-х годов последовал запрет новогодних елок и со стороны советских властей, однако вкупе с гонениями на церковь в сознании православных верующих это, напротив, привело к тому, что рождественская елочка стала восприниматься как атрибут старой доброй жизни. В 1935 году с согласия И.В. Сталина праздничнo украшенная елка становится атрибутом официального празднования Нового года в Советском Союзе, а ее венчает уже не Вифлеемская звезда, а звезда советская – красная и пятиконечная [13].

Вместе с тем были дома, преимущественно православной интеллигенции и духовенства, где к 7 января ставили елку и устраивали детский праздник, несмотря на всю опасность подобных действий. Наталья Николаевна Соколова (урожд. Пестова) вспоминала: *«В нашу квартирку набивалось человек до тридцати. Елочку нам неизменно привозила в Сочельник Ольга Серафимовна – сестра закрытой в те годы Марфо-Мариинской обители. Рискуя своей свободой, она собственноручно срубала елочку в лесу, убирала ее в наш огромный чемодан, везла поездом, тащила по улицам. До 36-го года елки были запрещены как буржуазный предрассудок». Однако Ольга Серафимовна считала своим долгом доставить нам, детям, это рождественское удовольствие»* [15, с. 12–13].

Вернулась рождественская ель в церковную ограду через Московскую духовную семинарию и академию в 1960-х годах [6]. Ректором семинарии в то время был будущий патриарший экзарх Белоруссии архиепископ Филарет (Вахромеев) (фото 1).

После этого началось шествие рождественской елочки по храмам Русской православной церкви. Семинаристы, соприкоснувшиеся с этим обычаем, становились священниками и разъезжались по стране, неся с собой новый для церковной среды вариант праздничного убранства церковного пространства. Сначала праздничные ели устанавливались в принадлежащих церкви помещениях, а затем прочно укоренились и непосредственно в храмах.

С учетом времени начала советской традиции празднования Нового года в 1935 году с хороводами вокруг наряженной елочки, стихами и подарками от Деда Мороза к концу 1960-х в церкви выросло поколение священнослужителей, в создании которых праздники новогодне-рождественского цикла были крепко связаны с новогодней елью и фактически не воспринимались в отрыве от нее.

Сейчас елки во многих храмах стоят от Нового года до праздника Богоявления (Крещения) Господня. Елка перед храмом Христа Спасителя известна верующим по всей стране, а в православной среде достаточно расхожей является поговорка «Праздник Троицы без березы — то же самое, что Рождество без елки», отражающая прочное вхождение рождественской ели в народное сознание.

Современная приходская традиция проведения рождественских праздников во многом восприняла советскую праздничную детскую культуру. На церковный

двор, в воскресную школу вошел Дедушка Мороз. Отдельные священнослужители и настоятельницы монастырей это могут осуждать, так, например, настоятельница Зачатьевского женского монастыря города Москвы, отличающегося большой строгостью жизненного уклада насельниц (монахинь), на рождественском празднике воскресной школы рассказывала детям о том, что Дед Мороз – на самом деле злой персонаж, а рождественские ангелы, приносящие детям подарки – добрые [10]; но нередки случаи, когда указанная традиция живет и обрастает новыми интересными подробностями.

Так в храме во имя преподобного Сергия Радонежского на Рязанском проспекте города Москвы в рамках новогодних мероприятий настоятель храма вместе с детьми звал Дедушку Мороза, после чего тот появился, взял благословение у священника и праздник продолжился [9].

В некоторых случаях рецепция образа Деда Мороза внутри церковной ограды может принимать даже несколько курьезные для неподготовленного человека формы: так 30 декабря 2017 г. в Екатеринбурге в храме в честь Владимирской иконы Богородицы был отслужен молебен для молодых волонтеров «Помощников Деда Мороза и Снегурочки» из Уральского государственного педагогического университета, принимавших участие в Рождественском поздравлении детей в ОВЗ подопечных Реабилитационного центра для детей-инвалидов на Семи Ключах [5]. Как мы видим, на молебне Деды Морозы и Снегурочки (или их помощники и помощницы) стоят, что называется, «по форме» (фото 2).

Отношение церкви к празднованию 8 марта

Пример отношения духовенства РПЦ к гражданскому празднику 8 марта еще более контрастен, чем

в случае с празднованием Нового года. Это связано со специфической предысторией появления этого праздника и именами далеко небезупречных в нравственном плане коммунисток Клары Цеткин и Александры Коллонтай.

В проповедях современного русского духовенства гражданский праздник 8 марта разоблачается и порицается, а прихожанкам предлагается подождать до дня жен мироносиц, который празднуется в 3-е воскресение после Пасхи и воспринимается церковным сознанием именно как «православный женский день» [4]. Замечу, что это именно устоявшееся внутреннее название. Заметим, что вот только случаи отмечания Дня жен мироносиц, которые бы выражались в чем-либо кроме поздравления священника на воскресной проповеди, чрезвычайно редки. Традиции дарить православным женщинам цветы или другие подарки в этот день не сложилось. При этом за советский период возник целый ритуал, как нужно поздравлять представительниц прекрасного пола с их праздником. Так, светские сотрудницы Зачатьевского монастыря 8 марта чувствуют себя обделенными вниманием – с этим один из авторов как священнослужитель сталкивался неоднократно. Напомним, речь идет о расположенном в центре столицы женском монастыре, отличающемся особой строгостью уклада, где 8 марта не просто игнорируется, а строго запрещено, что в общем нетипично для большинства приходских общин.

Вышеназванные факторы приводят к тому, что постепенно внутри церковной ограды начинает происходить переосмысление и рецепция праздника 8 марта в качестве Дня весны, в который хорошо и правильно дарить цветы мамам, бабушкам, сотрудницам... (этот ряд можно продолжать). Историческая коннотация для верующих не важна. Превалирует восприятие этого

дня, как времени, когда принято радовать женщин, дарить им цветы. Мужское сознание, в том числе сознание священников, многие из которых учились в советских школах и с детства были приучены поздравлять одноклассниц с 8 марта, воспринимает это как красивый поступок, от которого негоже отказываться.

Многие настоятели приходских общин и руководители крупных церковных структур (таких, например, как Синодальный отдел религиозного образования и катехизации) в этот день поздравляют сотрудниц и дарят им цветы, однако это делается непублично [11].

В качестве примера отношения к 8 марта со стороны православных молодых женщин, не только получивших теологическое образование, но и преподающих в высшем учебном заведении Русской православной церкви – Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете, можно привести следующую цитату [11]: *«Нельзя отказаться от случая получить цветочек на 8 марта, это радостно и приятно, и что же в этом греховного»?*

Детские игровые комплексы внутри церковной ограды

Вплоть до революции 1917 года такие проявления архаичной игровой культуры славян, как качели, регулярно порицались в проповедях духовенства [14]. В первую очередь осуждался стоявший за ними компонент дохристианской религиозности и отсылки к магии плодородия. Тем более что установка качелей проводилась в рамках традиционной праздничной культуры, которая была неразрывно связана с аграрным календарем.

В период советских гонений и перестройки всей жизни церкви, когда встал вопрос о выживании системы как таковой, все наносное в проповедях духовенства было решительно сметено.

В наше время об архаике в прошлом качелей применительно к детским площадкам на храмовой территории никто из священнослужителей не говорит и не помышляет.

Качели стали оторваны от аграрного календаря и воспринимаются как обычный атрибут детской игровой площадки. Это привычная зона для игр, сложившаяся за советский период, на которой выросло подавляющее большинство ныне живущего духовенства. И, естественно, думая об организации детского пребывания внутри церковной ограды, многие священнослужители пришли к мысли о необходимости хотя бы минимальной детской площадки в зависимости от возможностей приходской или монастырской общины.

Многодетность в церкви – достаточно широко распространенное явление, и детей, чтобы они не мешали молящимся на богослужении, необходимо куда-то пристраивать. В дореволюционный период с его строгим домашним благочестием вопрос о том, как организовать пребывание малышей в храме, просто не стоял, потому что воспитанные в патриархальном обществе дети и в храме вели себя достаточно чинно. В настоящее время случаи привития строгой модели поведения подрастающему поколению достаточно редки даже в среде духовенства.

Для больших приходов обычным стало пребывание женщин с маленькими детьми во время богослужения на детских площадках или в игровых комнатах, в то время как богослужение транслируется на улицу через специальную аудиосистему. Отсутствие детской инфраструктуры существенно снижает ценность конкретного храма в глазах многодетных верующих семей [12]: *«Что*

толку, если храм красивый, старинный и намоленный, но ты в него с детьми на службу попасть не можешь и вынуждена просто стоять рядом, так как твои дети мешают остальным молиться?!»

Все чаще детские площадки или специальные помещения для детей предусматриваются еще на этапе проектирования новых храмовых сооружений. В качестве примеров специального обустройства детских площадок и игровых зон можно выделить комплексы при Покровском женском монастыре Москвы, Саввино-Сторожевском мужском монастыре Звенигорода, Московской Марфо-Мариинской обители милосердия, многочисленных храмах Москвы (в тех случаях, если у них есть хоть какая-то прилегающая территория) и других российских городов.

Выводы

В докладе был рассмотрен ряд форм неосознанного воспроизведения поведенческих установок советской эпохи в современном нам церковном сообществе: празднование гражданского Нового года, рецепция советской детской праздничной культуры новогоднего цикла приходскими воскресными школами, переосмысление и принятие праздника 8 марта, появление прихрамовых детских игровых комплексов.

Церковь как общественный институт, ориентированный в первую очередь на хранение и передачу религиозного знания, в то же время воспринимает и адаптирует многочисленные элементы современной ей социальной реальности, которые в дальнейшем начинают восприниматься верующими как неотъемлемая и важная часть традиции, по своей сути, однако, не являясь таковой.

Вопросы бытования, взаимодействия, соотношения и анализа элементов современной приходской культуры Русской православной церкви, воспринятых ей в разные периоды своей истории еще ждут своих исследователей.

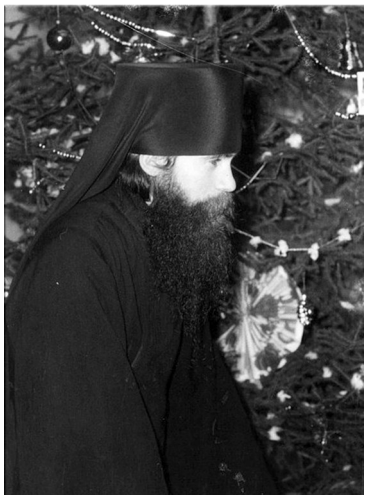


Фото 1. Рождественская елка в Московской духовной академии. 1962 г. Источник: URL: http://old.glinskie.ru/publ/book/msm/26.jpg (дата обращения 23.07.2019).

Фото 2. Молебен помощников Деда Мороза и Снегурочки. Екатеринбург. URL: http://vladprihod.ru/news/n11883.html (дата обращения 23.07.2019)

Литература:

1. *Амелина Т.* Протоиерей Димитрий Смирнов поздравляет читателей Правмира с Новым годом // Православие и мир. 27.12.2013. URL: https://www.pravmir.ru/te-kto-eshhe-ne-prochitali-novogo-zaveta-dolzhny-obyazatelno-eto-sdelat/ (дата обращения 11.07.2019).
2. *Владимиров А. прот.* 1 января. День русского богатырства // Facebook. Протоиерей Артемий Владимиров. Пастырские труды. 01.01.2019. URL: https://www.facebook.com/protartvladimirov/posts/2133891146668166/ (дата обращения 23.07.2019).
3. *Зайцева А., Стефаненко Т.* Дом, где живут елочные игрушки // Академия Новостей. 13.01.2009. URL: http://academ.info/news/10144 (дата обращения 14.07.2019).
4. *Кураев А., диакон.* Православный женский день // Фома. 2006. № 5 (37), май. С. 37.
5. Новогоднее и Рождественское поздравление особых детей началось с молебна в храме молодых помощников Дедов Мороза и Снегурочки // Приход в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы на Семи ключах. 31.12.2017. URL: http://vladprihod.ru/news/n11883.html (дата обращения 13.07.2019).
6. *Маслов Н.В.* Монахи — свет мирянам. Альбом фотографий схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Глинские чтения. URL: http://old.glinskie.ru/common/mpublic.php?num=1216 (дата обращения: 15.07.2019).
7. Полевые материалы авторов (ПМА) 1. Интервью с представителями православной церковной общины г. Екатеринбурга. Август 2013 г. (информант: жен., 34 года).
8. ПМА 2. Интервью с представителями православной молодежной общины Видновского благочиния Московской епархии. Октябрь 2012 г. (информант: муж., 20 лет).
9. ПМА 3. Личное участие Ю.Ю. Юренко в праздничных Рождественских мероприятиях храма в честь прп. Сергия Радонежского на Рязанском проспекте г. Москвы. Январь 2018 г.
10. ПМА 4. Личное участие Ю.Ю. Юренко в праздничных Рождественских мероприятиях Зачатьевского ставропигиального женского монастыря г. Москвы. 2018–2019 гг.
11. ПМА 5. Москва. 2008–2017 гг.
12. ПМА 6. Беседа с многодетной прихожанкой храма Влахернской иконы Божией Матери г. Москвы. Май 2018 г. (информант: жен., 37 лет, четверо детей).
13. *Постышев П.П.* Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку! // Правда. 1935, 28 декабря. № 357.
14. *Розов А.Н.* Этнографические и фольклорные материалы на страницах журнала «Руководство для сельских пастырей» (1860–1917 гг.) Аннотированный тематико-библиографический указатель // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/rozov1.htm (дата обращения 13.07.2019).
15. *Соколова Н.Н.* Под кровом Всевышнего. М.: Православное братство св. ап. Иоанна Богослова, 2002. 463 с.
16. *Ткаченко А.* Новый Год и Рождество. Откуда на Руси пошла традиция праздновать Новый год, и можно ли праздновать его верующим людям? // Русская Линия. 31.12.2011. URL: https://rusk.ru/st.php?idar=52399 (дата обращения 12.07.2019).
17. *Хулап В., иерей.* Реформа календаря и пасхалии: история и современность // Азбука Веры. Православный церковный календарь. URL: https://azbyka.ru/days/p-reforma-kalendarja-i-pashalii (дата обращения 12.07.2019).
18. *Юренко А.И.* Праздники в современном православном приходе (на примере Рождества и Нового года) // Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему. Сб. ст. и очерков / Отв. ред. О. В. Кириченко. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 399–436.

Anastasiya Yurenko (Kuznetsova),
PhD in History, Researcher of the Department of Russian people,
Miklukho-Maklaya Institute of Ethnology and Anthropology. (Moscow),
Senior lecturer at the Theological faculty,
St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities (Moscow),
89150413569@mail.ru

Yury Yurenko,
Deacon, Cleric of conception stavropigial women's convent in Moscow,
Master's student «Inter-ethnic and inter-confessional relations in education»,
Institute of Social and Humanitarian Education,
Moscow Pedagogical State University (Moscow),
yurenko-yu@yandex.ru

Reflectioan of the Soviet era in the life of the modern Church community

The authors study a number of deeply-rooted behavioral practices of the clergy and believers of the Russian Orthodox Church, whose appearance within the Church community is directly or indirectly related to the cultural and historical heritage of the Soviet period in Russian history.

Keywords: Russian Orthodox Church, community of believers, civil new year, modern festive ritual of the Christmas and new year cycle, International women's day on March 8, Soviets, children at the Orthodox parish, Sunday school

НАСЛЕДИЕ

Ирина Купцова, Валерия Воробьева

Музейная коммуникация как средство формирования культуры соучастия (на примере музея-резиденци и «Арткоммуналка. Ерофеев и другие», г. Коломна)

В статье проанализирована содержательная динамика музейной деятельности, трансформация ведущих функций музея от просветительской к коммуникативной. Музей рассматривается как центр коммуникации, способный формировать культуру соучастия у представителей местного сообщества его посетителей. Рассмотрены современные музейные практики музея-резиденции «Арткоммуналка. Ерофеев и другие» г. Коломна, выступающего драйвером развития локального социокультурного пространства и культурного ландшафта города.

Ключевые слова: *музей-резиденция «Арткоммуналка. Ерофеев и другие», культура участия, музейная коммуникация, арт-резиденция, культурное наследие России, Коломна*

Со времени своего возникновения, как особого института культуры, музей претерпел ряд существенных трансформаций, пройдя путь универсальных коллекций до конкретной специализации, от «хранилища древностей» к пространству коммуникаций. Одним из ведущих содержательных аспектов деятельности музея был и остается образовательно-просветительский, наиболее полно воплощенный начиная с XX века. «Просветительство и распространение знаний в народе являлось одним из главных идеалов общественного движения, и музей стал рассматриваться в качестве средства для реализации этого идеала» [11, с. 85].

Наряду с трансформацией функций музея, происходило изменение общественного отношения к нему, оно зависело от конкретной историко-культурной эпохи. Наиболее ярко прослеживается динамика от идей модернизма, где главенствовала элитарность, до концепций постмодернизма, ориентированного на массовую коммуникацию. При этом музей в этой ситуации становится важным механизмом динамики культуры.

Купцова Ирина Александровна,
доктор культурологии, профессор кафедры культурологии, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет (Москва), ia.kupcova@mpgu.su

Воробьева Валерия Дмитриевна,
студентка IV курса кафедры культурологии, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет (Москва), vorobevaleria25@yandex.ru

За время своего развития отечественные и зарубежные музеи существенно изменили политику в отношении посетителей. Музейная деятельность все больше ориентируется не на абстрактную аудиторию, а на вполне конкретного человека, актуализируя коммуникативную функцию, выступающую эффективным средством формирования постоянной аудитории посетителей, а также привлечения новых участников. «Коммуникационный подход по определению является антропоцентристским, он ставит во главу угла человека, поэтому акценты в деятельности музеев сместились с внутренней работы в сторону взаимодействия с посетителем. Коммуникация превратилась в главную цель работы музеев, что само по себе оценивается как позитивное достижение» [13, с. 36].

Понимание музея как социокультурной институции указывает одновременно на «взаимодействие музея с обществом и культурой» и «совокупность функций, в которых реализует себя содержание и характер музейной деятельности» [3, с. 36]. А.М. Разгон писал, что «музей – исторически обусловленный многофункциональный институт

социальной информации, предназначенный для сохранения культурно-исторических и естественнонаучных ценностей, накопления и распространения информации посредством музейных методов» [8, с. 18].

Общепринятым термином в международной музейной практике принято считать определение (с учетом правок), составленное Международным советом музеев (ИКОМ): «Музей является постоянным некоммерческим учреждением, служащим делу общества и его развития, доступным широкой публике, занимающимся приобретением, хранением, исследованием, популяризацией и экспонированием материального и нематериального наследия человечества и его окружения в целях образования, изучения, а также для удовлетворения духовных потребностей» [5]. Музееведение перенимает идею передачи социального и исторического опыта поколений [9].

Потенциал музея, как социокультурного института, раскрывается через современные музейные практики – прикладные действия, необходимые музею для осуществления своего функционирования в обществе и для общества. В этом смысле музей должен стать тем местом, где можно найти ответы на актуальные вопросы сегодняшнего дня [4, с. 399].

Одним из существенных изменений в музейных практиках является активизация взаимодействия с местным сообществом, воплощенная в процессе формирования культуры соучастия. В этом случае музейная коммуникация выходит далеко за пределы стен музея, укореняется в местном культурном ландшафте, обретает новые формы в интернет-пространстве, имея выраженный пролонгированный характер. Крупные музеи мира давно ввели в свою практику программы под названием «друзья музея», разрабатывая способы повышения лояльности посетителей, наиболее часто встречающейся

из которых является клубная система постоянных посетителей музея, сопровождающая выпуском специальных карт «друзей музея», служащих пропуском на закрытые мероприятия, дающих право посещения выставок без очереди, предусматривающих скидки в музейных магазинах и пр. В России подобный опыт имеют музеи разного масштаба: от ГМИИ им. А.С. Пушкина, Третьяковской галереи, музея-заповедника «Царицыно» до музеев современного искусства «Эрарта», «Гараж» и т. д. Формируя круг постоянных посетителей, выступающих не только неизменными участниками музейных событий (выставок, лекций, концертов), но и людьми, привлекающими новых участников, несущими информацию о музее и его программах вовне, музеи существенно расширяют возможности по вовлечению населения в свои практики и повышению эффективности деятельности.

Наиболее яркую динамику развития коммуникационной среды музея можно проследить на локальных/региональных музеях. В ряде случаев они демонстрируют формы общественной, культурной, исследовательской деятельности, которые максимально отвечают требованиям времени, стали формой культурной деятельности, научной и общественной, которая максимально отвечает требованиям времени. В рамках музейного взаимодействия важно, что «в музейной герменевтике развивается культура участия, взаимодействие посетителя и музейной среды строится на методе свободных ассоциаций – медиации» [7, с. 123]. Связь посетителя и музея происходит через музейную экспозицию. В музейном пространстве каждый человек интерпретирует представленную информацию индивидуально, тем самым превращая музей в площадку свободного осмысления пространственно-художественного содержания экспозиции. Одновременно образовательно-просвети-

тельские возможности музея обретают в настоящее время новые формы, методы и технологии работы.

Согласно определению ИКОМ, основная задача образовательного процесса в музее – «актуализация знаний, происходящих из музея и направленных на развитие и удовлетворение культурных потребностей человека» [5, с. 66]. Музей предоставляет «возможность получения образования через развлечение, превращая посещение музея в одну из форм досуга» [13, с. 36]. Посетитель музея в современных реалиях представляет собой культурного потребителя, который ориентирован не только на получение информации, но и на получение удовольствия.

Для достижения этой цели музеи используют помимо динамичных музейных практик культурно-символические элементы: «гений места», историю города, прочно устоявшиеся мифы и легенды и многое другое, что будет актуально и востребовано туристами. В контексте культурной и исторической динамики, музей не только совершенствовался и менялся, но и оставался верным предшествующим традициям. Он вобрал в себя мощный потенциал, помогающий развивать собственные практики. На сегодняшний день музей, как один из наиболее демократичных институтов, способен совмещать в себе и образование, и развлечение, доступные всем слоям населения.

С 1980-х годов можно говорить о том, что решающее значение для эффективности организации приобретает ее способность взаимодействовать с внешними агентами, выстраивать политику по отношению к общественным тенденциям. Предметная среда музеев с ее особой атмосферой является одновременно пространством, условием и поводом для коммуникации.

Одна из последних тенденций заключается в стремлении зафиксировать и представить зрителям различ-

ные сферы жизнедеятельности человека. Музей способствует в формировании у человека представлений о временах, нравах, образе жизни через призму предметного мира, не только аккумулируя историческое и эстетическое наследие, но и отражая картину мира определенного исторического периода.

Приоритетная деятельность музея всегда сводилась к собиранию и изучению артефактов. С течением времени набор функции в реализации музейной деятельности расширяется. «Музей включился в решение стоящей перед обществом сверхзадачи, заключающейся в высвобождении положительных общественных энергий путем создания благоприятных для этого условий» [6, с. 13]. Такое положение объясняется во многом высокой заинтересованностью публики в тематике экспозиции, в той истории, которую транслирует музей. Историко-культурный досуг, чаще всего связан с увлечениями или профессиональной, учебной деятельностью посетителей. Здесь музей играет самую главную роль в современных реалиях, предлагая различные формы времяпрепровождения. Учитывая предпочтения людей, музей модернизируется вместе с социокультурной средой, предлагая новые виды коммуникации. «Музей превращается из системы, интегрирующейся в культурно-историческую среду, в систему, ее формирующую, он переходит от пассивного отражения действительности к активному воздействию на нее» [2, с. 22].

Особенно этот аспект важен в работе локального музея, ориентированного на жителей конкретного региона, области, района и т. д. Коллекция таких музеев не носит безусловного репрезентативного характера, а особенности его деятельности определяются в первую очередь направлениями коммуникационного взаимодействия. Это, однако, не означает, что подобный музей не может выступить новатором в какой-либо

сфере. К. Хадсон утверждает, что именно небольшие музеи часто являются авторами нововведений, пионерами существенных изменений и усовершенствований, принимаемых затем во всем музейном мире в историко-культурном континууме [12, с. 33]. Музеи, находящиеся в небольших городах и поселениях, обращенные к местному сообществу и концептуально близкие экомузеям, создаются в основном так, что-либо дополняют, либо встраиваются в историко-культурный ландшафт города.

Музейные практики на протяжении десяти лет качественно изменились в отношении своих посетителей. Поменялось и отношение посетителей к деятельности музея. Снижается актуальность схемы «музей – человек», где это одностороннее культурно-образовательное воздействие на посетителей, исходившее исключительно от музея. Многообразие культурных форм обусловило отдаление музейных практик от одностороннего взаимодействия в пользу взаимной коммуникации, в результате которой возникает некий культурный продукт. Он возникает в процессе фиксации особенностей жизнедеятельности какой-то конкретной личности или целого исторического периода в детальном многообразии. Подобный феномен можно наблюдать в динамично развивающемся музее-резиденции «Арткоммуналка. Ерофеев и другие» (г. Коломна).

«Арткоммуналка» – творческая лаборатория, в создании которой непосредственно участвовали художники и литераторы для реализации собственных идей в пространстве города и соединении с его социокультурной средой. Авторы проекта музея «Арткоммуналка» – Наталья Никитина, Елена Дмитриева, Евгений Стрельцов, Игорь Сорокин, Анфим Ханыков. Игорь Сорокин создал концепцию арт-резиденции.

Музей должен был стать площадкой, формирующей и продвигающей культурный имидж Коломны через современные формы, сохраняя наследие города, аккумулируя творческие идеи и включая их в городской исторический ландшафт. 1 декабря 2011 года в Коломне появляется музей и арт-резиденция одновременно. Данный социокультурный институт совмещает в себе концепт музея и площадки, где развиваются культурные инициативы.

Тематика музея – история советского быта 1960-х годов Это во многом обуславливает интерес местных жителей к проектам музея, отсылающего к их собственному прошлому. Но взаимодействие – система двусторонних связей, в результате которых изменения с одной стороны непременно влекут к переменам в другой. Музейный посетитель в классическом понимании перестает быть исключительным потребителем искусства, теперь он активно участвует в музейной деятельности.

Интерактивность проявляет принцип креативности, позволяющий сделать каждого посетителя музея сопричастным творческим процессам. Такой вид коммуникации, во-первых, осуществляется через пополнение артефактами коллекции музея «Арткоммуналки» самими посетителями, в данном случае местным сообществом. Во-вторых, концепция музея не ограничивается исключительно хранением материальных памятников культуры, поэтому для реализации музейных программ и проектов необходимы и нематериальные объекты культуры, например, личные истории коломчан (проект «Коммунальная одиссея»), ценные советы, благодаря которым удалось воссоздать коммунальный быт музея.

Концепт музея советского периода заключается в консолидации времени, места и его гения Венедикта

Ерофеева, которые стали предтечей названия и формата нового культурного объекта Коломны. Яркое название музея говорит само за себя. Жизнь Венедикта Ерофеева проходила в Коломне, именно там, где находится здание музея. «Арткоммуналка» как государственно-частный проект, схожий по функционалу с музеем, является еще и арт-резиденцией, что создает принципиально новую культурную форму, способную генерировать современное искусство по принципу работы с культурным ландшафтом города и его средой по синергийному методу.

Музей выходит в городское пространство, благодаря деятельности арт-резидентов, которые, в свою очередь, выводят концепт музея как творческой лаборатории на ландшафт местности, реализуя собственные творческие идеи. Таким образом, «Арткоммуналка» развивает современное искусство, актуализируя собственный концепт и символическое содержание, ориентируясь на восприятие посетителей. Значит, сам музей не ограничивается пространством собственной экспозиции.

В аутентичной среде «Арткоммуналка» апеллирует к эмоционально-чувственной сфере музейной публики через яркие образы и события, представленной экспозиции. Так, экспозиция музея советского быта стала средством создания аутентичной атмосферы и площадкой для театрализации программ о шестидесятых годах прошлого века. Поэтому все артефакты находятся не под стеклом и с личным номером, а в живом и непосредственном контакте с посетителем.

Помимо хранения материальных памятников культуры, имеющихся в собрании музея «Арткоммуналка. Ерофеев и другие», данный музей успешно реализует творческие программы и проекты. Активность музея не остается незамеченной. Школьники с педагогами

приходят на тематические экскурсии, используют полученные знания в научных и творческих проектах.

Музей-резиденция «Арткоммуналка» – яркий пример развития культурно-познавательного туризма, с насыщенной экскурсионной и событийной программой. Раскрывая историческое явление города Коломны с разных точек зрения, организаторы проекта обратили свое внимание на незаурядную личность Венедикта Ерофеева, выступающего «гением места».

В своей экскурсионной деятельности музей советского быта решает ряд важных вопросов, одновременно удовлетворяя досуговую и познавательную потребность посетителей, прибегая к костюмировано-театрализованному представлению, включая в работу профессиональных артистов. Создавая новые образы, усиливая интерес посетителей, организаторы не упустили момент сохранения исторической подлинности музейного пространства и культурного ландшафта, определившего «гения места». Уникальность места обусловлена важным фактом: вещи, воссоздающие быт советского прошлого, были принесены коломчанами в дар музею. Предметно удалось восстановить хозяйственный быт жителей абстрактной коммуналки. Ядром экспозиции стали подлинные вещи эпохи 1960-х годов, которые приближают посетителя к реальному пространству информации, основанному на обеспечении смыслового и эмоционального резонанса.

Музей-резиденция «Арткоммуналка. Ерофеев и другие» предстает не только хранителем предметов истории повседневности, теперь он позиционирует себя как коммуникатор, где публика и посетители находятся в центре, что гораздо расширяет общественную роль музея в социокультурном пространстве небольшого города, которым является Коломна. «Арткоммуналка» – место, где взаимодействие людей происходит не только

на уровне посетителей и музейных сотрудников, но и самих местных жителей, которые используют данный социокультурный институт как площадку коммуникации друг с другом и для реализации проектов. Местный культурный и исторический ландшафт города Коломны меняется благодаря деятельности арт-резидентов музея.

На сегодняшний день музей «Арткоммуналка» формирует не только свой собственный и неповторимый стиль, но и повышает туристическую привлекательность города Коломны. Аутентичная музейная коммуникация с посетителем, погружение в культурную среду в интерактивных программах, квестах, ролевых и аудио-спектаклях показывают, что музей открыт для нового, тем самым мотивируя посетителей к обмену идеями и даже культурно-историческими артефактами. Любой может увековечить свое имя, пополнив коллекцию музея личной реликвией или фамильно-значимым предметом.

Собрание этого коломенского музея включает не только материальные памятники, но и личные истории и советы людей, которые помогают работе социокультурного института. Предоставляя ресурсы, партнеры (музей и посетители) в равной степени имеют к ним доступ. В данной ситуации музей «Арткоммуналка» служит центром распределения ресурсов. Продукт деятельности музейного кластера – создание и реализация культурных проектов. «Арткоммуналка» в культурно-историческом контексте становится объектом рефлексии для посетителей, а музейные объекты преображают весь художественный образ пространства экспозиции, вместе с этим выполняя роль декораций во время театрализации.

«Весьма примечательно, что появившиеся за последние десять лет в России музеи, так или иначе эксплуатирующие советский пласт материальной культуры, частные» [10, с. 26]. Музеефицированное прошлое в пространственно-предметном выражении вызывает декодирование знаков и смыслов у поколения, заставшего советский период. У молодого поколения возрожденная советская культура вызывает первичный интерес, и дает возможность имитации включенного наблюдения за бытом советских людей (особенно это помогают воплотить театрализованные экскурсии и квесты).

«Арткоммуналка» является вместе с этим и арт-резиденцией, что предполагает творческую работу художников, литераторов, режиссеров и других деятелей искусства. Продукт такой работы становится культурным памятником, располагающимся в социокультурном пространстве города. Артефакты резиденции носят материальный и нематериальный характер, включая стрит-арт, экспонаты в «Арткоммуналке», театрализованные представления и социокультурные проекты. Данные продукты не входят в реестр историко-культурного наследия, но они представляют особую ценность для местного населения и являются неотъемлемой частью музейного пространства «Арткоммуналки». Эти объекты способны изменить визуальный облик города и репрезентовать его уникальность. Аксиологический потенциал таких объектов нуждается в актуализации как среди туристов, так и среди местных жителей: последние могут воспринимать родной город как нечто обыденное, не нуждающееся в рефлексии.

Таким образом, современные музейные коммуникации – ключевой момент всей музейной деятельности, формирующей культуру соучастия. Применяя тот или иной метод работы с наследием и городским пространством, музей может влиять не только на собственный имидж, но и на все социокультурное пространство той

местности, где непосредственно расположен. Анализ музейных практик на примере музея-резиденции «Арткоммуналка. Ерофеев и другие» показал, что деятельность музея на сегодняшний день эффективна при реализации коммуникативной модели «музей – посетитель», а также активном вовлечении музейных посетителей, включая местное сообщество, в развитие музея как социокультурного института.

Литература:

1. *Абрамов Р.Н.* Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. №5. С. 99–111.
2. *Воротникова Е.Ю.* Возможности специалиста по социокультурному сервису в музейно-экспозиционной деятельности // Сервисные технологии. Теория и практика: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. №3.
3. *Воротникова Е.Ю.* Социокультурные аспекты музейного сервиса // Сервис в России и за рубежом. 2017. №4 (74). С. 35–43.
4. *Ильбейкина М.И.* Современные музейные практики: 2000–2012 гг. // Современные проблемы науки и образования. Электронный научный журнал. 2013. №1. URL: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8403 (дата обращения 03.11.2018)
5. Ключевые понятия музеологии / Сост. André Desvallées и François Mairesse / Пер. А.В. Урядниковой ICOM, 2012. URL: http://icom-russia.com/upload/iblock/532/5323743f731b222714f20ba0205ec238.pdf (дата обращения 03.11.2018)
6. *Комлев Ю.Э.* Музей как социально культурный центр региона // Аналитика культурологии. 2011. №20. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/muzey-kak-sotsialno-kulturnyy-tsentr-regiona-1 (дата обращения: 11.11.2018).
7. *Лермонтова Е.Н.* Феноменологический анализ музейной среды по материалам отечественных и зарубежных музеологов // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. №14. С. 122–126.
8. Музееведение: музеи исторического профиля. М.: Высшая школа, 1988. 431 с.
9. *Тельчаров А.Д.* Музееведение. 2-е изд., испр. и доп. М.: Научный мир, 2011. 180 с.
10. *Тимофеев М.Ю.* Музеефикация СССР. // Лабиринт. 2014. №5. С. 94–100.
11. *Тимофеева Л.С.* Трансформация образовательной функции музея: историческая ретроспектива (XVII – начало XX вв.) // Вопросы музеологии. 2010. №1 (1). С. 82–88.
12. *Хадсон К.* Влиятельные музеи. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 194 с.
13. *Чугунова А.В.* Музейная архитектура в контексте современной культуры // Вопросы музеологии. 2010. №1 (1). С. 34–43.

Irina Kuptsova,
Doctor of Cultural Science, Professor of the Chair of Cultural Science,
Institute of Social and Humanitarian Education,
Moscow Pedagogical State University (Moscow),
ia.kupcova@mpgu.su

Valeria Vorobiyova,
IV year student of Chair of Cultural Science,
Institute of Social and Humanitarian Education,
Moscow Pedagogical State University (Moscow),
vorobevaleria25@yandex.ru

Museum communication as a source for building a copartnership culture (as seen in the Museum-residence «Artcommunal flat. Erofeev and others», the town of Kolomna)

The article analyzes the conceptual dynamics of the Museum's activities, the transformation of the leading features of the Museum – from education to communication. The Museum is considered as a communication center capable of forming a copartnership culture among the representatives of local visitors. Modern museum practices of the Museum-residence «Artcommunal flat. Erofeev and others» of the town of Kolomna are considered. Museum acts as a driver of the local socio-cultural space and cultural landscape of the city.

Keywords: Museum-residence «Artcommunal flat. Erofeev and others», copartnership culture, Museum communication, art residence, cultural heritage of Russia, Kolomna

Ольга Родионова

Трансформация образа Другого в русской монументальной живописи XV–XIX веков

Дихотомия Своего и Чужого пронизывает культуру всех времен и народов. Порой она раскрывается через экзистенциальные кризисы, наиболее радикальным из которых представляется переживание страха смерти, когда Свой и Чужой оборачиваются Бытием или Небытием, адом или раем. Визуализация подобных архетипических сюжетов являет собой самостоятельную ценность, поскольку семантически раскрывает основы собственной культуры и ее взгляд на культуру иную. В статье дихотомия Своего и Чужого раскрывается через кросскультурную коммуникацию на базе преемственности эсхатологических сюжетов в русской монументальной живописи. Автором предпринимается попытка соединить теологический, искусствоведческий и культурологический контекст изучаемой проблематики.

Ключевые слова: Апокалипсис, монументальная живопись, раскол, русская культура, Свой, Чужой, визуальная культура

Дихотомия Своего и Чужого пронизывает культуру всех времен и народов. Порой она раскрывается через экзистенциальные кризисы, наиболее радикальным из которых представляется переживание страха смерти, когда Свой и Чужой оборачиваются Бытием или Небытием, адом или раем. Визуализация подобных архетипических сюжетов являет собой самостоятельную ценность, поскольку семантически раскрывает основы собственной культуры и ее взгляд на культуру иную.

Апокалиптические сюжеты русской монументальной живописи при всей своей очевидной значимости представляются малоизученной темой. Из базовых трудов по-прежнему не утратили актуальности работы Ф.И. Буслаева и Н.В. Покровского 1880-х годов [4; 11]. Ключевые положения этих трудов никогда позднее не подвергались пересмотру и сомнению, более того, позднейшие авторы – Л.А. Секретарь и Т.Ю. Царевская [14], Л.Б. Сукина [15], Н.Я. Качалова, Н.А. Маясова и Л.А. Щенникова [7], В.Г. Брюсова [3] – не рассматривали это явление в его полноте, останавливаясь на отдельных примерах и именах. Прямым продолжением работ Ф.И. Буслаева можно назвать труды И.М. Тарабрина [17], Е.П. Сачавец-Федоровича [13], А. Чилингарова [20].

Из новейших публикаций следует отметить Альманах «In Umbra: демонология как семиотическая система» [23], а также научно-популярную антологию Д. Антонова, М. Майзульса «Анатомия Ада. Путеводитель по древнерусской визуальной демонологии» [1]. Обратим внимание, что иллюстративный материал, представленный в книге, за редким исключением относится к XVI и последующим векам, поэтому именовать путеводитель древнерусским можно с большой натяжкой. Упомянем также просветительский проект Рунета «Страдающее Средневековье» [5] и посвященную 130-летию публикации «Свода изображений из лицевых Апокалипсисов» Ф.И. Буслаева работу Г.П. Чиняковой [22]. Одновременно достоинством и недостатком этой книги служит ее преимущественно иллюстративный характер, а также типичный для работ подобного типа отрыв от семантического плана Святого Писания, тогда как статья епископа Николая (Погребняка), входящая в этот же сборник, напротив, скудно иллюстрирована.

Цель данного исследования – через призму стенописи попытаться соединить богословский, искусствоведческий, культурологический контекст в единое целое.

Родионова Ольга Витальевна,
кандидат культурологии,
доцент (Москва),
olgavrodionova@yandex.ru

Библейский новозаветный текст зачастую представляется нам монументальным монолитом. Однако это не так. В русской традиции единым корпусом Библия предстала только при митрополите Геннадии в 1499 году, став ответом на эсхатологические настроения 1491–1492 годов (оба года в силу особенностей летосчисления были 7000 от Сотворения мира). Остается спорным происхождение славянского перевода каждой из библейских книг, которые ходили на Руси в виде устойчивых сборников: Пятикнижие, Псалтирь, Евангелия, Апостол. Важно отметить влияние латинской Вульгаты на позднейшие переводы, вообще же степень духовной изолированности допетровской Московии следует признать сильно преувеличенной.

Геннадиевская Библия 1499 года – первый славянский (а не только русский) кириллический свод – стоит по праву в одном ряду с немецким переводом Мартина Лютера 1534 года (отдельно Новый Завет переведен им же в 1522 году), французским – Жака Лефевра 1523 года, Библией короля Якова (английский текст) 1611 года и т. д.

Геннадиевская Библия была орнаментирована лишь в буквицах и заглавиях, европейские аналоги были иллюстрированы в полном смысле этого слова, кроме того, что немаловажно, они были печатными. Наиболее ранний свод, так называемая Библия Мазарини, была отпечатана И. Гуттенбергом в 1453–1455 годах Ближайшая печатная родственница Геннадиевской Библии – Библия Франциска Скорины (1517–1519, 1522 годы), хотя и была важной вехой в становлении литературного белорусского языка, не имела полного объема по библейским книгам (отметим, что Библия протестантов, католиков и православных идентичны по количеству книг Нового Завета, но разнятся в Ветхом).

Оставим за скобками вопрос, было ли создание всех этих переводов частью общего процесса гуманизации

церкви, ее стремления стать понятнее, доступнее для прихожан. Важно закрепить дату – конец XV века и соединить ее с мнением Ф.И. Буслаева, что до начала XVI века русских Апокалипсисов не существовало. «Лицевые Апокалипсисы русские, сохранившиеся доселе, не восходят по своему началу ранее XVI столетия. Таким образом, первоначальная история лицевого апокалипсиса не имеет ни одного цельного представителя до XVI в.» [11].

Основным источником вдохновения эсхатологических визуализаций стали многочисленные толкования на Откровение св. Иоанна, в православной традиции был особенно значим Мефодий Патарский. Интересно, что текст его толкования относят к IV, иногда – к VII веку, в то время как его предполагаемый автор – епископ города Патар жил в III–IV веках, таким образом, наибольшее влияние на живописную традицию оказал источник неизвестного происхождения. Практически то же самое можно сказать и об Апокалипсисе в целом. «Много апокалиптических писаний было в период Нового Завета (Апокалипсис Петра и др.), но только один был признан церковью – это Откровение Иоанна Богослова <...> вопрос об авторе текста остается открытым <...> написан не раньше гонений при Нероне в 64 году и не позже правления Домициана, *то есть 95 года. <...>* [Откр. *1:8] «Альфа и Омега» – начальная и конечная буквы греческого алфавита. Значит, автор обращается к людям, которые говорят по-гречески. <...> Каждый, кто возьмет хорошую полную Библию и найдет там параллельные места, увидит, насколько тщательно стремился евангелист описать свое видение библейским языком. <...> В начале II в., когда он [Апокалипсис] начал распространяться, большинство сирийских и греческих церквей целиком восприняли эллинистическую культуру. Апокалипсис же нес в себе слишком большой груз ветхозавет-*

ных восточных символов. Многие уже не понимали их, поэтому он был единственной из книг Нового Завета, которая еще в древней церкви подвергалась критическому анализу. <…> книга, несомненно, написана человеком, который знал греческий язык, но думал на еврейском или арамейском языке» [8]. Таким образом, сам исходный текст откровения является плодом и полем межкультурного взаимодействия.

Апокалипсис довольно пространно описывает место вечного обетования праведников – Новый Иерусалим. Важно, что обращение к богословским текстам было и остается необязательным в описании монументальных и лицевых Апокалипсисов, в то время как некоторые сюжеты и образы прочно вошли в элитарную, а теперь и массовую культуру не только как устойчивые речевые обороты, но и архетипические образы. Для примера упомянем описания взятия крестоносцами Иерусалима (1099 г.) и турками Константинополя (1453 г.). В обоих случаях хронисты указывают, что кровь погибших доходила до колен всадника или до узды коня. Не отрицая меру кровопролитности тех войн, стоит указать, что подобные описания – прямая цитата из Откровения: «И потекла кровь из точила даже до узд конских на 1600 стадий» [14:20]. Образы кровавого вина встречаются у Иеремии [25:15] и Исайи [63:1–6], но мера крови определена лишь в Откровении.

Обращаясь к популярной культуре, нельзя не вспомнить песню 1972 г. «Город Золотой» А.Г. Волохонского (1936–2017), образы которой и сам «город золотой с прозрачными воротами», цветами, садом и животными [4:6–7] – парафраз Откровения [21:10, 21; 22:2]. Образ же «исполненный очей» восходит к Ветхому Завету [Иез. 10:12], на что указывал и сам автор стихотворения. Однако в древнем пророчестве они сопровождают колесницу, указывая на всевидение Творца,

в Откровении животные (позже их образы сольются с символами евангелистов) находятся у подножия Престола (на этом месте мы обнаружим их и в мусульманской иллюстрации) и составляют часть единого и вечного богослужения.

Мастер, который не заслужил света, но заслужил покой – милостивый блудник, прикованный к столбу между адом и раем, да и Бегемот представлялся эсхатологическим чудовищем [Откр. 13:11], таким образом, образ кота Бегемота, а с ним и весь текст М.А. Булгакова приобретет совсем иной смысл.

Стенопись коррелирует с массовым, по крайней мере, по охвату, искусством, тогда как за книжной иллюстрацией сохраняется ореол элитарности. Отсутствие Апокалипсиса в богослужебном каноне восточной церкви, его позднее признание каноническим текстом, безусловно, усложнило судьбу этого сюжета в русской монументальной традиции. Самым ранним примером стенописи на эту тему, по-видимому, следует считать фреску западной стены Николо-Дворищевского собора (1120 г.) в Великом Новгороде. Мужские фигуры в огненной реке изображены с длинными усами, но без бород. Огненная река (геенна) будет встречаться до начала XVI века, трансформируясь затем в Змея. Сюжеты в ранних росписях повторяются: Лоно Авраама, земля и море отдают мертвецов, ангелы с трубами, ангел (ангелы) сворачивает небо в свиток.

Интересен исторический контекст появления фресок с небом-свитком. В Сербии он встречается в монастырях Успения Пресвятой Богородицы в Грачанице и Высоких Дечанах. Оба монастыря построены и расписаны около 1350 года по указу короля Стефана Душана (1331–1355 годы). Косовский край в это время находился под постоянной угрозой турок-османов, что завершилось поражением сербов на Косовом поле

в 1389 году. Именно в Грачанице появляется персонификация грешников как чужеземцев: грешники в огненной реке изображены в чалмах. В более ранних изображениях ада, как в западной, так и восточно-христианской традиции упор делался на богатство, знатность: грешники изображались с кошельками, знаками королевского или иерейского достоинства. В итальянском ренессансе, начиная с к. IV века (Лука Синьорелли в Соборе Орвието) грешники изображаются обнаженными, нивелируя тем самым любые дополнительные отличия, кроме добра и зла. Наиболее полно эту идею раскрывает фреска Страшного суда Микеланджело в Сикстинской капелле Ватикана (1534–1541). Русская традиция обращается к персонификации грешников гораздо позже, соединяя этническую, конфессиональную (осмысляемую в категориях этничности) и монструозную природу отверженных.

На Руси небо-свиток в XIV веке встречается в Пскове в Снетогорском монастыре Рождества Пресвятой Богородицы, где возвели одноименный собор после мученической гибели в огне основателя и настоятеля монастыря преподобного Иосафа с братией и людьми от рук ливонских рыцарей. Монастырь был отбит и возрожден псковским князем Довмонтом в 1311 году, расписан в 1313 году Князь принял христианство с именем Тимофей.

Начиная с XV века чаще появляется образ весов и душ праведных в Руце Божьей (Андрей Рублев, Успенский собор во Владимире; самый ранний известный нам вариант сюжета находится в псковском Снетогорском монастыре), тогда сюжет Страшного суда покидает, пожалуй, впервые западную стену. В 1891 году сюжетная композиция А. Рублева была воспроизведена в церкви Рождества Богородицы в Боголюбово палехским мастером Л.И. Париловым. А вот небо, сворачивающееся в свиток, исчезнет из стенописи и появится

в VI веке в лицевом Апокалипсисе с толкованием Чудова монастыря. В стенописи же возобладает сюжет Шестой печати по образцу европейских гравюр. В связи с этим обратим внимание на ряд обстоятельств:

1) В наборе сюжетов раннего периода XII–XV веков значительная часть (взвешивание души; сатана с Иудой, огненная река с грешниками и т. п.) происходит из многочисленных толкований.

2) Сюжеты земли и моря, отдающих мертвецов, неба-свитка – напрямую из Откровения. Образ свитка в описании падения Шестой печати также восходит к Откровению [6:14–17]. В синоптических Евангелиях сюжет померкнувших светил и чаши гнева появляется, становясь основным в стенописях более позднего периода в России и Европе, в то время как ветхозаветный образ сворачивающегося свитка [Ис. 34:4] исчезает.

3) Хотя сюжет Страшного суда в ранний период не покидает западную стену, сцены не посмертного воздаяния, а предчувствия конца, к которому относилась и шестая печать, появляются не так часто и, по-видимому, связаны с эсхатологическими ожиданиями художника и/или заказчика.

Вероятно, появление в самом начале XV веке единого корпуса текста Библии способствовало развитию прежде всего именно книжной учености, появлению большого количества книг-толкований, в том числе впервые с иллюстрациями. Возникновение иллюстрированных апокалипсисов традиционно, начиная с Ф.И. Буслаева, связывают с пропедевтической функцией Библии для неграмотных. С этим положением трудно согласиться, поскольку книги в русском XV в. были все еще очень дороги, редки и вряд ли могли находиться в домах неграмотных людей. Видимо, логичнее будет связать появление иллюстраций со стремлением сделать Писание понятнее для читающей, но специализирован-

ной (монашество и духовенство) публики. Интересно, что первые станковые произведения на тему Страшного суда появляются именно в этот период. Начиная с царствования Ивана Грозного, можно фиксировать три направления развития живописи на эсхатологические сюжеты: книжная миниатюра, иконы, фрески. Фреска Страшного суда традиционно расположена на западной стене, в то время как более развернутые сцены Апокалипсиса переходят на часть северной и южной стены, а также на паперть и притвор.

Наиболее значимым памятником монументальной живописи XVI века следует считать роспись собора Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре, выполненной великим Дионисием с сыновьями в 1502 году. На примере этой прекрасно сохранившейся фрески можно говорить о трансформации богословской традиции русского православия. Роспись становится частью экзегетики. Можно согласиться с мнением В.Г. Брюсовой, что Страшный суд наследуется из более ранней традиции стенописи и иллюстрирует в данном случае одного из членов Символа веры.

Ад изображается в виде разверстой пасти собаки. Б.А. Успенский в статье «Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии» указал пса не только как субъекта матерной брани, но и причину ее появления – жидовское слово; «татарское слово» [18, с. 77]. Отношение к собаке как нечистому животному встречается у большинства индоевропейских народов (за исключением персов) [18, с. 132]. Показательно, что в старообрядческом лубке конца XIX века адовое чудовище визуализируется собакой, а описывается как змей [6, с. 67, 74, 205, 210; 1, с. 148, 166, 176]. В Апокалипсисе королевы Марии (Англия, первая четверть XIV века) на изображении «Четвертый всадник Апокалипсиса вы-

езжает из пасти ада». Ад визуализируется псом, Всадник – Салах ад-Дином [1, с. 154].

У русских бытовало поверье, что «у татарина, что у собаки души нет» [19]. Татарами именовали мусульман вообще, именно так употребляется этот этноним в произведениях М.Ю. Лермонтова («Бэла») и Л.Н. Толстого («Набег»), «песьей верой» называли словенцы веру турок [12]. В апокрифическом «Сказании, како сотвори Бог Адама» сотворение собаки предстает как очищение человека (после осквернения еще не оживленной глины Сатаной): человек и пес таким образом оказываются противопоставленными в самом акте творения как чистое и нечистое создание [18, с. 149].

Наиболее ярким этапом в эсхатологической стенописи следует признать XVII век, особенно вторую его половину после проведения реформы Патриарха Никона и порожденного ею раскола. Собственно со старообрядческой традицией связано четвертое направление эсхатологического рисунка, который вобрал и сохранил в себе всю дореформенную традицию с ее многочисленными кросскультурными заимствованиями. Печатный лубок дает весьма широкий спектр визуализации подобных взаимодействий.

Вместе с тем XVII век перестает быть анонимным в плане церковной живописи. В исследовании Т.Л. Никитиной [9] был выделен и проанализирован основной репертуар сюжетов стенописи означенного периода. Но, хотя Апокалипсис и был выведен в особую группу, этой теме уделено сравнительно мало внимания, и она отсутствует в итоговых таблицах, по-видимому, имея для автора значение исключительно в логике трактовки архитектурного пространства и наличия или отсутствия в той или иной церкви. В силу этого в качестве

эмпирической базы будут использованы материалы собственных полевых исследований лета 2018 года, в ходе которого был изучен весь массив сохранившихся росписей Гурия Никитина, а также художников его круга в ряде церквей в Москве, Переславле Залесском, Ростове Великом, Ярославле, Новгороде Великом, Вологде, Кириллове, Костроме, Нерехте и пр.

В анализе русских монументальных апокалипсисов есть несколько отправных противоречий:

1. По замечанию Ф.И. Буслаева, репертуар русских иллюстраций был значительно шире, чем в заграничных источниках. С введением книгопечатания в Европе количество иллюстраций было сведено «к 22 главам Апокалипсиса, по счету Вульгаты, число изображений значительно сократилось в Апокалипсисе по изданию в Нюрнбергской Библии 1483 года и в Венецианской 1792 всего только восемь гравюр; в Лютеровом *1534 года – 26 гравюр; Апокалипсис Альбрехта Дюрера 1498 года вместе с заглавием состоит всего из 16 листов <…> они далеко не могли найти достаточного числа сюжетов для нашего Толкового Апокалипсиса, который для каждой из 72 глав требовал по миниатюре <…> то есть до трех четвертей миниатюр, производится по своим домашним источникам»* [4, с. 19–20, 55]. Таким образом, было бы логично ожидать подобного соотношения и в стенописи, но нет.

2. Абсолютно общим местом является указание источника репертуара стенописи: «Библии (sic) Борхта-Пискатора (sic)» [9, с. 94]; «Библии Пискатора и Борхта» [14, с. 15]; «Библия Пискатора, издания 1650 г.» [3, с. 41]. Даже при таком беглом цитировании возникает вопрос о количестве библий. Библиография к альбому Г.П. Чиняковой [22] также не дает однозначного ответа. Вместе с тем он есть. О.Н. Белоброва указывает на широкое распространение альбомов-увражей, среди которых наибольшее распространенным следует считать Библию Петера ван дер Борхта и так называемую Библию Пискатора, в которой сам Николас Пискатор выступал одним из тридцати авторов и составителем. Позже сам Николас Пискатор и его издательский дом, унаследованный его семьей, многократно переиздавал как сам сборник, так и другие Библии в лицах, в частности Борхта. «Поступали в Россию и цельногравированные немецкие и нидерландские альбомы-увражи, не имевшие канонического текста Библии, то есть состоящие из одних гравюр (причем каждая гравюра была дополнена подписями, чаще на латинском языке, и ссылками на книгу, главу и стих Библии <…> Наибольшим распространением в Московском государстве пользовалась Библия большого альбомного типа, представляющая собой подборку из 450–470 гравюр работы нидерландских мастеров XVI – начала XVII века (их не менее 16). Этот увраж составил в 1630-е годы нидерландский типограф и гравер Николас Пискатор (Клаус Виссхер)» [2, с. 22–23].

Принципиальное отличие альбомов-увражей от традиционных лицевых или толковых книг Библии дает нам возможность говорить о формировании самостоятельной богословской концепции художника / заказчика, которая выражалась новым художественным языком. Покрывал ли репертуар увражей потребности изографа полностью? Нет, в силу того, что традиционные для восточного христианства сюжеты и акценты (посмертное воздаяние, квалификация мук; иконография Вселенских соборов) не была востребована западной традицией.

Особого внимания заслуживают латинские подписи, которые скорее являются указанием на цитату, чем толкованием. В случае цитирования вспомним, что русский вариант Библии, восходящий к греческой Септуагинте может не совпадать с латинской Вульгатой.

Разрыв отношений с Константинополем привел к расширению контактов с Литвой и Польшей, особенно через присоединенную в 1654 году Украину, где и троеперстие, и большинство вводимых Никоном изменений было не в новинку. Автор полностью солидарна с мнением О.А. Белобровой о недостаточной изученности подписей и самой переработки идей сюжетов как опыта позднейшей русской средневековой экзегетики. Латинские подписи дополнялись комментариями владельцев, подстрочными, а порой и стихотворными переводами, разумеется, не каноническими, что превращало «альбомы гравюр (рассчитанные на рассматривание) в книги для чтения» [2, с. 27].

Иллюстрированные лицевые библии и библии-уважи хранились во многих библиотеках по всей Руси; встречаем их упоминание в Московской патриаршей библиотеке, в Спасо-Евфмиевом монастыре в Суздале. Именно там их мог видеть Гурий Никитин. Автор одной из немногих, если не единственной монографии об изографе В.Г. Брюсова указывает на духовную близость Гурия Никитина к раскольникам. «Антиниконовское движение распространяется в ряде московских монастырей, порочащие Никона истории рассказывались в Чудовом монастыре. Но именно келарь Чудова монастыря Савва, переведенный сюда из Данилова монастыря Переславля-Залесского, и был непосредственным заказчиком и организатором росписи Троицкого собора» [3, с. 66]. В Данилов же монастырь после покаяния на Соборе 1666 года был назначен архимандритом Григорий (в миру – Иван) Неронов, «где встречен был с ликованием» [3, с. 67].

Именно в Даниловом монастыре мы встречаем самый полный и самый ранний Апокалипсис Гурия Никитина работы 1662 и 1668 годов. В Троицком соборе Данилова монастыря на северной стене находим сюжет

о народах Гог и Магок, полностью копирующий иллюстрацию из Лицевого Апокалипсиса Чудова монастыря 1570–1580 годов. Народы изображены псиглавцами. Вообще монструозность отринутых – особая тема, но в монументальной живописи этого периода – псиглавцы явный и осознанно вводимый анахронизм. Происхождение сюжета о Гоге и Магоке отсылает нас к пророчеству Иезикииля [Иез. 38–39], где упоминается Гог из земли Магок, позднее в христианской и мусульманской традиции это уже два народа, наделенные монструозными чертами. В поисках земли Гога и Магока древние хронисты указывают на самые отдаленные из известных территорий: сирийско-византийские легенды помещают их на Кавказе за «Каспийскими воротами», стена в районе Дербента, построенная по преданию самим Александром (Искандером) Великим; средневековые хронисты называют кинокефалов сыновьями амазонок и помещают их где-то в Скифии; речь варваров уподобляется собачьему лаю. Образ «пса-бесермена», врага православия, сложился в русских источниках после Батыева нашествия и особенно актуализировался в текстах куликовского цикла. В «Искандер-наме» (1201) Гог и Магок снова оказываются за Каспийской стеной [10].

В церкви Спаса на Сенях Ростова Великого и Николы Мокрого в Ярославле встречаем женский «немецкий» образ; в Знаменском соборе Новгорода Великого (роспись выполняла та же артель) бес тянет за пояс мужчину в европейском платье, значительно выше других, в нем принято угадывать Петра I. Роспись 1702 г. выполнил ученик и друг Никитина Василий Осипов-Кондаков.

За исключением Архангельского собора в Москве больше нигде шествие грешников не маркируется Гурием Никитиным этнически. Можно ли сделать вывод, что художника эта тема не интересовала? Мастер скон-

чался в 1691 году, следовательно, петровских преобразований быта не застал, думается, ключевым вопросом его жизни оставался раскол: церковь старая и новая.

После работы у Ионы Сысоевича художник вновь попал в один из центров раскола Романов (позднее Романов-Борисоглебск, ныне Тутаев). Там он расписал Крестовоздвиженский собор и, словно за ссыльным попом Лазарем, едет в Тобольск, где, по некоторым сведениям, участвует в росписи Софийского собора. Участие и сама поездка – факт спорный, но упоминаемый. В.Г. Брюсова [3, с. 107] и Т.А. Никитина [9, с. 197], говоря об общих моментах фресок в Тутаеве и Москве, отмечают необычное прямое соседство апокалиптического цикла с рядом Вселенских соборов. Однако напомним, что рассматриваемая ими же концепция визуализации одного из членов Символов веры через Страшный суд вводит этот сюжет в создание канона, то есть проблематику постановлений самих Соборов, кроме того, подобным же образом расположены фрески в Рождественском соборе Ферапонтова монастыря.

Нами выделен ряд сюжетов, позволяющих говорить о специфике взаимодействия личной богословской системы с новым (инокультурным) художественным языком. Представлялось важным рассмотреть проблему Добра и Зла через женские образы, которые традиционно отождествлялись как грехом вообще, так и с новым искупленным человечеством и церковью в целом. В Троицком соборе (1662) Данилова монастыря в Переславле-Залесском, Воскресенской церкви (1675) в Ростове Великом, Крестовоздвиженском соборе (1676) в Тутатеве; церкви Ильи Пророка в Ярославле (1682) встречаем сюжет «Видение жены, облеченной в солнце» [Откр. 12:1–3; 13–16] и «Видение блудницы на многоглавом звере» [Откр. 17:3-10], последний сюжет отсутствует / не сохранился в Тутаеве.

В первом случае интересно отметить путь от образа Богоматери Знамения (Переславль) к практически точному воспроизведению образа Богородицы «Благодатное небо», привезенного, по преданию, Софией Витовной Литовской, супругой великого князя Василия Дмитриевича (сына Дмитрия Донского) в 1472 году. По другой версии, икона была привезена Софьей Палеолог опять же из Литвы. Наконец, в начале XVIII века ее именовали «Виленской». В самом деле, образ Девы Марии в мандорле довольно часто встречается в польско-литовских землях, стоящей на месяце изображается и Богоматерь Остробрамская – главная святыня Литвы. Сама композиция, скорее всего, перенята у Борхта, наиболее близок к нему ростовский вариант. В Тутаеве фигуры расположены зеркально всем другим. Является ли это следованием композиционному решению Дюрера, о чем говорят сходным образом переданные крылья Девы и хвост зверя, или же о споре движения посолонь или против солнца во время богослужения, остается загадкой. Отметим лишь, что именно в раскольническом Тутаеве Дева движется так, как это принято в старину, при этом визуально сам образ ближе всего к «Благодатному небу».

А. Мень так толкует этот сюжет: «Ветхозаветная церковь предстает перед нами как жена, облеченная в солнце имеющая диадему из двенадцати звезд, то есть двенадцати колен Израилевых. <...> В муках совершаются роды – рождение Мессии или новозаветной общины, и в муках этих сама жена, то есть ветхозаветная община, становится новозаветной. <...> Против Церкви восстает огненно-красный дракон, имеющий семь голов и десять рогов <...> семь рогов напоминают нам о семи холмах, на которых стоит Рим <...> десять рогов – символ силы, в апокалиптических книгах обозначали царей, а как раз ко времени написания Откровения

Иоанна сменились, начиная с Юлия Цезаря, десять цезарей» [8].

Противопоставляется «Жене, облеченной в солнце» вавилонская блудница. «Вавилон связан со смешением языков и одновременно это символ насильственной власти, объединяющей многонациональное государство, каким был во времена апостола Рим <...> речь идет о распространении богохульства на всю империю, на все народы <...> жена одета в порфир и багряницу, в руке у нее золотая чаша. Таким образом, она является лжецерковью – она противостоит «жене, облеченной в солнце», она лишь подобна священно действующей церкви, и золотая чаша в руках подобна евхаристическому потиру» [8].

Очевидно, что для Гурия Никитина была важна мысль о распространении эсхатологического знания. Вполне справедливо мнение Л.Б. Сукиной о том, что «в отличие от западноевропейской русская позднесредневековая духовная традиция придавала Апокалипсису более суровый и фатально трагический смысл, исключавший проникновение в его иллюстрации элементов низовой смеховой культуры» [16, с. 76–77], при этом изографы были как раз представителями городской, посадкой культуры. «Творчество гурия Никитина всеми корнями связано с посадской средой, русским городом XVII века» [3, с. 231]. Можно предположить, что и элитарная, и народная культура в равной степени были захвачены эсхатологическими настроениями.

За собой художник оставлял также и просветительскую функцию, подписывая изображения. Подпись икон и фресок – древняя привычная практика, но именно в это время в качестве подписи (ясно читается в Ярославле, Тутаеве, примерно одновременном Рождественском соборе Новоспасского монастыря в Москве, более поздней росписи Рождественской

церкви в с. Великое Ярославской области) используется точное указание цитаты: глава и стих в церковнославянском исполнении. Напомним при этом, что Откровение в храме не читали, а Библию дома редко хранили, поскольку читать ее простецам церковь Востока и Запад равно не дозволяла. Представляется, что именно с идеей распространения знания о последних временах связан образ Ангела в облаке, вручающего апостолу книгу [Откр. 10:1–2, 9]. «Ангел – гигантский, он одной ногой стоит на море, другой – на земле, и голос его подобен реву льва, а лев символ Мессии <...> Ангел Христов – это благовестие Нового Завета, малое по размеру, но великое по значению. <...> Божественная тайна перестает быть запредельной, полностью скрытой, трансцендентной, отделенной от человека непроходимой стеной. А человек приобщается к ней через действие Духа Божьего <...> то есть пройдет полное преображение, обожествление твари» [8].

В сцене поклонения праведников [Откр. 14:2] в противоречие с логикой и традицией, но в полном согласии с Борхтом гусляры становятся арфистами (в Тутаеве и Ростове), гусли же в этом сюжете не встретились ни разу.

Принято считать, что в последней работе росписи Преображенского собора Спасо-Евфмиевского монастыря, отказав могущественному настоятелю Новоспасского монастыря в Москве, Гурий Никитин не обращался к теме Апокалипсиса. Известно, что в процессе строительства Преображенский собор имел три крыльца, объединенных позднее галереей, так, на западном крыльце удалось выделить два характерных для развернутых апокалипсисов сюжета «Сковывание Сатаны архангелом Михаилом» и «Разрушение Вавилона». Таким образом, можно сделать вывод, что сюжет Апокалипсиса был сквозным в творчестве мастера.

Русская стенопись дает нам огромный спектр информации о жизни духа: помещение на стенах (пусть и в приделе) фигур донаторов, находящихся на тот момент в добром здравии, существенно меняет представление о мире до реформ патриарха Никона и царя Петра, в котором очень узкий круг богачей, светской и церковной знати мог именоваться по Соборному уложению 1649 года холопами, сиротами и богомольцами. Мире, где книги были дороги и редки, а в некоторых монастырях службу учили на слух, но уже были художники, которые могли создать едва ли не собственную богословскую систему и настойчиво рекомендовали прихожанам читать, оставляя точные ссылки на подписях к фрескам. Очевидно, и то, что Чужой постепенно трансформировался из монстра / псиглавца в инородца (немца) и иноверца (турка), что находит свое довольно точное воплощение в иконе Страшного суда в Христорождественском соборе Каргополя (икона 1801 года, выполнил Алексей Минин), где среди грешников встречаются подписанные немцы, арапы, Литва и Русь, что практически возвращает нас к временам, когда визуализация грешника не имела конфессиональной и национальной коннотации.

Литература:

1. *Антонов Д.И., Майзульс М.Р.* Анатомия ада: Путеводитель по древнерусской визуальной демонологии. М.: Форум; Неолит, 2015. 240 с.
2. *Белоброва О.А.* Иллюстрированные Библии XVI–XVII веков в русских средневековых библиотеках // Труды отдела древнерусской литературы / РАН Институт русской литературы (Пушкинский дом); отв. ред. Н.В. Понырко. СПб: Наука, 2014. Т. 62. С. 22–23.
3. *Брюсова В.Г.* Гурий Никитин: Монография. М: Изобразительное искусство, 1982. 272 с.
4. *Буслаев Ф.И.* Русский лицевой апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI века по XIX / Сост. Федор Буслаев. М.: Синодальная тип., 1884. 835 с.

5. *Зотов С.О., Харман Д.Д., Майзульс М.Р.* Страдающее Средневековье / Ред. А. Рахманова. М.: АСТ, 2018. 416 с. (Серия: История и наука Рунета)
6. *Иткина Е.И.* Русский рисованный лубок конца XVIII — начала XX века. М.: Русская книга, 1992. 258 с.
7. *Качалова Н.Я., Маясова Н.А., Щенникова Л.А.* Благовещенский собор Московского Кремля. К 500-летию уникального памятника Русской культуры. М.: Искусство, 1990. 388 с.
8. *Мень А.* Читая Апокалипсис // Беседы об Откровении святого Иоанна Богослова, М.: Фонд имени Александра Меня, 2000. URL: http://lib.ru/HRISTIAN/MEN/apokal.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 02.07.2019)
9. *Никитина Т.Л.* Принципы формирования системы храмовых росписей в русском искусстве 1670–80-х гг.». Дис. … канд. искусствоведения – 17.00.04. М., 2011.
10. *Петрухин В.Я.* Русь и псиглавцы: мифологическое соседство и тождество // In Umbra: Демонология как семиотическая система: Альманах. 2012. Вып. 1. С. 370–374.
11. *Покровский Н.В.* [Рец. на кн.:] Русский лицевой апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI века по XIX. Составил Федор Буслаев. Москва, в синодальной типографии 1884 // Записки Имп. Русского археологического общества. Новая серия. Т. 2. Вып. 1–3. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1886. Вып. 2. С. 143–151.
12. *Родионова О.В.* Свой среди чужих // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. Вып. 23 (762). С. 117–138. URL: http://vestnik-mslu.ru/Vest-2016/23_762.pdf (дата обращения 02.07.2019)
13. *Сачавец-Федорович Е.П.* Ярославские стенописи и Библия Пискатора // Русское искусство XVII века. Сборник статей по истории русского искусства допетровского периода. Л.: Academia, 1929. С. 85–108.
14. *Секретарь Л.А, Царевская Т.Ю.* Знаменский собор. М.: Северный паломник, 2001. 16 с.
15. *Сукина Л.Б.* Фрески Троицкого собора Данилова монастыря в Переславле и миниатюры «народных» книг XVII в. // Научная конференция, посвященная 125-летию со дня рождения Михаила Ивановича Смирнова: Тезисы докладов. Переславль-Залесский, 1993. С. 70—71.
16. *Сукина Л.Б.* Исторический источник и типологический анализ русской культуры позднего Средневековья // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2008. № 4. С. 60–80.
17. *Тарабрин И.М.* Библия Пискатора в истории русской письменности и искусства // Изв. XV Археологического съезда в Новгороде. М., 1911. № 9. С. 99—101.
18. *Успенский Б.А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Избранные труды в 2 т. Т. 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 780 с.
19. *Успенский Б.А., Лотман Ю.М.* Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко)» //

Успенский Б.А. Избранные труды в 2 т. Т. 1. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 124–141.
20. *Чилингаров А.* Влияние Дюрера и современной ему немецкой графики на иконографию поствизантийского искусства // Древнерусское искусство. Зарубежные связи / Ред.-сост. Г.В. Попов. М.: Наука, 1975. С. 325–342.
22. *Чинякова Г.П.* Древняя Русь и Запад. Русский лицевой Апокалипсис XVI–XVII вв. Миниатюра, графика, икона, стенопись / Ред. Ю.Н. Бузыкина. М.: БуксМАрт, 2018. 376 с.
23. In Umbra. Демонология как семиотическая система. Альманах. 2012. № 1. / Отв. Ред. И сост. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2012. 545 с.

Olga Rodionova,
PhD in Cultural Science, Associate Professor (Moscow),
olgavrodionova@yandex.ru

Transformation of «the Other» Image in the Russian Monumental Painting of XV-XIX centuries

The dichotomy of «Mine» and «the Other's» runs through the culture of all times and peoples. Sometimes it is revealed through existential crises, the most radical of which is the experience of the death fear, when «Mine» and «the Other's» turn into Being or Not-being; hell or heaven. The visualization of such archetypal plots is an independent value, since it semantically reveals the foundations of one's own culture and its view of a different culture. In the article, the dichotomy of «Mine» and «the Other's» is revealed through cross-cultural communication on the basis of the continuity of eschatological subjects in Russian monumental painting. The author attempts to combine the theological, art and cultural **context of the studied issues.**

Keywords: Apocalypse, monumental painting, split, Russian culture, «Mine» and «the Other's», visual culture

Мафтуна Атамуратова

Ускользающая красота: икат в современной моде

В фокусе внимания автора – репрезентация этнической идентичности через элементы этнического стиля в одежде и новое рождении традиционной узбекской техники икат, взаимопроникновение современной городской моды и этнических элементов. Данные вопросы обсуждаются в интервью с дизайнером Ириной Токатьян (Москва).

Ключевые слова: *икат, адрас, этнические элементы в современной моде, этника, мода, IKAT&MORE, узбекский костюм, диалог культур, этностереотипы, Ташкент, этническая идентичность, этностиль*

В современной городской среде репрезентация собственной этничности через национальный костюм вне каких-либо фольклорных мероприятий или национальных праздников чаще всего кажется окружающим странной и неуместной. В полной мере это относится к представителям народов Центральной Азии, например, выходцам из Узбекистана. Этностереотипы, осложненные настороженным и пренебрежительным отношением к трудовым мигрантам, заставляют людей мимикрировать, сливаться с «миром серых пиджаков» мегаполиса, реже говорить на родном языке, пренебрегать традиционными обрядовыми практиками, стараться быть и выглядеть как все. Многие мои соотечественники, узбеки, живущие и работающие в Москве, по их словам, нередко чувствуют себя людьми второго сорта, скрывают свое происхождение.

Атамуратова Мафтуна Музафаровна, *культуролог (Москва), pearl-maftuna@yandex.ru*

Но в эру глобализации и урбанизации есть и обратная тенденция. Репрезентация этничности через национальный костюм или его отдельные элементы (орнаментику, традиционный крой, декор) говорит не только об определенной смелости и стремлению к самовыражению, но и об ощущении собственной уникальности, уверенности в себе, естественной гармонии с собой, с тем, кто он есть, отсутствии стремления казаться кем-то другим.

Современные дизайнеры все чаще обращаются к этностилю [1], синтезируя модные тенденции с этническими элементами. Инновация через традицию дает возможность возвращения, трансформации модных и культурных образов прошлого, их реабилитации в новом контексте [2]. В 1960-е годы Ив Сен-Лоран первым включил этнические элементы в свои изысканные коллекции от кутюр. Его показы изобиловали шелковыми традиционными нарядами Китая, колоритными образами Марокко. Благодаря Кензо мир увидел прекрасное сочетание традиционных японских элементов костюма с современным кроем и тканями.

В Узбекистане немало дизайнеров (Zulfiya Sultan, Dilnoz, Nariman), успешно представляющих всему миру узбекскую культуру, через традиционные ткани, интегрированные в модную индустрию XXI века. Концепция московского бренда Ikat & More также вращается вокруг техники шитья из мгновенно узнаваемых орнаментированных узбекских тканей, ткани сюзане и икат – традиционной абровой ткани с рисунком, полученным путем окрашивания или печатания нитей основы в один или несколько цветов перед процессом ткачества. Икат (букв. – плести, переплетать) – это не только ткань, но и особый вид орнамента, где абсолютно каждая деталь – это история.

Дизайнер Ирина Токатьян согласилась ответить на мои вопросы.

М.А.: *Впервые я увидела вас на ярмарке «4 сезона», затем на выставке «Новое ремесло» во Всероссийском музее декоративно-прикладного искусства. И там, и там вы своей работой демонстрировали большую любовь к наследию Узбекистана. Чем запомнилось участие в этих мероприятиях?*

И.Т.: Во-первых, это большая честь – участвовать в таких масштабных событиях, связанных с модой и красотой. Во-вторых, я очень рада, что мое творчество находит отклик среди людей. До сих пор я не видела ни одного равнодушного посетителя или покупателя. Был и негатив, и пренебрежение, и радость, и трепет, но сухого, ровного отношения я не видела. И это вдохновляет.

М.А.: *Если рассмотреть бирки на одежде вашего бренда, то можно увидеть, что они тоже сделаны из кусочков ткани икат, на которых проштамповано название бренда. Как родилась эта идея?*

И.Т.: На самом деле все логично. Я по профессии инженер-энергетик. Много лет я проработала в Ташкенте. После переезда в Москву меня одолела тоска по родине. Когда я создала эту свою маленькую отдушину (линейку одежды и аксессуаров из иката и сюзане. – **М.А.**), я придумала такой вариант визитки, а также этикетки и ценника на ткани лишь потому, что у меня не было денег на полиграфию. Я просто заказала штамп и печатаю самостоятельно то, что мне нужно. В зависимости от лояльности к клиенту, я объявляю цену.

Почему именно лоскуты ткани? Когда я углубилась в изучение создания иката, то поняла одну простую истину: даже крошечный кусочек не должен пропасть. Это мой способ проявить уважение к труду всех мастеров и мастериц, которые по 40–50 часов вручную соз-

дают, то, что мы можем в одну секунду выбросить в мусорку. Даже кисточки-джамалаги, которые до сих пор используют от сглаза в Средней Азии, созданы из обрезков иката.

М.А.: *Ткани в основном везете из родного Ташкента?*

И.Т.: Да, но не только оттуда. Это и Бухара, Самарканд, и конечно, Маргилан. Я создаю единичные, штучные вещи. Мне неинтересно ставить все это на конвейер, в поток. Потому что ткань до такой степени удивительна и индивидуальна, что носить ее может отнюдь не каждый. Это должна быть либо большая смелость, либо сильная любовь, чтобы все это продвигать на себе в современных реалиях. Ткань я всегда выбираю сама, потому что только я знаю, что могу из нее сделать, какой я хочу видеть конечный результат и образ. Пытаюсь находить винтажные ткани, как мне сказали однажды, «собираю ускользающую красоту» [3].

М.А.: *Это действительно так. В моем родном Узбекистане очень ценятся сама техника «облачного» окрашивания, но такого трепетного отношения, как у вас, я пока не встречала. Там скорее относятся к икату и сюзане как к чему-то само собой разумеющемуся, ибо все рождаются, уже окруженные этими легкими и красочными орнаментами со всех сторон. Но все же, почему вас так вдохновляет именно узбекский икат?*

И.Т.: Почему я создатель своего бренда? Все выходит из моего бытия. Я родилась в Ташкенте и прожила там 33 года. В Узбекистан моя семья – мои бабушка с дедушкой и моей маленькой мамой – попала во время эвакуации. Ташкент стал моей родиной, моим домом. Моя ментальность – стопроцентно ташкентская, азиатская. Любовь, дружба, почитание старших – все пришло ко мне именно оттуда.

М.А.: *А как появилась ваша коллекция?*

И.Т.: После переезда в Москву по некоторым обстоятельствам я не могла работать по специальности, был экономический спад. Пошла учиться на курсы компьютерной графики, мерчендайзинга. Представления о дизайне были, работала мерчендайзером в универмаге «Москва». Как-то на Кузнецком мосту зашла на одну из этновыставок и увидела «свое». Там как раз шло оформление корнера Лейлой и Натальей Мусиной – главными по выставке. Я предложила свою помощь, и они согласились. Разговорившись, я призналась, что соскучилась по Ташкенту, что даже купила себе на память антикварный чапан, в котором хожу по улицам. Они так удивились! А мне комфортно. Я знаю, что это выглядит достаточно провокационно, ведь я женщина с абсолютно европейской внешностью, светлая. Но для меня надеть тот же чапан – это жест уважения к ... нельзя сказать чужой! скорее, к параллельной культуре, узбекскому наследию. Я не абы как это надеваю, а со смыслом!

В следующий раз они встретили меня с восторгом, из-за успешности корнера, как я полагаю, и спросили, что я хочу за свою помощь. Недолго думая, я попросила еще парочку чапанов, антикварных и качественных. Они мне с этим помогли, и так появилась моя коллекция чапанов. В следующий раз, когда я приехала в Ташкент, я неосознанно купила целых десять метров необычной ткани, ибо цена позволяла, почему бы и нет. Сидя дома, я начала шить маленькие, буквально сувенирные чапанчики. Так все и началось.

М.А.: *То есть Восток стал попыткой прикоснуться к прошлому?*

И.Т.: Конечно. Я ездила в Ташкент к друзьям, больше узнавала об узбекской традиционной одежде. Параллельно я слушала лекции историка моды Александра

Васильева. Лет десять назад, во время всех этих экономических и политических конфликтов с мусульманским миром, он как-то сказал мне: «До тех пор пока длится эта нестабильная ситуация, в моде всегда будет Восток». Обратите внимание, сейчас в моде объемная распашная одежда – чапаны, шаровары, одежда оверсайз.

Сплавляя Запад и Восток в новых модных коллекциях, современные дизайнеры помогают человеку быть эмоционально защищенным. Они вселяют гордость за свою страну, культуру, продвигая узбекскую культуру по всему миру. И я верю, что, пока существуют именно такие дизайнеры, этностиль Узбекистана не сможет зачахнуть даже в победном шествии масс-маркета.

Литература:

1. *Васильева Ж.В.* Этнические традиции в моде и культура модерна второй половины XX века // Обсерватория культуры. 2007. № 4. С. 60–64.
2. *Демшина А.Ю.* Динамика этнического направления в дизайне в ситуации глобализации культуры (на примере современной моды) // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2009. № 5. С. 71–78.
3. *Шкарпеткина О.* Невыносимая легкость красоты, или Семь цветов счастья абровой ткани // Иные берега. 2017. № 2 (46). С. 100–107.

Maftuna Atamuratova,
Cultural expert (Moscow), pearl-maftuna@yandex.ru

Beauty that lasts so little: Ikat in modern fashion

The author focuses on the representation of ethnic identity through the elements of ethnic style in clothes and a new birth of traditional Uzbek ikat technique, the interpenetration of modern urban fashion and ethnic elements. These issues are discussed in an interview with designer Irina Tokatyan (Moscow).

Keywords: ikat, adras, ethnic elements in modern fashion, ethnic, fashion, IKAT&MORE, Uzbek costume, dialogue of cultures, ethnic stereotype, Tashkent, ethnic identity, ethnic style

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Елена Гущина

Этнография в Казанском университете

Статья представляет собой краткий обзор двухсотлетней истории развития этнографической науки в стенах Казанского университета, которая включала научные экспедиции и формирование этнографических коллекций, создание кабинета редкостей, а затем и университетского этнографического музея, плодотворную работу Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, создание Кафедры географии и этнографии Казанского университета, советский и постсоветский периоды.

Ключевые слова: *университетский музей, этнография, Казанский университет, казанская этнографическая школа, Этнографический музей КФУ, история науки*

Накопление этнографических знаний в Казанском университете в первой половине XIX века

«Мы охотно говорим о народе, о служении ему – но что мы знаем об этом народе, который иные называют даже нашим идолом?» [4, с. 10]

История формирования и развития этнографической школы в Казанском университете насчитывает более чем 200-летнюю историю. За это время были проведены многочисленные научные изыскания и написаны крупные научные труды, которые вошли в золотой фонд российской науки.

Одной из исследовательских задач, поставленных перед открывшимся в 1804 году в г. Казани университетом, было всестороннее изучение восточной части России и соседствующих с ней стран. В первой половине XIX века этнографическая тематика в Казанском университете разрабатывалась на разных кафедрах. Это объяснялось тем, что этнография в то время еще не выделилась в самостоятельную науку со своими целями, задачами

и методами. Быт народа, его нравы и обычаи связывались с различными сторонами человеческой деятельности и поэтому рассматривались учеными в рамках различных научных направлений: истории, статистики, географии, права. Ученые кафедры российской истории, географии и статистики Казанского университета (И.Ф. Яковкин, М.С. Рыбушкин, С.В. Ешевский, В.Я. Баженов, В.А. Сбоев, Н.А. Фирсов, А.П. Щапов) в своих работах по истории и географии уделяли особое внимание этнографическому описанию и вопросам происхождения народов Центральной России и Среднего Поволжья. Необходимо отметить труды по этнографии и истории татар, написанные профессором Казанского университета Карлом Федоровичем Фуксом, врачом по профессии (впоследствии – ректором Казанского университета [2, с. 33]), которого по праву считают первым исследователем культуры и быта татар Казани.

В первой половине XIX века профессора Казанского университета участвовали во многих экспедициях, из которых привозили коллекции по народам мира в музеи университета. Благодаря пожертвованиям частных лиц и экспедиционным материалам в Казанском университете с 1815 года стал функционировать Кабинет редкостей – прародитель современного этнографического

Гущина Елена Геннадьевна,
кандидат исторических наук, этнолог, директор этнографического музея Казанского Федерального университета (Казань), egguschina@mail.ru

музея. Одну из первых коллекций в Кабинет передал Иван Михайлович Симонов в 1821 году. Это предметы традиционного быта населения Океании, собранные во время кругосветной экспедиции в южное полушарие под командованием Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева. Большой вклад в развитие этнографических знаний внесли ученые Восточного разряда университета. Так, профессор Осип Михайлович Ковалевский в своих путешествиях по Западной и Восточной Азии изучал культуру и быт забайкальских бурят, тунгусов и китайцев. Он привез в Казанский университет коллекцию предметов культа и быта, которая значительно пополнила фонды Кабинета редкостей.

Развитие этнографических знаний в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете

> *«Мы признаем самостоятельный голос за каждою народностью и желаем, чтобы эти здоровые и звучные, но различные голоса составляли один стройный хор, который поет на общее благо человечества!*
>
> *Особенно между нами, в нашем ученом Обществе, которое имеет целью изучение различных народностей, не может быть какой-нибудь нетерпимости, враждебности или несправедливости к чужому. При историческом изучении мы одинаково признаем важность исторических явлений, какой бы народности они ни принадлежали, и, изучая племенные различия настоящего времени, мы не скроем дурного, хотя бы это было отличительным признаком нашей народности, и признаем все хорошее в каждой другой народности. Свое и чужое мы должны судить по высшим человеческим принципам» [5, с. 30]*

Важную роль в оформлении казанской этнографической и археологической школы сыграло образование

в 1878 году при Казанском университете Общества археологии, истории и этнографии. Сразу после своего возникновения общество развернуло большую исследовательскую работу. Печатный орган общества – «Известия Общества археологии, истории и этнографии» (ИОАИЭ), стал центром этнографической мысли. Ежегодно общество организовывало этнографические экспедиции, из которых постоянно привозился вещевой материал. ОАИЭ стало координационным центром исследовательской работы, объединило ученых северовостока России, стало площадкой для научных дискуссий. Это общество создавалось именно как «ученое братство», в которое вступают без различия «чинов, званий, народностей и вероисповеданий», в котором все пользуются одинаковыми правами.

В этнографических исследованиях членов ОАИЭ можно выделить три основных направления – Поволжье, Северная и Средняя Азия. Самым большим по количеству работ и собранного вещевого материала было поволжское направление (в основном финно-угроведение и тюркология), исследования которого велись на протяжении всего периода деятельности ОАИЭ.

Значительный вклад в этнографическое изучение народов Поволжья и Приуралья внесли И.Н. Смирнов, В.К. Магницкий, Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров, С.К. Кузнецов, Н.И. Ильминский, М.Е. Евсевьев, Н.Ф. Катанов. Результаты своих полевых исследований они представляли на собраниях ОАИЭ и часто сопровождали свои выступления демонстрацией собранного вещевого материала. Этнографические работы членов общества имели не просто описательный характер, в них ставились вопросы об этногенезе народов, взаимовлиянии соседствующих культур, изменений в социальной структуре традиционных сообществ под влиянием экономических факторов.

Большая заслуга ученых ОАИЭ – накопление фактологического материала, находившегося на стадии исчезновения и в дальнейшем недоступного для исследователей в поле. Этнографическое собрание музея ОАИЭ было существенно меньше, нежели археологическое или нумизматическое. Но это были также очень ценные коллекции, большую часть которых собирали ученые во время своих полевых экспедиций. Существовала определенная логика сбора материала; он был привязан к определенным научным проблемам, которые разрабатывали исследователи.

В целом этнографические коллекции общества были комплексными, научными и являлись ценным этнографическим источником.

Кафедра географии и этнографии Казанского университета

«Не бойся работы, трудись не ленись,
Будь стоек и будь аккуратен,
К познанию глубже и дальше стремись,
Будь совестью чист и опрятен» [3, с. 1]

Огромную роль в становлении и развитии географического и этнографического профессионального образования в России сыграли первые кафедры географии и этнографии, открытые в российских университетах. Первоначально кафедра географии и этнографии в Казанском университете была открыта на историко-филологическом факультете (1884 г.), но в 1888 году была перенесена на естественное отделение физико-математического факультета.

С конца 1880-х годов в России и в мире в целом происходят изменения в социально-экономической жизни, связанные с бурным развитием промышленности, сельского хозяйства, усложнением административной

структуры страны. Поэтому одной из предпосылок становления высшего профессионального географического и этнографического образования в стране стала потребность в профильных ученых специалистах. Первый заведующий кафедрой Петр Иванович Кротов сыграл большую роль в организации профессиональной подготовки специалистов географов и этнографов. П.И. Кротов рассматривал географию в рамках русской географической школы, определяя ее как всеобъемлющую науку о Земле, и подчеркивал необходимость изучения взаимодействия природы и человека. Он провел огромную работу по организации учебного процесса и созданию качественной учебно-вспомогательной базы. Для организации учебного процесса П.И. Кротов создал библиотеку и кабинет географии при кафедре. В кабинете собирались весьма разнообразные учебно-вспомогательные материалы и пособия: географические карты, глобусы, чертежи, атласы, антропологические и этнографические коллекции, приборы для специальных исследований и многое другое.

Значительный вклад в развитие этнографической науки и профессиональной подготовки специалистов-этнографов в Казанском университете внес профессор Бруно Фридрихович Адлер, избранный на должность заведующего кафедрой географии и этнографии в 1911 году.

Несмотря на относительно короткий промежуток времени работы в г. Казани (1911–1922), Б.Ф. Адлер внес неоценимый вклад в развитие географической и этнографической науки в Казанском университете, а также подготовку специалистов этого профиля. Долгое время его имя и имена его учеников, их роль как исследователей-этнографов в Казанском университете оставались забытыми и мало исследованными. В самом

начале 1930-х годов научная, педагогическая и общественная деятельность Б.Ф. Адлера была подвергнута жестокой критике. Наряду с другими крупными учеными-этнографами он был объявлен «буржуазным ученым, приспешником классового врага», а позже репрессирован и расстрелян.

Блестяще образованный ученый и великолепный педагог, ученик Д.Н. Анучина и Ф. Ратцеля, Б.Ф. Адлер заложил основы казанской этнографической школы, особенностью которой была теснейшая взаимосвязь этнографии и географии. При этом он выступал за разделение кафедры на две самостоятельные. Большое внимание Б. Ф. Адлер уделял организации научной работы на кафедре: все сотрудники и студенты вели обязательную научно-исследовательскую работу.

Во многом на организацию такого метода обучения студентов повлиял опыт Б.Ф. Адлера, полученный в Лейпцигском университете, где весь процесс усовершенствования получаемых знаний основывался именно на самостоятельной работе. Студенты могли выбирать любые темы для своих исследований, а профессор консультировал – рекомендовал литературу, корректировал работу. Под руководством Б.Ф. Адлера получили развитие «дальние экскурсии» – полевые экспедиции студентов. Основной задачей этнографии Б.Ф. Адлер определял изучение народов и этнографических групп, их культурно-бытовых особенностей. Причем этнографические работы должны происходить «не вширь, а вглубь». Большое значение в научных исследованиях он придавал музеям, организованным по научным принципам. Именно поэтому Б.Ф. Адлер сделал все от него зависящее для создания в Казанском университете качественных учебно-научных музеев, в том числе этнографического музея.

По инициативе Б.Ф. Адлера ежегодно на средства университета, общества естествоиспытателей и даже за свои личные деньги организовывались «полевые экскурсии» студентов – этнологические, археологические и географические экспедиции по комплексному изучению Сибири и Дальнего Востока. Этот регион занимал ведущее место в научных изысканиях Б.Ф. Адлера и его учеников.

Именно о Бруно Фридриховиче Адлере мы можем говорить как об основателе казанской этнографической школы. По его инициативе и при его непосредственном участии готовились и организовывались экспедиции студентов в Сибирь с целью этнографических изысканий. И.А. Лопатин, С.А. Теплоухов, И.В. Тюшняков, В.М. Новицкий, В.И. Подгорбунский, Е.А. Голомшток, Н.И. Воробьев – ученики Б.Ф. Адлера, получившие прекрасное комплексное образование, имеющие практические навыки и колоссальный опыт полевых исследований, внесли весомый вклад в развитие этнографии в Казанском университете и способствовали накоплению собрания этнографического музея.

Время, когда кафедру географии и этнографии возглавлял Б.Ф. Адлер, представляло наиболее яркую страницу этнографического образования в Казанском университете конца XIX – первой половины XX века.

Характерной методологической особенностью казанской этнографической школы XX века стало комплексное изучение природных и социальных явлений, их взаимодействие и взаимообусловленность, а также всестороннее рассмотрение культурно-бытовых и хозяйственных взаимодействий как важного фактора формирования культуры и быта любого народа.

Советский период развития этнографии в Казанском университете

> *«... необходимо серьезное изучение человека, как производительной силы, его физического развития, его приспособленности к краевым условиям, его бытовой уклад и трудовые навыки, его достоинства и недостатки, чтобы дать полную картину того, каким человеческим материалом ведется хозяйство страны» [1]*

Талантливым учеником Б.Ф. Адлера, продолжившим его дело в Казанском университете, стал Николай Иосифович Воробьев, который посвятил свою научную деятельность комплексному изучению материальной культуры татар. Результатом его многолетних экспедиций во многие районы Среднего Поволжья явилась монография «Материальная культура казанских татар», вышедшая в 1930 году.

К сожалению, успешное развитие этнографии в Казанском университете было приостановлено в 1930-е годы в связи со сложившейся в стране политико-идеологической ситуацией. Кафедра этнографии и географии была реорганизована. Интенсивность исследований резко снизилась. Н.И. Воробьев вынужден был переключиться на изучение природы Среднего Поволжья, и лишь в послевоенное время он смог продолжить этнографические исследования. Вернувшийся с войны и принятый на географический факультет молодой ассистент Е.П. Бусыгин под руководством В.И. Воробьева начал восстанавливать этнографический музей, который в 1920–1930-х годах находился в состоянии стагнации.

В 1946 году во главе с профессором Н.И. Воробьевым была организована первая послевоенная экспедиция в Закамские районы Татарской АССР. В 1947 году была организована экспедиция по изучению русского населе-

ния Поволжья. С этого времени началось планомерное изучение русского населения Поволжья как особой группы «поволжских великороссов». Десятилетия целенаправленной работы Евгения Прокопьевича Бусыгина, Николая Владимировича Зорина и их единомышленников позволили поднять мощный пласт этнографического материала. Первые монографии были посвящены материальной культуре русского населения Среднего Поволжья.

В 1959 году была организована специальная экспедиция под руководством Н.В. Зорина в северо-западные районы Татарской АССР. Результатом этой экспедиции явилось пополнение музейной коллекции материалами по казанским татарам. Крупным пополнением этнографического музея явилась коллекция бытовых вещей, рисунков и фотографий, привезенная Е.П. Бусыгиным из Вьетнама в 1961 году. В 1955 году под руководством Н.В. Зорина была осуществлена этнографическая экспедиция в Туву, откуда также в музей была привезена коллекция бытовых предметов.

1970–1980 годы были посвящены изучению семейной и календарной обрядности русского населения (Е.В. Михайличенко, Н.Н. Кучерявенко, Л.Н. Шабалина, Л.Ф. Банцарева), внутрисемейных отношений (Н.В. Лештаева (Рычкова)), традиционного народного искусства (Л.С. Токсубаева), музыкальных инструментов (В.И. Яковлев). В 1980 годы большое внимание стало уделяться вопросам взаимодействия поволжских народов в различных сферах жизнедеятельности, особенно в семейно-брачных отношениях (Г.Р. Столярова, Т.А. Титова).

Современные направления деятельности этнолог Казанского университета

С конца 1980-х годов сотрудники кафедры во главе с Е.П. Бусыгиным активно включились в новый для на-

шей науки дискурс, и уже с начала 1990-х годов стали принимать участие в различных научно-исследовательских проектах, направленных на изучение новых этнопсихологических, этносоциологических, этнополитических и этнокультурных процессов. Новая проблематика органично вписалась в традиционно разрабатываемые кафедрой научные темы. Результатом такого взаимодействия стала, в частности, интересная и практически значимая кандидатская диссертация Т.А. Титовой «Этническое самосознание в национально-смешанных семьях» (1996 г.). Изучение толерантности, ставшей после 1995 года (объявленного ООН годом толерантности и согласия) одной из наиболее актуальных тем, получило на кафедре свое развитие, а в 2000 году В.Е. Козловым была защищена кандидатская диссертация «Этническое самосознание и межэтническая толерантность в условиях крупного полиэтничного города (на примере города Казань)».

В настоящее время исследования, проводимые ведущими сотрудниками кафедры, затрагивают актуальные для современного общества проблемы: этнические меньшинства в условиях многонациональных сообществ, адаптация этнических мигрантов, правовые механизмы реализации этнокультурных прав, этническая культура в меняющемся мире; а также исследования, посвященные гендерной и этноконфессиональной проблематике. На сегодняшний день активно развиваются и новые для кафедры направления – история этнологической (этнографической) науки и роль личности в исследовательском и учебном процессах, визуальная антропология и проблема репрезентации этнографического знания. Результатом исследований начала XXI века стали обобщающие труды: «Этнические меньшинства в Татарстане: статус, идентичность, культура» (2007, Т.А. Титова), «Этнические меньшинства в Татарстане:

теории, стратегии и практики межэтнического взаимодействия» (2010, автор проекта и отв. ред. Т.А. Титова), серия «Диаспоры и сообщества мигрантов в Республике Татарстан: этносоциологические очерки» (2013–2016, Т.А. Титова, В.Е. Козлов, Е.В. Фролова), «Этнографический музей Казанского университета: история формирования и основные этапы развития» (2013, Е.Г. Гущина), «Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: опыт Татарстана в общероссийском контексте» (2016, под ред. Л.М. Дробижевой), «Гармонизация межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан. Сборник научных трудов» (2017, Т.А. Титова, В.Е. Козлов, Р.Ф. Патеев). Разрабатываются учебники и учебные пособия: «Этнология» (2017, под ред. Т.А. Титовой), «Многонациональная Россия – многонациональный Татарстан. Учебное пособие для общеобразовательных организаций основного общего образования» (2018, Т.А. Титова, Р.Р. Фахрутдинов, Е.Г. Гущина).

С 2014 года в Казанском университете выстроена вся вертикаль современного этнологического образования направления подготовки «Антропология и этнология»: бакалавриат – магистратура – аспирантура – докторантура. Действует диссертационный совет по специальности 07.00.07 (Этнография, этнология и антропология).

Литература:

1. *Воробьев Н.И.* Об организации музея труда и хозяйства. Б.м., б.г.
2. *Гущина Е.Г.* Этнографическое собрание Императорского Казанского университета: история формирования и развития / Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 2019. Вып. 39 (1–2). 256 с.
3. *Дедков А.П.* Петр Иванович Кротов, 1852–1914. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2002. 16 с.
4. *Смирнов И.Н.* Задачи и значение местной этнографии. Из публичных лекций, читанных 6 и 12 апреля 1891 г. в пользу Общества Археологии, истории и Этнографии. Казань, типография Губернского правления, 1891. 18 с.

5. *Шпилевский С.М.* О задачах деятельности Казанского Общества Археологии, Истории и Этнографии и о возможном содействии Обществу со стороны жителей местного края // Известия ОАИЭ. 1880–1882. Т. III. С. 30–31.

Elena Gushchina,
PhD in History, ethnologist, Director of the Ethnographic Museum of Kazan Federal University (Kazan), egguschina@mail.ru

Ethnography at Kazan University

The article is a brief overview of the two-hundred-year history of ethnographic science in the Kazan University. This science includes scientific expeditions and the formation of ethnographic collections, the creation of rarities room, and then the University ethnographic Museum, the fruitful work of the Society of archeology, history and Ethnography at the Kazan University, the creation of the Department of geography and Ethnography of the Kazan University, the Soviet and post-Soviet periods.

Keywords: University Museum, Ethnography, Kazan University, Kazan school of Ethnography, the Ethnographic Museum of Kazan Federal University, history of science

Надежда Бирюкова

Образовательная политика в отношении коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в XIX–XX веках

Коренные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока начинали включаться в состав Российского государства еще со времен освоения этих территорий. Но экспроприация их этнической идентичности была связана с политикой советской власти, основывавшейся в первую очередь на внедрении всеобщего образования и идеологических установок. В статье рассматриваются этапы советской образовательной политики, первые два десятилетия которой были отмечены новаторскими достижениями лингвистов и этнографов, формированием местной интеллигенции, созданием письменности и учебников на национальных языках. После Великой Отечественной войны обозначились изменения в сторону русификации, а точнее, вненациональной советизации, критически отразившиеся на самобытной культуре и языках коренных народов.

Ключевые слова: *национальные учебники, национальные языки, этнография, лингвистика, советская образовательная политика, советская национальная политика, коренные народы Севера, Сибири, и Дальнего Востока, советская идентичность*

Коренные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока с начала освоения этих земель на рубеже XI–XII веков. стали называть «иноземцами», тем самым подчеркивая их принадлежность к «чужим», этнически не являющимся русскими людям Российской империи.

Иноземец обозначался также как иноверец (можно вспомнить о теории официальной народности и триаде «православие, самодержавие, народность» графа С.С. Уварова, которая была актуальной до конца существования Российской империи), что подчеркивало «чужую веру», несовместимую с православной. Ясачные люди (платившие «ясак» – отдававшие дань пушниной) не становились в один ряд с русскими, хотя постепенно включались в государственную систему [6, с. 54–57]. В XVI веке их определяли уже как «инородцев», подгоняя тем самым под существующие разряды и группы.

Бирюкова Надежда Андреевна,
историк, этнолог, магистр культурологии (Москва),
biryukova.nadezda@yandex.ru

Однако в XIX веке к инородцам на официальном уровне предписывают относиться «кротко», не своевольно, соблюдая законы и, тем самым, не отвращать их от имперской власти. Устав «Об управлении инородцев» М.М. Сперанского 1822 г. предусматривал их разделение на разряды и возможность местного самоуправления. Но директивы не были исполнены в задуманном виде, местное население порой облагалось более высокими налогами установленной на местах властью [8, с. 203–204].

Уровень образования у инородцев был невысок, отсутствовала даже элементарная грамотность [8, с. 210]. Однако подъем интереса со стороны образованных слоев населения (как ученых, так и политических ссыльных, нередко начинавших здесь свои этнографические исследования) к культуре и быту инородцев в конце XIX – начале XX века способствовал в XX веке распространению грамотности в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока [3, с. 38].

Тогда же актуализировался и политический контекст интереса к положению коренных народов, преимущественно, кочевников.

Так, в 1891 году Н.М. Ядринцев в своем докладе в Русском антропологическом обществе о значении кочевого быта в истории человеческой культуры (ученый опирался на урало-алтайскую группу и кочевников Сибири, выступал в их защиту) отметил со стороны власти и тех, кто вел оседлый образ жизни, негативное отношение к кочевникам, как к варварам, своим номадическим образом жизни несущим угрозу более цивилизо-

ванному, то есть оседлому населению. Кочевников обвиняли и в опустошении природы, и в культурной деградации. Автор доклада еще в то время употребил термин «культуртрегер» (букв. с нем. – носитель культуры), подразумевавший миссионеров и учителей, несущих «дикарям» христианство и просвещение. Н.М. Ядринцев полагал суждения об «отсталости» коренного населения ошибочными и выражал сожаление по поводу того, что этим руководствовались многие ученые и общественные деятели, нередко опираясь на западные исследования и примеры.

Н.М. Ядринцев отметил и то, что «приговор» кочевому населению оседлое выносило по мере приближения к районам кочевников, руководствуясь стремлением вытеснить кочевников. Автор доклада обозначил изменения в кочевом образе жизни и отметил, что он стал скорее полуоседлым или полукочевым, что отразилось и на быте в целом, на типе жилищных конструкций, в частности. Так, юрты, чумы стали более основательными, маломобильными [8, с. 243–244].

Таким образом, уже к концу XIX века назрела необходимость обратить внимание на коренные народы, взаимодействующие с русским населением уже не только в экономической сфере. Хотя, безусловно, торговые отношения оставались превалирующими. Например, В.В. Солярский в 1916 году указал на ту проблему, которая должна была волновать государственных деятелей в большей степени, чем сохранение многообразия культур «отсталых» народов: «если исчезнут инородцы, – писал он, – огромные пространства на Севере сделаются недоступной пустыней» и «не высокая, но полезная культура погибнет для будущего населения» [7, с. 173]. То есть были затронуты в первую очередь экономический, хозяйственный вопросы. С приходом большевиков они не исчезли а, напротив, стали более актуальными.

Вопрос об образовании коренных народов на Севере поднимался еще до появления Советов. Об обучении в описаниях и докладах до XX века говорили в контексте религиозно-просветительской темы. Вопрос о встраивании в систему освещался (в том числе М.М. Сперанским), но о «новом человеке», характерном для исторического этапа после 1920-х годов, никто не говорил. Изучение местных языков было необходимо лишь для торговых отношений и ключевой тактики православного прозелитизма. Но на этих территориях складывался своеобразный религиозный синкретизм: христианство наслаивалось на традиционные верования.

Кочевых школ не было, обучение проходило на одном месте и велось на русском языке. Буряты и татары тоже были инородцами, у них определялась бóльшая грамотность в силу немалой численности и участия в государственной жизни.

Уже в конце XIX века отмечалось, что народности, склонные «удерживать свою национальность, свой язык, свои верования», нуждались в переводе учебников на «инородческий язык», и подчеркивалась польза в обучении на родных языках. Такие образовательные меры должны были не оттолкнуть инородцев от изучения русского языка и культуры, а, напротив, сблизить с ней [8, с. 239].

В конце XIX – начале XX века в миссионерской отчетности по работе на Севере нельзя найти указаний на то, какие буквари использовались в школах. Разработка букварей и книг на местных языках оказалась трудным делом.

Впервые на языках народов Севера книги начали издавать в начале XIX века (1812–1826, Российское би-

блейское общество), имевшее отделения в Иркутске и Тобольске. Записывались части Нового Завета. В 1836 году Священный Синод выпустил «Алеутский букварь» (Иннокентий Вениаминов, священник). В дальнейшем букварь переиздавался. В 1840 году на алеутском языке вышло «Евангелие от Матфея» и через шесть лет – «Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка» того же автора. В дальнейшем переводческая комиссия в Казани (комиссия Казанской православной миссии) с Н.В. Ильминским издали ряд работ, в том числе «Русско-чукотский словарь (опыт)» (М. Петелин, 1898 г.) [1, с. 77].

Педагогическая система Н.В. Ильминского, востоковеда и библеиста XIX века, предполагала обучение, ведение церковных служб и чтение притч на родном языке, что должно было способствовать лучшему усвоению основ христианства малыми народами. Разработкой соответствующих миссионерских материалов занялись в Казани, по месту деятельности комиссии Ильминского. В 1890-е годы в сферу интересов комиссии были включены народы не только Поволжья, но и Севера, Дальнего Востока.

Параллельно с комиссией в Казани переводческая комиссия в Архангельске издала в 1895 году «Букварь для самоедов, живущих в Архангельской губернии» (сост. И.М. Сибирцев), а также «Азбуку для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии» (сост. К.П. Щеколдин). Через три года в Тобольске издали «Книгу для обучения хантыйских детей писать и читать» (авт. Е. Егоров), в 1900-м – такую же азбуку для ненецких детей. В те же годы Казанская переводческая комиссия издала «Азбуку на остяко-самоедском языке» (Н.П. Григоровский), «Гольдскую азбуку» (миссионер свящ. Прокопий Протодиаконов). В Москве

в 1903-м вышла «Азбука для вогул приуральских» (епископ Никанор).

Помимо букварей издавались переводы молитвословов, церковных песнопений и т. п. на родных языках. Почти все эти издания имели множество неточностей в переводе и искажений смысла. Также отмечался нелогичный подход в написании материала, который не позволял осуществлять обучение на основе этих книг (непонятные словосочетания, отвлеченные понятия, отсутствие фундаментальной базы и предложение сразу осваивать трудный материал). Главной трудностью был переводные церковные тексты, понятные лишь священнослужителям.

Помощники учителей, сами происходившие из коренных народов, предпочитали использовать русскоязычную литературу, как более точную [3, с. 41–42].

К концу XIX века, по некоторым данным, на Крайнем Севере насчитывалось более 20 школ. Но они были приходскими, обучение велось на русском языке. Учителя же были зачастую склонны к алкоголизму и не имели достаточных знаний и навыков преподавания, поэтому на выходе у учеников нередко отмечались почти нулевые знания [3, с. 34].

Таким образом, переход иноверцев в статус иноземцев и в дальнейшем – инородцев сопровождался со стороны государства изменением их номадического образа жизни, становившегося все более оседлым. На кочевников не только стали смотреть как на весомый экономический источник, но и обращали внимание на их пользу в освоении труднодоступных регионов, включенных в состав империи.

В связи с этими встал вопрос об их образовании, изначально решавшийся через образование религиозное. Оно имело ряд трудностей в языковой передаче и не го-

дилось для трансформации быта местных народов, необходимой для включения их в состав государственных подданных. Поэтому уже в первом десятилетии XX в. начала меняться образовательная политика, первыми новациями которой стало издание новой литературы.

Первые этапы послереволюционной образовательной политики

После революции 1905 года инородцев стали активно обучать русскому языку, он определялся «великим и могучим» [3, с. 43], основным. Но проблема с плохим преподаванием оставалась. Нередко она была связана с тем, что преподаватели не знали национальных языков, хотя и обучали им. Это была «горькая насмешка над населением», как отмечали тогда и ученые, и местные жители [8, с. 240].

После начала издания книг для коренного населения комиссией в Казани этой деятельностью занялись и этнографы, ориентируясь прежде всего на подготовку и издание словарей.

Так А.А. Дунин-Горкавич в 1910 году выпустил «Русско-остяцко-самоедский практический словарь наиболее употребительных слов». Через 16 лет в Иркутске вышел «Тунгусско-русский словарь» Е.И. Титова, тогда же в Петропавловске-Камчатском был издан «Словарь русско-ламутский и русско-корякский» (Кружок изучения Камчатки при партийно-проф. клубе им. т. Нариманова).

Революция 1917 года и приход к власти большевиков с их новыми идеями и провозглашением свободы, в том числе по национальному признаку (на самом деле это утверждалось еще деятелями эпохи Просвещения) обозначила поворот в пользу самоопределения коренных народов.

1920-е годы стали временем развития школ, а также создания средних и высших учебных заведений для пред-

ставителей коренных народов Севера. Поднимался вопрос о том, как создавать основы письменности, а именно алфавиты, что брать в качестве основы: латиницу или кириллицу. Тогда же в работу по подготовке соответствующей литературы на национальных языках включились преподаватели языков и лингвисты. В.Г. Богораз-Тан возглавил развивающуюся во многом с его подачи полевую этнографию. В ходе экспедиций делались фольклорные записи, записи по грамматике, что и служило основой для создания учебников.

В 1927 году в Центральном издательстве народов СССР вышел общий иллюстрированный «Букварь для северных народностей» проф. В.Г. Богораза-Тана и С.Н. Стебницкого [1, с. 78]. В 1928 году вышла «Памятка тунгусам-отпускникам» исследовательницы Г.М. Василевич. Здесь использовался алфавит на латинице. Памятку раздавали эвенкам Северного факультета Института народов Севера в Ленинграде [5, с. 19].

Северный институт Ленинградского государственного университета (1925 г.), через пять лет получивший самостоятельность и новое название – Институт народов Севера ВЦИК – стал своеобразной alma mater для многих учителей родных национальных языков и авторов учебников по ним. В 1929 году здесь выпустили «Гольдско-ульчскую книгу для чтения» (автор Т.И. Петрова). В 1930 году В.И. Цинциус опубликовала «Пятьдесят эвенкийских текстов» и через три года – «Краткий конспект эвенкийской (ламутской) грамматики в 20 схемах и таблицах».

В регионах также выходила учебная литература. В 1928 году Н.А. Липская-Вальронд выпустила в Чите (по офиц. сведениям – в Хабаровске) «Бонго Битьхэ» или «Букварь с начальной книгой для чтения на гольдском языке». Его иллюстратором был Никтополион Наумов, художник-график из группы авангардистов «Зе-

леная кошка». Нанайский алфавит был представлен на кириллице.

Местные учителя также принимали участие в написании пособий и составлении букварей. Можно отметить рукописный букварь 1926 года Г.Н. Прокофьева на селькупском языке. Позднее, в 1940 году, будет издан печатный букварь под авторством Г.Н. Прокофьева и его жены Е.Д. Прокофьевой. В 1930 году аналогичное пособие для эвенков составил учитель Н.П. Ткачик. В следующем году на Корякской культбазе учителя П. Ковалевский и другие создали корякские буквари и два года занимались по ним.

В 1931 году в Москве Центральное издательство народов СССР выпустило «Начальную тунгусскую книгу» Г.М. Василевич и букварь для шурышкарских ханты П.Е. Хатанзеева (этнического ненца).

В 1932 году в Ленинграде на Первой Всероссийской конференции, посвященной развитию языков и письменности народов Севера, было принято решение об издании учебной литературы на более чем десятке национальных языков. За основу для алфавитов взяли латиницу [1, с. 78]. Вслед за этим в «Учпедгизе» в 1932 году были выпущены следующие буквари: «Красная грамота» на чукотском языке В.Г. Богораза при участии И.С. Вдовина (одного из основателей Комитета содействия малым народностям северных окраин при президиуме ВЦИК СССР [4, с. 6], букварь для нанайцев «Новый путь» В.А. Аврорина, нанайский букварь для взрослых «Новая жизнь» А.П. Козловского и Н.Е. Афанасьевой, букварь для эвенов «Новое слово» (В.И. Цинциус), нивхский учебник «Новое слово» Е.А. Крейновича, удэгейская «Наша грамота» Е.Р. Шнейдера, «Новое слово» для ненцев Г.Н. Прокофьева, «Будем учиться» для ительменов Е.П. Орловой и ее эскимосская «Наша книга», корякский букварь «Красная грамота» (С.Н. Стебницкий).

Обучение начали проводить на национальных языках, даже пытались печатать статьи и заметки, например, в «Советской Чукотке», но русский язык оставался основным [2, с. 52].

В 1933 году издали мансийский букварь «Новый путь» В.Н. Чернецова, Е.М. Прокофьева выпустила селькупский «Красный путь», букварь для эвенков «Новый путь» выпустила Г.М. Василевич, «Хантэйский букварь» для ханты – Н.К. Каргер. З.Е. Черняков издал «Саамский букварь» (до этого, в 1930 году он создал рукописный саамский букварь из 19 страниц, по которому саамы учились с 1929 года). В 1934 году вышел очередной букварь Н.К. Каргера, но для кетов [1, с. 58]. Помимо учебников издавались переводные брошюры о промыслах, оленеводстве, о революции и партии.

Буквари на латинице местные не признавали, в том числе говоря, что они «не на их языке» (во всем чуждая латиница и многочисленные ошибки в переводе). Диалектические особенности также не учитывались. Инспекторы по учебным делам и школам отмечали, что русский язык для алфавита был бы уместнее, так как это позволило бы лучше внедрять его среди местного населения, и русский язык лучше, чем латынь, отразил бы все стороны жизни. В 1936 году Совет национальностей ЦИК СССР постановил Всесоюзному центральному комитету нового алфавита (ВЦК НА) перевести все издания на русскую письменность.

В 1935 году этот переход начал осуществляться. Комитет нового алфавита (КНА) народов Севера был упразднен, и его функции взял на себя Центральный институт языков и письменности народов СССР. Вслед за этим по обвинению в контрреволюции и шпионаже аресто-

вали ряд ученых Института народов Севера. В дальнейшем Я.П. Кошкина, Н.И. Спиридонова (Тэки Одулока) и других расстреляли, специалиста по эскимосским языкам А.С. Форштейна и Е.А. Крейновича отправили в лагеря. Последний подготовил в лагере будущую кандидатскую диссертацию «Юкагирский язык», Форштейн же к работе больше не возвращался [2, с. 52–53].

В 1934 году на совещании комитетов, занимавшихся северными народами, и Наркомпроса РСФСР заявили о необходимости прекратить издание национальных учебников на языках, считавшихся самыми малочисленными и «не представляющими культурной ценности». В итоге сократилось издание книг на саамском, удэгейском, кетском, ительменском и селькупском языках.

В то же время на другие национальные языки переводилась русская классика, издавались произведения некоторых национальных авторов. В 1936–1937 годах Гослитиздат провел конкурс для авторов произведений на национальных языках, на который прислали более тридцати работ. Премии получили авторы повестей и рассказов на удэгейском, ненецком, эвенском и эвенкийском языках.

К концу 1930-х гг. литературу на национальных языках выпускали в основном издательство «Учпедгиз» (Ленинград), издательство Главсевморпути (политическая и массовая литература), «Детгиз» (Ленинград, художественная и детская литература) [1, с. 20].

7 марта 1937 года были утверждены новые алфавиты для народов Севера: эвенов, эвенков, нанайцев, луораветланов (чукчей), нымыланов (береговых коряков) и других. В том же году заявили о необходимости подготовить учебники для первых-вторых классов, но речь уже шла о преодолении неграмотности и малограмотности среди взрослого населения.

К концу 1930-х годов создали литературные языки для чукчей, азиатских эскимосов, эвенков, эвенов, удэгейцев, нанайцев и коряков. Однако все равно возникали трудности с переводом политических терминов, что было связано и с разными диалектами. И в то же время русский язык начал более активно насаждаться среди местного населения.

Появилась периодическая печать: «Алеутская правда», «Камчатский колхозник», «Советская Чукотка», «Охотско-Эвенская правда», «Нивхская правда», «Советская Колыма», нанайская газета «Учебный путь» (с 1935 года это «Сталинский путь»)

Параллельно с этим создавались новые учебные заведения, в основном педагогические училища. В них готовили местные кадры, в том числе для начальных школ.

К концу 1930-х годов можно отметить возвращение молодежи в качестве специалистов в родные места. Они отучились не только в училищах (Анадырское, Хабаровское и т. д.), но и в Хабаровском государственном педагогическом институте, Ленинградском институте народов Севера. Появились первые местные этнографы. Например, представитель нивхов Чунер Михайлович Таксами [2, с. 54–63].

Постреволюционное время стало новым этапом в образовательной политике в регионах проживания коренных народов Севера. От религиозного образования пришли к атеистическому, и учебная литература выглядела более унифицированной: появились буквари, пособия, словари.

Латиница, как «чужая» и влекущая за собой множество ошибок в написании и переводе, не прижилась в алфавитах, на смену ей во второй половине 1930-х гг. пришла кириллица (русская письменность). В то же время, некоторые народы в связи с их явной малочис-

ленностью потеряли возможность обучения на родных языках, так как с 1934 года объявили об отсутствии необходимости издавать на них литературу. Одновременно с этим проводилась политика русификации. И с внедрением советской модели во все сферы жизни местного населения, именно русский язык, с которого делались переводы, и ключевые образы нового времени (вожди, символика, особенности быта, медицина и гигиена, школа, работа, досуг и т. д.) стали определяющими и в учебной литературе. Русский язык становился по сути надэтническим и наднациональным, связывающим всех «новых людей» – советских граждан, заряженных новой идеологией.

Послевоенные годы в развитии национального образования

После Великой Отечественной войны вышли букварии на эвенском, эвенкийском, хантыйском, чукотском и нанайском языках. Также было издано несколько учебников родного языка для эвенов, эвенков, чукчей и нанайцев, книги для чтения для эвенков и ненцев, русско-национальные словари и даже арифметические сборники.

В начале 1950-х годов выпустили почти 80 учебников и переводов художественной литературы на девяти языках. Издательство в Хабаровске каждый год публиковало по несколько книг для чукчей, эвенков, нанайцев и коряков. Позже эта деятельность остановилась на два десятка лет.

В Магадане в 1956 году (до 1963 г.) вышло более ста книг на чукотском языке. В Тюмени с 1950-х до 1964 года выходили книги местных писателей, в частности, из манси и ненцев. В Якутии выходили книги на эвенском, а с 1969 года – на юкагирском языках.

1960-е годы стали переломными. Областные издательства были упразднены или объединены, став межрегиональными. Происходило укрупнение учреждений печати, а вместе с этим прекращался выпуск литературы на некоторых национальных языках (селькупском, нивхском, мансийском). Реже издавались учебники и художественная литература на хантыйском, ненецком, эскимосском, корякском, эвенскийском и нанайском.

В 1970-е годы начали выпускать новые учебники, и с 1971 по 1975 год издательство «Просвещение» в Ленинграде издало учебники на восьми языках (29 учебников), а с 1974 по 1980 год – на семи (34 учебника). Некоторые из них были отмечены премиями и призами. Например, выпущенный в 1973 году хантыйский «Букварь» В.Е. Ануфриева получил диплом за художественное и полиграфическое исполнение в 1977 году в Лейпциге. «Букварь для подготовительного класса чукотской школы» И.С. Вдовина, Е.В. Латфуллиной, Т.М. Караваевой и Е.С. Уваргиной (1977, переиздание – 1982 г.) и эвенкийский «Букварь» А.Ф. Бойцовой, А.А. Кудри и А.В. Романовой (1976 г.) в 1979 году получили медали ВДНХ СССР. В 1980 г. такую же медаль получил «Эвенский букварь» В.И. Цинциус, изданный годом раньше. А.А. Антонова в 1982 году выпустила «Самь букварь» – букварь на саамском языке, удостоенный множества наград. В 1980-х годах ленинградским «Просвещением» издавались художественные книги и 44 школьных учебника, а также книги для дополнительного чтения и пособия для учителей. Возобновилось издательство на нивхском и саамском языках. Региональные издательства (Якутское, Средне-Уральское, Красноярское) выпускали книги на языках местных народов.

Со второй половины 1980-х до 1990-х годов было выпущено более 90 книг на 14 языках народов Сибири

и Дальнего Востока. После перестройки, несмотря на сложности этого времени, во многом в связи с «обращением к корням» начали переиздавать и издавать новые учебники и пособия на национальных языках.

На период после Великой Отечественной войны пришелся выпуск новых букварей, учебников по разным предметам (особенно у карелов, коми-пермяков), словарей. Но через полтора десятилетия печать национальной литературы для некоторых народов сократилась, учреждения печати укрупнились, что повлекло за собой изменения в образовательной политике в целом: русификация стала более основательной.

Хотя в 1970–1980-х годах возродилась печать на некоторых национальных языках, это все равно было время ухода от национального вопроса, и значение местных языков не было уже столь важно для советского образования.

Актуальность национальной письменности и языков обозначилась после 1990-х годов. Тогда же и началось возвращение к советским учебникам, а их переписывание заключалось как в изменении текстов, так и в исключении некоторых идеологических образов. Однако кризисное состояние страны в целом, попытка людей найти ответы в первую очередь на вопрос, как дальше жить и куда двигаться, приводила к поиску корней и самоидентификации себя через возрождение утраченного национального языка. И этот процесс зачастую выстраивался на отрицаемых образах.

Литература:

1. Арктическая энциклопедия. Коренные и малочисленные народы / ред. раздела Ф.Х. Соколова. М.: Паулсен, 2017. 1352 с.
2. *Ахметова А.В.* Власть и этнос: социальная политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1925–1985 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2013. 169 с.

3. *Базанов А.Г., Казанский Н.Г.* Школа на Крайнем Севере. Л.: Учпедгиз, 1939. 206 с.
4. *Богораз В.Г.* Материалы по языку азиатских эскимосов. Л.: Учпедгиз, 1949. 255 с.
5. Репрессированные этнографы. Вып. 2. / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М., Восточная литература РАН, 2003. 495 с.
6. *Слезкин Ю.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
7. *Солярский В.В.* Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск: Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1916. 173 с.
8. *Ядринцев Н.М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. Санкт-Петербург, 1891. 308 с.

Рис. 1. Сухотина Е.Р. Букварь на хантыйском (остяцком) языке. Л.: Учпедгиз, 1938. Художники М.Н. Бутрова, И.В. Вальтер, Б.М. Маркичев. Обложка и форзац М.Н. Бутровой

Рис. 2. Богораз-Тан В.Г., Стебницкий С.Н. Букварь для северных народностей /со 140 рис. в тексте С.В. Иванова и О.И. Бородиной; Допущено Наркомпросом. М.: Центральное издательство народов СССР, 1927. С. 9.

Рис. 3. Слушают радио. Жулев П.Н. Книга для чтения. Часть первая. Первый год обучения // В составлении книги принимали участие Г.Д. Вербов и Т.С. Карпова. На мансийский язык перевел В.Н. Чернецов. М.-Л.: Учпедгиз, 1933. С. 57.

Рис. 4. Пионеры-ханты. Зальцберг Д.В. Хантыйский (остяцкий) букварь. Л.: Учпедгиз, 1937. С. 92.

Nadezhda Biryukova,
Historian, Ethnologist, Master of Cultural Science (Moscow),
biryukova.nadezda@yandex.ru

Education policy towards the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in XIX–XX centuries

The native people of the North, Siberia and the Far East have been a part of the Russian state from the time of the development of these territories. But the expropriation of their ethnic identity was connected with the policy of Soviet power, based primarily on the introduction of global education and ideological attitudes. The article deals with the stages of Soviet educational policy, the first two decades of which were marked by innovative achievements of linguists and ethnographers, the formation of local intelligentsia, the creation of writing and textbooks in national languages. After the great Patriotic war, there were changes in the direction of Russification, or rather, non-national Sovietization, which critically affected the original culture and languages of natives.

Keywords: national textbooks, national languages, Ethnography, linguistics, Soviet education policy, Soviet national policy, native peoples of the North, Siberia, and the Far East, Soviet identity

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

Наталья Белянкова

Обучение детей мигрантов как педагогическая проблема

В статье рассматриваются педагогические проблемы работы с детьми мигрантов-переселенцев и с их родителями. Выделен круг аспектов данной проблемы, которые неплохо решаются, и те аспекты, которым не уделяется должного внимания, что может приводить к межнациональным конфликтам. Эти проблемы рассматриваются как в теоретическом плане, при анализе публикаций других авторов, так и в плане практическом, на основе собственных наблюдений.

Ключевые слова: *мигранты, езиды, изучение русского языка как неродного, формирование единства российской нации, Нижегородская область*

Белянкова
Наталья Михайловна,
кандидат педагогических наук, доцент, член редакционного совета журнала «Начальная школа» (Арзамас),
belyankovantm@mail.ru

Первые два десятилетия XXI века многие исследователи, вслед за академиком В.А. Тишковым, называют временем активного нациестроительства [14]. В политической лексике вновь появились понятия «патриотизм», «гражданственность». Вводятся и новые понятия: «гражданская идентичность», «этническая идентичность», «поликультурализм», «межкультурная коммуникация». Разумеется, сформировать единую российскую нацию из «атомизированного» населения – весьма трудная задача, и вряд ли можно говорить о завершении этого процесса. Поэтому при принятии решений и их дальнейшей реализации необходимо просчитывать, какие последствия они могут вызвать, не помешают ли процессу консолидации российского

народа, который был декларирован в утвержденной президентом в 2012 году «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», а также в утвержденной председателем правительства в 2013 году Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)».

Дойти до сознания каждого гражданина, предотвратить экстремистские проявления – задача федеральных, региональных и муниципальных властей, правоохранительных органов, СМИ и образовательных организаций – от детских садов до вузов.

Мы бы хотели сосредоточить внимание читателей на взаимоотношениях с мигрантами и их детьми как педагогической проблеме.

Насколько можно судить по диссертационным исследованиям и публикациям в научной периодике, в межнациональных отношениях имеется ряд глобальных проблем, которые предопределяют не только сами эти взаимоотношения, но и демократическое развитие Российской Федерации в целом, целостность ее территории, национальную безопасность и психологическое самочувствие нации. Одна из таких проблем – взаимоотношения мигрантов и принимающего их населения. Отдельные аспекты данной проблемы довольно успешно решались, другие же оставались в тлеющем состоянии, временами весьма трагически проявляясь межнациональными конфликтами и терактами.

К числу успешно решаемых задач относится обучение мигрантов и их детей русскому языку, без которого невозможна их адаптация к окружающему социуму и тем более интеграция мигрантов, желающих принять или уже принявших российское гражданство.

Особенно хотелось бы отметить разработки преподавателей РУДН для обучения взрослых трудящихся ми-

грантов для сдачи ими комплексного экзамена по русскому языку, истории России и законодательству РФ. Эти материалы являются официальными при сдаче экзамена трудовыми мигрантами [10–11]. Большая работа проделана учеными (в основном Москвы и Санкт-Петербурга) по изданию пособий для обучения детей мигрантов русскому языку [5; 8–9].

Большую и разнообразную работу с директорами и педагогами полиэтнических школ вел факультет международного образования Московского института открытого образования. Преподаватели этого факультета вели занятия на курсах повышения квалификации учителей, вели исследовательскую работу в полиэтнических школах Москвы и других субъектах РФ по гармонизации межнациональных отношений, сотрудничали с институтом этнологии и антропологии РАН и ЮНЕСКО. Под эгидой ЮНЕСКО ежегодно проводились Международные семинары цикла «Диалог цивилизаций и межкультурное сотрудничество» с приглашением участников не только из регионов России, но и из ближнего и дальнего зарубежья, сотрудников из мэрии Москвы, ЮНЕСКО и ООН. Материалы семинаров публиковались в издательском центре «Этносфера», в альманахе «Этнодиалоги». Результаты исследований преподавателей факультета также регулярно публиковались в альманахе «Этнодиалоги» [2; 7].

В конце 2016 года в связи с изменением приоритетных направлений деятельности столичной системы образования факультет международного образования был расформирован. Большая часть сотрудников перешла в Московский педагогический государственный университет, где был открыт Центр историко-культурных исследований религии и межцивилизационных отношений. Продолжает свою активную работу на этом направлении и Центр содействия межнациональному об-

разованию «Этносфера», и редакция альманаха «Этнодиалоги», ведь нужно не только повышать квалификацию уже работающих учителей, но и, что важнее, обучать будущих педагогов.

Такую же разнообразную и целенаправленную работу проводят не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в классических университетах и педвузах практически во всех регионах России, как в тех, где поток мигрантов весьма интенсивен и много общин переселенцев (Орловская, Курская, Белгородская области, Краснодарский и Ставропольский края), так и в тех, где, казалось бы, мигрантов не так уж и много.

Мы описали лишь малую толику той огромной работы, которую проводит педагогическое сообщество по гармонизации межнациональных отношений и укреплению единства российской нации в условиях усилившейся миграции населения. Эта работа находит свое отражение в публикациях на страницах педагогических газет и журналов. Разумеется, такие усилия не могут не дать результатов. Но пока мы можем констатировать, что взаимоотношения местного населения и мигрантов далеки от идеальных.

Основной проблемой, мешающей гармонизации межнациональных отношений, является ксенофобия, характерная для многих представителей местного русского населения по отношению к мигрантам. Преодоление этой ксенофобии – трудная задача, но решать ее необходимо, если мы стремимся сохранить и укрепить единство российской нации.

Взаимодействуя с детьми и их родителями, педагог должен подчеркивать, что ортодоксальность, несбалансированность в отстаивании преимуществ традиционного образа жизни, своих верований и экономических моделей контрпродуктивны. Есть еще одна проблема: отношение к мигрантам воспитателей дошкольных об-

разовательных организаций (ДОО) и учителей школ. От того, как педагог относится к детям мигрантов, зависит, смогут ли эти дети адаптироваться к условиям образовательного учреждения, а затем и интегрироваться в окружающий социум.

В настоящее время вопросы укрепления единства российской нации обязательно должны быть включены в программы учебных заведений, согласно ФГОС, в планы воспитательной работы каждого воспитателя детского сада, учителя начальных классов, каждого классного руководителя среднего и старшего звена школы. И начать эту работу педагог должен с себя. Исследования показывают, что в настоящее время довольно значительный слой практических педагогов (воспитателей ДОО, учителей школ) страдает ксенофобией. По данным А.Н. Джуринского [4, с. 150–157], 40% учителей считают себя «неготовыми к работе с детьми мигрантов». По данным Н.Ю. Синягиной 60% учителей «заражено вирусом ксенофобии» [13].

Возможно, что процент еще выше, так как приученные за долгие годы бояться всего и вся педагоги стараются отвечать на вопросы анкет «как положено». В Центре историко-культурных исследований религии и межцивилизационных отношений МПГУ разработаны тесты, которые позволят педагогу проверить, сформированы ли у педагога межкультурные компетенции и нет ли у него «вируса ксенофобии». Возможно, что это неприятное «открытие» о себе поможет учителю преодолеть его. И тем не менее мы возлагаем особые надежды на молодых, специально подготовленных учителей, знающих, как работать в полиэтнических школах.

И здесь имеется трудно решаемая, а зачастую и просто нерешаемая проблема, заключающаяся в нежелании многих русских воспитателей детских садов

и учителей школ адаптироваться к условиям полиэтнического детского коллектива. Т.Д. Шапошникова подчеркивала, что «хуже адаптируются представители великих держав, которые обычно считают, что приспосабливаться должны не они, а другие» [15]. Особенно склонны к игнорированию полиэтничности детского коллектива преподаватели естественно-математических дисциплин среднего и старшего звена школы, в меньшей степени – воспитатели детсадов, учителя начальных классов и учителя-гуманитарии. Таково состояние дел с гармонизацией межнациональных отношений в целом в РФ в первые два десятилетия XXI века, судя по публикациям в педагогических исследованиях и журнальных статьях.

В практическом же плане мы хотели бы осветить, как решается проблема в Нижегородской области. Нижегородская область обычное не включается в число регионов с активными миграционными потоками. Тем не менее Нижегородская область многонациональна, что обусловило необходимость интенсификации гармонизации межнациональных отношений.

Наряду с русскими, татарами в области проживают армяне, азербайджанцы, выходцы из Дагестана, киргизы, таджики, которые занимаются в основном торговлей на рынках и в кафе, а также езиды, занимающиеся мясо-молочным скотоводством.

В Нижнем Новгороде под эгидой Национального исследовательского нижегородского государственного университета (НИНГУ) им. Н.И. Лобачевского и Министерства образования Нижегородской области ежегодно с 2014 года начали проводиться всероссийские и международные конференции по гармонизации межнациональных отношений. В Арзамасском филиале НИНГУ им. Н.И. Лобачевского читаются спецкурсы для студентов и магистрантов, проводятся всероссий-

ские конференции, круглые столы по проблемам межнациональных отношений. Особо следует отметить прошедшую в 2016 году при поддержке фонда «Русский мир» всероссийскую научно-практическую конференцию «Глобализация и русский мир», в которой участвовали специалисты по адаптации и интеграции детей переселенцев. В рамках этой конференции была организована дискуссионная площадка по проблемам межнациональных отношений в России [3].

Но движение в сторону достижения единства нации не может быть односторонним, необходимо, чтобы инициативу проявляли и другие народы России, как оседло живущие на своих исконных территориях, так и переселенцы. 3 августа 2016 года национальные общины Нижегородчины создали региональную общественную организацию «Конгресс народов Нижегородской области», куда вошли Национально-культурный центр народов Дагестана, региональная общественная организация поддержки выходцев из республики Узбекистан «Саховат» и общественная организация «Конгресс ираноязычных народов». В программном заявлении конгресса декларируется, что особое внимание будет уделено профилактике негативных явлений, связанных с межнациональными отношениями в молодежной среде и созданию барьера, защищающего межнациональное единство России от любых попыток противопоставления одних групп населения другим.

В Арзамасском районе существует землячество езидов – древнего народа, представители которого переселились в Россию из Армении в 1990-е годы, хотя история миграций этого народа насчитывает несколько веков [1–2]. Сведения о езидах, которые мы почерпнули в результате личных наблюдений, из бесед с руководителем Ярославской области организации «Езиды» Ф.Р. Полатовым, руководителем арзамасской общины И.А. Арабяном (за годы жизни в Армении фамилии езидов были арменизированы), из бесед с жителями д. Березовки и учителями Березовской школы, в целом совпадают с наблюдениями этнографа А.А. Шевцовой [16].

Интересно, что характерологические особенности езидов отмечала в свое время и Агата Кристи, которая сопровождала своего второго мужа-археолога Макса Маллована на раскопки в Сирии «йезиди... – это мягкие, меланхолического вида люди, склонные оказываться жертвами издевательства остальных» [6, с. 118]. Правда, со слов арабов она повторяет мифлологему о том, что езиды являются дьяволопоклонниками.

Наше сотрудничество с коллективом средней школы д. Березовка и с общиной езидов началось в 2013 году с целью обобщения и пропаганды позитивного опыта взаимодействия педагогов школы и местных жителей с общиной езидов, в результате чего за все эти более чем двадцать лет в поселении не было ни одного межнационального конфликта. Не было конфликтов с езидами ни в южной части г. Арзамаса, ни в пригородной Выездновской слободе, где также поселились выходцы из Закавказья.

В 2015 году в Березовской школе на основе договора между Арзамасским филиалом НИНГУ им. Н.И. Лобачевского и Березовской СОШ была организована инновационная площадка «Гармонизация межнациональных отношений в сельской полиэтнической школе» под научным руководством автора. Целью организации инновационной площадки было обобщение опыта передовых учителей и его пропаганда в центральной педагогической печати. В 2013–2018 годах нами было опубликовано свыше 30 статей в «Учительской газете», в журналах «Дошкольное воспитание», «Начальная школа», «Начальное образование», «Воспитание школь-

ников», «Высшее образование в России», «Мир науки, культуры и образования», «Наука и практика воспитательной работы и дополнительного образования», в научно-информационном альманахе «Этнодиалоги», в сборниках материалов научно-практических конференций и семинаров, состоявшихся в Москве, Ярославле, Белгороде, Нижнем Новгороде и Арзамасе. Вышло методическое пособие для учителей «Проблемы образования детей мигрантов дошкольного и младшего школьного возраста», в котором обобщен опыт работы экспериментальной площадки и помещены разработки мероприятий воспитателей детского сада и учителей Березовской СОШ.

По результатам четырех лет работы инновационной площадки в СОШ д. Берёзовка можно констатировать, что именно усилия педагогов и встречные усилия семей мигрантов способствуют гармонизации межнациональных отношений, формируют мир и согласие между коренным населением и переселенцами в духе идей «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» и Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)».

В 2018–2019 гг. при поддержке Россотрудничества в Арзамасском филиале НИНГУ им. Н.И. Лобачевского была начата программа по продвижению изучения русского языка и литературы в странах ближнего и дальнего зарубежья. Преподаватели филиала во главе с его директором С.Н. Пяткиным побывали в Молдавии, Белоруссии, Ливане, Сирии, где выступали с докладами на международных конференциях и с лекциями по изучению славистики в вузах и школах этих стран.

Литература:

1. *Белянкова Н.М.* Первые итоги реализации Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.) в малом городе // Этнодиалоги. 2016. № 1. С. 137–149.
2. *Белянкова Н.М.* Проблемы и парадоксы образования второго поколения мигрантов // Этнодиалоги. 2017. № 1. С. 172–182.
3. *Белянкова Н.М.* Русский мир: проблемы интеграции мигрантов и их детей в окружающий социум // Глобализация и русский мир: сб. ст. участников Всерос. научно-практ. конф. Саров: Интерконтакт, 2016. С. 21–27.
4. *Джуринский А.Н.* Педагогика межнационального общения: поликультурное воспитание в России и за рубежом. М.: Сфера, 2007. 217 с.
5. *Каленкова О.Н., Безрукова О.А.* Моя русская грамматика. М.: Русская речь, 2012. 144 с.
6. *Кристи Маллован А.* Расскажи мне, как живешь /Агата Кристи Маллован. М.: Эксмо, 2009. 320 с.
7. *Омельченко Е.А.* Дети из семей мигрантов в школе: проблема или ресурс развития // Этнодиалоги: научно-информационный альманах. 2016. № 1 (50). С. 72–104.
8. *Протасова Е.Ю., Родина Н.М.* Русский язык для дошкольников: Учеб.-метод. пос. для двуязычного детского сада. СПб: Златоуст, 2006. 319 с.
9. Разноцветная планета: Примерная основная общеобразовательная программа дошкольного образования и комплекс учебно-методических материалов / Науч. рук. Е.А. Хамраева. М.: Ювента, 2013. 534 с.
10. *Румянцева Н.М., Гусева И.С.* Комплексный экзамен (по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ) для трудящихся-мигрантов – способ их социализации и социокультурной адаптации // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ, 2015. С. 887–892.
11. *Румянцева Н.М., Гусева И.С.* Тренировочные тесты к комплексному экзамену по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ: Для трудящихся мигрантов. М.: РУДН, 2015. 69 с.
12. Русский букварь для мигрантов: Учеб.-метод. комплекс / Под ред. И.П. Лысаковой. М.: КноРус, 2010. 80 с.
13. *Синягина Н.Ю.* Этнические отношения в ученической среде // Народное образование. 2013. № 1. С. 234–236.
14. *Тишков В.А.* Российский народ: Книга для учителя. М.: Просвещение, 2010. 191 с.
15. *Шапошникова Т.Д.* К проблеме адаптации детей-мигрантов в современном социокультурном пространстве // Начальная школа плюс до и после. 2012. № 5. С. 87–91.
16. *Шевцова А.А.* «Они армяне, но другие»: к вопросу об этнической идентичности езидов из Закавказья в Мордовии // Научные проблемы гуманитарных исследований: научно-практический журнал. 2011. Вып. 1. С. 101–106.

Natalia Belyankova,
PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Member of Editorial council of «Primary school» Journal,
belyankovanm@mail.ru

Education of migrant children as a pedagogical problem

The article examines the pedagogical issues of working with children of migrants and their parents. Highlighted a range of aspects of this problem are well solved, and those aspects are not neglected, with the result that can occur inter-ethnic conflicts. These problems are regarded as theoretical terms in the analysis of the publications of other authors, and practical, based on personal experience.

Keywords: migrants, yazidis, Russian language learning as foreign, the formation of the unity of the Russian nation, Nizhny Novgorod region

Ежеквартальный научно-информационный альманах

ЭТНО диалоги

ОТКРЫТА РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА 2020 ГОД

Чтобы оформить подписку на «Эно-диалоги», вам нужно:

- Заполнить прилагаемый бланк-заказ
- Оплатить стоимость подписки в банке или оформить почтовый перевод на указанный расчетный счет. Для удобства оплаты используйте опубликованную квитанцию
- Отправить квитанцию (копию) об оплате или переводе по адресу: 119261, г. Москва, ул. Панферова, д. 12. Центр межнационального образования «Этносфера» или по факсу +7 (499)134-50-98.

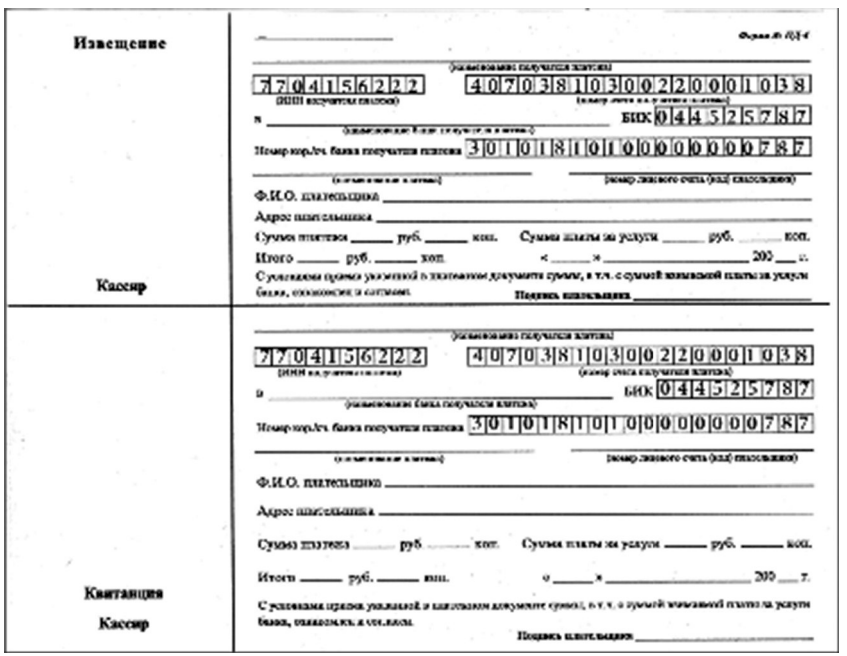
На обороте квитанции укажите, пожалуйста, следующие данные:

Почтовый индекс: _____

Страна: _____
Город: _____
Улица: _____
Дом: _____
Корпус: _____
Квартира: _____
Ф.И.О. подписчика: _____
_____
Тел.: _____
E-mail: _____

Альманах будет доставляться в ваш почтовый ящик!

Стоимость заказа 1 альманаха — 125 рублей, 4 номера в год — 500 рублей.


Извещение
Кассир
7704156222
40703810300220001038
БИК 044525787
30101810100000000787
Ф.И.О. плательщика
Адрес плательщика
Сумма платежа ____ руб. ____ коп.
Сумма платы за услуги ____ руб. ____ коп.
Итого ____ руб. ____ коп.
Подпись плательщика
Квитанция
Кассир

ЭТНО диалоги

Точка зрения автора публикаций может не соответствовать позиции редакционного совета.

Руководитель проекта и научный редактор издания
Юрий Горячев

Главный редактор
Анна Шевцова

Редактор английского текста
Марина Кривенькая

Ответственный секретарь
Елена Омельченко

Компьютерная верстка и дизайн
Светлана Пименова

Корректор
Елена Рябчикова

Перевод на английский язык
Кристина Корниенко

Подписано в печать: 31.08.2019 г.
Формат 84 x 60/16

Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewBaskerville, OfficinaSans.
Усл. печ. л. – 15 п.л.

Тираж 500 экз.

Адрес редакции:
109004, Москва,
Земляной вал, 64, стр. 2

Тел.: 8-916-652-22-50

E-mail: etno1@dol.ru, mail@etnosfera.ru

Центр «Этносфера»
Адрес: 109004, Москва,
Земляной Вал, 64, стр. 2
www.etnosfera.ru